

ТАТЬЯНА ЧЕТВЕРИКОВА

СОБИРАЯ ВРЕМЯ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

ТАТЬЯНА ЧЕТВЕРИКОВА

СОБИРАЯ ВРЕМЯ

Стихи

Омск
2009

УДК 821.161.1-14
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ч 52

Четверикова Т. Г.

Ч 52 Собирая время. Стихи / Вступ. ст. Н. Ягодинцевой. – Омск, 2009. – 352 с.
ISBN 978-5-91813-002-5

В книге собраны стихи, написанные с 1972 года по настоящее время. «...Характер и судьба составляют главный смысловой стержень «Избранного» Татьяны Четвериковой. Поэтическое полотно бесхитростно и достойно рисует характер и судьбу русской женщины – нашей современницы. Она открыта миру, она умеет быть и нежной, и сильной...» – пишет во вступительной статье поэт и культуролог Н. Ягодинцева (г. Челябинск).

УДК 821.161.1-14
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-91813-002-5

© Четверикова Т. Г., 2009
© Министерство культуры
Омской области, 2009

Избранное у поэта почти неизбежно складывается в мегастихотворение о его жизни и его веке. Название книги известной сибирской поэтессы Татьяны Четвериковой «Собирая время» напрямую подводит нас к этой мысли. Стихи, написанные в разные годы и с разными чувствами, оставаясь в избранном полновесными и самостоятельными, одновременно становятся и строчками, штрихами, образами, сплетающими пестротканое полотно жизни.

«Избранное» Четвериковой охватывает период с 1972 года по настоящее время. Более 35 лет – это, действительно, целый поэтический век, вместивший в себя и ушедшую эпоху социализма, и ее роковой слом – и то, что привычно называется мало осознанным нами пока словом «современность». А еще – те пласты истории, которые таинственно открываются по созвучию, по стремлению человека понять себя и свою страну:

*«Князь Владимир! Будь проклят за то, что ни разу //
Не молилась богам, как и я, – светлоглазым, // Русокосым
богиням, что деток славянских // Окунали в Днепре –
не в волнах иорданских...»*

По поводу таких времен, какие выпали нашей стране, на Востоке говорят: «Не дай вам бог жить в эпоху перемен», а в России Федор Тютчев в позапрошлом веке сказал совершенно противоположное: «Счастлив, кто посетил сей мир // В его минуты роковые – // Его призвали всеблагие, // Как собеседника на пир...»

По сути это времена, когда человек волей-неволей вынужден искать опору не во внешнем миропорядке, а в себе самом, в своем характере, в личной внутренней силе. И мир вокруг себя приходится выстраивать по собственным меркам, сообразуясь прежде всего с любовью и совестью.

В конечном итоге приведенные высказывания на практике, в реальной жизни верными оказываются оба. Без проверки «на излом» человек никогда так и не узнает своей истинной силы, но бесчисленная череда разоча-

рований и утрат неизбежно надрывает его сердце... Что уж говорить о поэте, который не оставляет не прожитым ни одно глубокое чувство, который со-чувствует всем и всегда говорит не только от своего имени, но и от имени всех бессловесных и бесследно сгинувших...

«Эх, Россия! До крика, до боли, до слез! // Ты порою бываешь, как мачеха, злая. // Поминальные свечи октябрьских берез // Всё горят, не сгорая, на землях Кулая... // ...Все быльем поросло... Здесь никто не живет. // Но как сильно сердца занозило! // Закипает слеза... Нас несет вертолет // Над огромною братской могилой...»

И все-таки именно поэт – счастливый человек: с Божьей помощью он сам ткёт полотно своей жизни из подручных снегов, дождей и радуг, безутешного отчаянья и безоглядного счастья, и суровая основа этого полотна – любовь. Не красивая романтическая сказка, которую обещают мечты на заре туманной юности, а светлая, но порой и страшная, беспощадно жестокая истина, которая собирается по крупицам как опыт достойного переживания жизненных трудностей и трагедий, разочарований, предательств и разлук. И чем крепче основа-любовь, тем надежнее ткань бытия... Об этом прямо говорит сама поэтесса:

«И даже если тяжела, // Любима жизнь, а не постыла. // Свободу я пережила // И несвободу полюбила. // Любая радость – за труды, // Любая милость – по заслугам. // Не разлюбила свет звезды. // Но научилась бресть за плугом. // Одернет жизнь меня – не сметь! // И вновь надежды все впустую. // Я не привыкла к слову «смерть», // Но против смерти не бунтую. // Не просто мудрость мне далась, // И все же кто из нас в накладе, // Когда ребенок, наклонясь, // Листает школьные тетради. // Когда друзья нагрянут в дом, // Когда нахлынет дождь в июле... // Горчит полынь, грохочет гром // И сладки леденцы сосулек...»

Мегастихотворение Татьяны Четвериковой – полотно, наполненное светом, щедро и ярко расцвеченное чувствами, и прежде всего оно – о любви: о Родине, о Сибири, о ее деревьях, зверях и птицах – полноправных спутниках жизни. О близких и далеких людях, о друзьях и о детях, живущих в этом времени, в этой непростой, но безоглядно любимой стране. Безусловно, в главном Четверикова – счастливый человек и счастливый поэт: у нее практически нет повседневности. Ее быт пронизан музыкой насквозь, жизнь ее души переплетена с жизнью природы, ее любимый город Омск любим верно и преданно, да и он, хранитель самых светлых и горьких

мгновений судьбы, отвечает ей сердечной привязанностью, одно из свидетельств которой – сама эта книга...

Стихи событие за событием проживают жизнь поэтессы. Они очень конкретны в своих действиях: в трагические минуты утверждают правоту выбора и укрепляют уверенность, в наблюдениях – размышляют, в переживаниях – рождают музыку. В этом, наверное, и заключается их главный смысл: вносить свою правку в торопливый текст повседневности, делать его из черновика – чистовиком.

Быт у Четвериковой естественно и закономерно превращается в со-бытие, объединяющее все живое вокруг простыми и таинственными узлами. Но он не теряет при этом и своей реальности, материальности, весомости: оставаясь собой, в музыке приобретает глубину, а во многих сюжетах стихотворений – и символическую значимость, серьезную или мягко ироничную. Это равно относится и к ключевым моментам жизни, и к вполне житейским мелочам.

«...Суров и точен еженедельник, // Вот на стихи он не горазд. // И не заполнена страница, // Где записать хотелось мне: // Попасть под дождь, опять влюбиться // И не проспать звезду в окне...»

Уж очень по-русски и по-женски – постоянно уметь видеть в обыденном присутствие высокого и вечного. Вот, например, стихотворение «Купаем черного кота...»: здесь мелочи бытового (и даже где-то вполне комического, забавного) события переливаются радугой светлых чувств, как пузырьки мыльной пены. И в итоге юмористическая картинка, где ребенок радуется, мужчина нервничает, а черный кот, вопреки всем законам жанра, становится белым в мыльной пене и, может быть, именно поэтому норовит вырваться и удрать, – все это оказывается для женщины, лирической героини, символом полноты жизни, устойчивого в вечном движении миропорядка.

«Кот вырывается из рук. // Все норовит к дверям, к дверям... // Но крепко милый держит лапы, // Хотя и зол, и поцарапан, // И надоело всё к чертям. // Я улыбаюсь... // Дело в том, // Что в шумные минуты эти // Я понимаю: есть на свете // Любимый, сын, и кот, и дом. // Что жизнь трудна, но не пуста, // Что многое еще свершится. // ...Кричит ребенок. // Милый злится. // Купаем черного кота».

Но сквозь призму того же бесхитростного на первый взгляд стихотворения вдруг постигаешь: через сколько же испытания, через какие глубокие трагедии прошла душа лирической героини, раз она так тонко научилась ценить мирную повседневность, радоваться ей

и восхищаться, видеть в ней надежду на будущее... И здесь уже явно просвечивают конкретный характер, судьба, и совершенно по-иному звучат многие стихи книги.

*«Мне все труднее и тревожней, // Мне все больше оттого, //
Что я лишь травка-подорожник // Пути и сердца твоего. // Мель-
кают дни, приходят сроки, // Раздумий сроки – не мечты. // А я все
травка на пороге, // Которой раны лечишь ты. // Я не скажу тебе:
доколе? // Я молчалива, как трава. // Но прорасту в широком поле //
И разве буду не права?»*

Пожалуй, именно характер и судьба составляют главный смысловой стержень «Избранного» Татьяны Четвериковой. Это ключевые понятия книги. От одного лирического сюжета к другому они прорисованы четко и рельефно: в открытых настежь диалогах и исповедях, в привычных размышлениях и дорогих душе поэтессы пейзажах, в полемическом азарте и молчаливой печали.

Так бывает всегда, когда стихи глубоко прорастают в жизнь, становятся в определенном смысле даже ее опорой. И оттого духовный опыт выходит за пределы личного, приобретает иную, общую значимость. Буквально с первых стихотворных строк можно понять, какого дорогого собеседника подарила тебе книга...

*«Мои глаза полны тайгой: // Листвой, иголками, травой, //
Цветами, что цветут без счета, // И в небе синим вертолетом. //
Мои глаза полны тайгой: // Зеленой, красной, золотою – // Люблю
краской, но не серой. // Сейчас глаза наполнят сердце. // И станет
сердце – не иначе – // Простым, доверчивым и зрячим...»*

Поэтическое полотно бесхитростно и достойно рисует характер и судьбу русской женщины – нашей современницы. Она открыта миру, она умеет быть и нежной, и сильной – а когда глубоко вчитываешься, понимаешь, что истинная женская сила несколько не умаляет истинной нежности, наоборот – делает ее еще более глубокой, беззащитной и ранимой.

Лирическая героиня Четвериковой живет любовью, и (в этом – главное) по большому счету ей куда важнее любить, чем быть любимой: дарить, отдавать, а не брать. Тут и без объяснений понятно, почему такая любовь обожжена беспощадным веком, как крутым сибирским морозом. Но только смутно и трепетно можно догадываться, почему беды делают ее только мудрее и могущественней...

*«Короткое время – березы цветенье. // Как в юности, в сердце
тоска и смятенье. // Тогда – о грядущем, теперь – о минувшем. //
Мы в доме вечернем все лампы потушим. // Мы будем глядеть*

не на улицу – дальше. // В то давнее время без горя и фальши. // А маленький дождик шуршит, словно ежик... // Хорошее время зеленых сережек. // Да жаль, не в одно мы окно наблюдаем // За ранней звездой и поздним трамваем. // Ни голос подать, ни коснуться рукою. // Но соединяет нас время такое, // Когда по России – березы цветенье: // Смятенье, // восторг, // сожаленье, // прощенье...»

Поэтическое избранное Татьяны Четвериковой традиционно во всех добрых смыслах этого ныне не слишком приветствуемого слова. Традиционно лирическая героиня тождественна автору – и это надежный залог искренности и достоверности.

«Такая боль – до позвонков. // Я вся – сплошной болящий вывих. // Не надо мне твоих звонков // И монологов торопливых. // Я путаю, где сон, где явь, – // У боли нет щадящих правил. // Оставь меня! Оставь! Оставь! // Как ты уже меня оставил...»

Традиционен круг тем – а ведь каждая жизнь проходит по этому кругу, но ни одна не повторяет другую, и каждый со своими испытаниями встречается один на один. Именно поэтому, сколько ни избретаи формально-содержательных новшеств, главное, жизненно важное все равно остается неизменным, и к нему неизменно приходится возвращаться.

«Только б на улице, через порог, // Трудно учиться на чьих-то примерах! // Сколько сирени на рынках и в скверах, // Май на исходе – последний звонок... // Ложь и предательство – выдумки, бред. // Все это глупые старые басни. // Жизнь – хороша! И ничуть не опасней, // Чем переход на положенный свет. // Шаг – до любви, до мечты, до звезды. // Девочка спит в страшном мареве мая, // Может быть, к лучшему, не понимая: // Только полшага – до взрослой беды...»

Из этого переживания столь же традиционно рождается другое: материнское, учительское, а по сути и судьбе – одно из программных, магистральных:

«Время – пырь! – и только видели, // Унеслось за облака. // Не соперничай с учителем, // Воспитавай ученика. // Береги его, пока еще // Не обучен, робок, мал. // Все препятствия по камешку // Разбери, чтоб не упал. // Научи, чтоб не примеривал // Пьедесталов и корон. // Пусть растет высок, как дерево, // И открыт со всех сторон...»

Традиционна музыкальная основа книги – она бесхитростна, потому что стихи очень близки к жизни и вышиваются по ее суровой канве, и здесь нет ни грана лукавства. Традиционна речь, просты

и понятны ее образы – ведь это прямая речь, которая несет надежду на понимание и ответ, ей ни к чему лишние украшения:

«Лето как будто бы на волоске. // Словно недавно и не было мая. // Девочка носит котенка в платке, // Нежно, как куклу, к груди прижимая. // Травы густы, и повсюду цветы. // Только у нас и такое возможно: // Завтра листья полетит, как листья // Давней поэмы о грусти дорожной...»

В смутные времена традиция всегда становится залогом сохранения и продолжения жизни, культуры переживания ее взлетов и падений, испытаний и даров. Проходя через все это, человек не просто должен сохранить себя, свою душу – он должен собрать, преумножить ее многократно, переплавить в ее огне свои страхи и обиды в любовь, понимание и бережение.

«К старости люди глохнут и слепнут. // Наверное, Бог или тот, кто отвечает за наши души, // запирает человека изнутри, // чтобы он, не отвлекаясь, послушал и увидел самого себя // и понял, наконец, жизнь, которую прожил.»

По счастью, тот, кто дышит воздухом поэзии, изначально открыт *«отвечающему за наши души»*, и у него есть прекрасная возможность *«понять жизнь, которую прожил»*: собрать свои стихи и сложить из них книгу. Пусть эта книга (снова дань традиции) и поделена условно на временные отрезки, практически соответствующие изменениям в окружающем мире людей, но поэт один, един и целен, как и его судьба. И в ней можно увидеть неизменное, ясное, чистое:

«Жизнь моя шумная – юность, младенчество! – // Всё в ней непросто и все в ней не зря. //...Тихое влажное утро Отечества // И молодое лицо сентября...»

И, пожалуй, только у поэта есть полновесная возможность, закрыв собранное и избранное, снова с чистым сердцем сказать:

«Мне нравится жить в этой осени мокрой, // Где тополь сорит невесомую охрой, // Где в каждом окне то герань, то фиалки...»

И многое еще свершится.

*Нина Ягодинцева,
поэт, член СП России,
лауреат региональных и всероссийских премий,
кандидат культурологии*

I

1972-1981

Светлей и чище серебра
Сибирь дарует нам покровы.
Сестра моя, но не по крови,
А по сердцу моя сестра,
Тебе и мне снега к лицу,
Леса знакомы, что твой терем.
Земле своей мы больше верим,
Чем обручальному кольцу.
А коль пришла пора разлук,
Доверимся метели белой!
Перо, игла – любое дело
Не выпадет из наших рук.
Растить детей, гостей встречать,
Стать осмотрительней, чем прежде.
Запрятать далеко надежды,
Чтоб не обжечься сгоряча.
Сестра моя! Тебе и мне
Знакома мудрость та. И все же
Ко мне пришел мой день погожий.
А что сейчас в твоём окне?
Хочу я верить: не гроза,
Не дождь, с которым одиноко.
Ищу твое средь тысяч окон.
Средь тысяч глаз – твои глаза...

Вот и проводили наше лето,
Побродили по березнякам,
Убедились, что осенним цветом
Брызнуло по травам и листьям.
Наше лето было не напрасным,
Разное: то в ливнях, то в пыли.
Мы сюда ходили, как на праздник,

А теперь на провода пришли.
Тихий ветер веток не качает,
Солнце опускается лучась.
Кажется, не эхо отвечает,
А пора, счастливая для нас.
Говорим не громко и не ровно,
Память об ушедшем сохраня...
И грозит весь лес поджечь шиповник
Искорками спелого огня.

И снова мокрые деревья,
И снова мокрое стекло.
И снова я никак не верю,
Что было лето и тепло.
И вспоминаю я подолгу,
В какой неведомой стране
Ромашки в девичьем подоле
И земляничины в траве.
Но снова осень. Зябнут руки.
Пора отречься от забот
И слушать медленные стуки
Дождей в оконный переплет.
Пора задуматься о крыше,
Понять, что ищешь, до конца,
Сложить обветренные крылья,
Стереть ребячество с лица.
Ищу весомые слова я –
Пора серьезно говорить.
Но все же так и подмывает
На звезды в лужах наступить.

Не наступайте на лягушек,
А то тяжелые дожди
Падут и навсегда потушат
Лесок, горящий впереди.
Зачем твердите мне про осень,
Коль знаю я наверняка,
Что никогда не билось оземь
Такое пламя ивняка.
Что так сентябрь на днях и лицах
Не отражался никогда,
И никогда такие птицы
Не покидали города.
... Уйти в поля и слушать, слушать
Их крик – единственный в судьбе.
Не наступайте на лягушек,
Смотрите под ноги себе.

Заночевала осень в сенцах.
И на крыльце топочет дождь...
Заныло бабушкино сердце,
А вот о чем – не разберешь.
И ночь печали не излечит.
И день тоски не отведет.
Вот жил бы дед, так было б легче,
Но деда нет который год.
Не сплю и я...
Не просто верю,
А знаю все наверняка –
Вот-вот сейчас откроет двери
Виденья легкая рука.
И понесутся кони бойко,
Утонет голос мой в снегах.

Мне будет сладко, будет больно,
И слезы будут на глазах.
Уходит прошлое...
Взглянуть бы!
Но завораживает близь.
Вот так сойдутся наши судьбы,
Чтоб никогда не разойтись.
Я примеряю взгляд и слово.
Ах, эта давняя игра!
Мне юность бабушкина снова
Не даст покоя до утра.
А лунный свет, неясный, зыбкий,
На кончиках своих лучей
Качает юную улыбку
Уснувшей бабушки моей.

...Тот человек дарил цветы,
Не покупные, а из леса.
Боялся нашей суеты
И в ней не видел интереса.
Зато в поселке за рекой,
Где все размеренно и чинно,
Он был доволен сам собой –
Такой внушительный мужчина.
Но в город все же приезжал
Он, как всегда, по воскресеньям.
Глазами женщину искал
И задышался от волненья.
Теряясь в уличной толпе,
Вдруг замечал в себе нервозность.
И звал он женщину к себе,
Хоть знал ответ: все поздно, поздно.
И человек затосковал,

Уехал он в чужие дали.
Шумел по-прежнему вокзал,
Цветами бабы торговали.
Прошла зима, потом весна.
И, видно, только по привычке
Встречала женщина одна
По воскресеньям электрички.
Смотрела, как сходил народ,
И было ей в жару морозно,
Хотя и знала наперед,
Что поздно все, что слишком поздно.

Какая мягкая зима,
Какая снежная погода!
Снег, осыпаясь с небосвода,
Неслышно кутает дома.
Он их жалеет, как детей,
Которых будят до рассвета.
Которым часто снится лето:
Качели, зелень, стук дождей.
Они ведь в сущности малы,
Хоть высоки и крупноблочные.
И снег им дарит свет молочный,
Чтоб были ночи их светлы...

Попутчики играют в карты.
А за окном леса, леса...
Два месяца пути до марта
И до поселка два часа.
Январь вползает через щели,
На стекла он ложится льдом.

И спят вчерашние метели
В больших сугробах за окном.
Напомнит сердце писем строки,
О том, кто прав, а кто не прав.
Но не вернуться с полдороги,
Все карты враз перемешав,
К тебе...
И не зову я нашим
Угрюмый дом, холодный тот...
И нам, обоим проигравшим,
Покоя нет который год.

– Ты не бойся! –
Говорю я сыну.–
Тополя от ветра не простынут.
Это только дети простывают.
...Снег лежит большими простынями.
– Ты не бойся! –
Говорю я сыну.–
Травы под снегами не застынут.
Будет март и снова солнце в лужах.
...За окном опять весь вечер выюжит.
– Ты не бойся! –
Говорю я сыну.–
Ветер – он не черный. Ветер – синий,
Он хохочет, он совсем не злится.
...А у сына мокрые ресницы.
– Ну, не плачь же! –
Сыну говорю я, –
Это только взрослые горюют.

Мне говорят: мосты сожги,
Найди замену.
Вбивают мне слова в мозги,
Как гвозди в стену.
И утверждают, что глаза
Твои лукавы.
А я молчу.
Что мне сказать,
Когда все правы?..

Кому это радость – такие прогулки,
Круженье по тихим, глухим переулкам.
Кому это надо, чтоб мы безысходно
Искали дорогу – дорога свободна.
Но мы упираемся в чьи-то заборы,
Но мы затеваем какие-то ссоры.
И кто этот третий, кто эта сводня,
Что после разлуки свела нас сегодня,
Как раньше сводила, как будет и после,
И знает, как лучше нам: вместе ли, врозь ли.
Зачем прихожу я к заветным ступеням,
Зачем за любовь принимаешь терпенье...
И это не сбросить, как старое платье.
Судьба ли над нами, звезда ли, проклятье?

О, как же ты хочешь любовь уберечь
И даже заставить сиять!
А я начинаю усталую речь
Со скучного слова «опять»!
Опять над землею нависли снега.

Опять мы с тобою вдвоем.
Но мне заслоняет другая рука
Пространство. На весь окоем.
Опять различить не могу я границ
Ни леса, ни поля, ни дня...
А было такое, что падали ниц
Дожди предо мною, звеня.
О как я умела, простая душа,
Входить, как в дворец, в березняк,
И каждое утро иначе дышать,
И петь, и работать не так.
Мне грустно смотреть на твою доброту,
На свет и спокойный огонь,
Когда у кого-то на старом мосту
Наполнена снегом ладонь.
И мне невтерпеж по опасному льду
Впервые пройти напрямик.
Я все-таки, знаешь, наверно, уйду
От слов твоих умных, от книг.
От дома, что замкнут, приличен и тих,
Я сделаю шаг и другой
И ахну: снега...
Не видала таких!
Простор – не закроешь рукой!

Рисунок

Нарисовал он человечка.
Спросила я:
– А где же дом?
Нарисовал он дом, крылечко,
Кота хитрющего на нем.
Спросила я:
– А где же солнце?
Он очертил над домом круг.

Лучи ударили в оконце
Из-под его веселых рук.
Потом он в небе птиц навесил,
Наставил яблонь, где хотел.
Художник молод был и весел,
Пусть рисовать он не умел.
Листок в учебник он засунул,
Забыл его среди страниц.
А я нашла смешной рисунок,
Где солнце, дом и много птиц.
О, как же радовал он прежде!
И кто б тогда поверить смог,
Что пожелтеют и надежды,
Как этот маленький листок.
А человечек так тревожно
Смотрел, как будто говорил:
– Мне очень грустно, что художник
Тебя, как и меня, забыл.

А Кате ночью вновь не спится,
Она вздыхает тяжело:
Ей скоро ехать продавицей
В чужое, дальнее село.
И здесь, в районном городишке,
Где меж собою все родня,
Где вечерами тихо слишком,
Она живет четыре дня.
А Катя пишет в письмах длинно
Все про гостиницу и грязь.
А за окном, такой старинный,
Стоит Тобольск – удельный князь.
Наутро шла она и снова
Несла в глазах свою беду.

И вдруг увидела: коровы
По главной улице идут.
Навстречу заспанным прохожим
Мычанье грузное ползло...
И было это так похоже
На позабытое село,
В котором с речкой по соседству
Огромный лес, где ягод всласть.
Оно за памятью, за детством –
Село, где Катя родилась.
...Назавтра Катя уезжала
На развеселом катерке.
Гремели песни над причалом,
Катилось эхо по реке.
И, деревенская по сути,
Спешила, как казалось ей,
Дарить платками и посудой
Знакомых издавна людей.

...А все мы, в общем-то, крестьяне:
Отец ли, дед ли, прадед твой.
Да будет вечно первозданен
Парок над влажною землей.
Устану. Выдохнусь. Поплачу.
Но что вести обидам счет?
Хлеба растут. И это значит:
Жизнь, как положено, течет.

Ты помнишь наш старинный парк:
Аллеи да полянки,
Ты взял меня за плечи, как

Твой предок полонянку.
И резко, и совсем легко,
И властно, да с опаской.
Пахнуло древнею тоской,
Далекою, как сказка.
Глаза твои черным-черны.
О сколько в них Востока!
Костры степные, табуны,
Дорога и дорога...
Века травую поросли,
Почти неразличимы.
Но вижу я моей земли
Пожарища и дымы.
Не оттого ли на губах
Я ощущаю горечь?
Не оттого ли этот страх,
Когда мы вместе в полночь?

Неслышно тени дерева
Роняли нам на плечи.
И были все твои слова,
Как на чужом наречье.

Он сказал:
– Ты стала осторожной,
А была до доньшка видна.
Я ему ответила:
– Возможно,
Только чья в том, милый мой, вина?
За четыре одиноких лета
При живом – печальная вдова,
Позабыла песни для привета,
Для любви – хорошие слова.

Все прошло...
Читаю сыну сказки,
Изжила обиду и тоску.
Только к людям подхожу с опаской,
Ничего поделать не могу!

Разрыв

...Лишь сердце дрогнет – и прощай.
Спешу с другими быть счастливым.
Слепой горячкою разрыва
Судьбы своей не омрачай.
Поднимешь зябко воротник.
Куда спешить?
О чем забота?
И не припомнишь никого ты,
Кто очень нужен в этот миг.
И я припомнить не смогу.
Но только на одно мгновенье
В одну сольются наши тени
На незапятнанном снегу.

Хотела сердцу волю дать.
Но день, он так короток!
Я уложила сына спать –
Подстерегла работа.
Но на страницах умных книг
Мне рисовалось часто
Лицо – любимого двойник,
Мое бывшее счастье.
Заплакать бы, заголосить,
Но я опять – ни звука.
Самой себя сильнее быть –

Какая это мука!
А боль ворочалась в груди,
Но чем себе поможешь,
Когда все то, что впереди,
На этот день похоже.
И громоздились этажи,
И небо было серым.
И надо было снова жить
С невыплаканным сердцем.

О, как блаженно все вначале!
Тоска, гаданье: мой – не мой.
Я сдам внаем свои печали
Какой-то девочке смешной.
Пускай потешится, поплачет,
Любовь придумает, и вот
В ее тоске и неудаче
Мое сомненье оживет,
Мои бессонницы, догадки...
Но будет день, когда всерьез
Вдруг станет девочке несладко
От настоящих бабьих слез.

Вы думали так, что пропала и сгинула
От черной измены и горькой тоски.
А я полушалок поярче накинула,
Захлопнула дверь и пошла вдоль реки.
Мне жить-поживать и не знаться с обидою:
Чиста моя совесть, душа молода.
Я склок не плету, никому не завидую.
Так справится разве со мною беда?

Умоюсь снежком, погрузу над причалами,
Весны подожду, а потом у реки,
Как будто со льдом, попрощаюсь с печальями,
Тоску оброну, что колечко с руки.

Давай начнем с тобой роман!
Готовы первые страницы...
Дерев заснеженных туман,
Чужого дома половицы.
Неверный свет витых свечей
На все накладывает глянец.
И ожиданье горячей,
Чем первый взгляд, чем первый танец.
А вот и новая глава...
В ней нет отчетливости также,
Лишь сумасбродные слова,
Их только полночь и подскажет.
А полночь та была щедрa
На крупный снег, катанье с горок.
А полночь та была добра,
Нам подарив уснувший город.
Сюжет слагается с трудом,
И расширяются границы:
Тревоги, ливни за окном,
Друзья, прогулки, слухи, птицы...
О сколько будет вмещено
В роман, который весь вначале!
Но только знать нам не дано,
Веселым выйдет он, печальным.
И, может быть, все счастье в том,
Что мы не знаем у порога,
Что с нами сбудется потом,
За дальней дверцей эпилога.

Мелодия

Мелодия из дальнего окна
В притихшем мире медленно окрепла.
И наша ссора, и твоя вина
Из звуков возродились, как из пепла.
Мелодия... И кругом голова.
Ночные тополя в окне маячат,
И то, что я по-прежнему права,
Сегодня ничего уже не значит.

Как это трудно – все упрямей
Саму себя во всем корить,
С твоими встретиться глазами
И глаз своих не отводить.
Уверить: жизнь идет как надо,
И нет для нас пути назад,
Что я тому, конечно, рада
И ты тому, конечно, рад.
Как хорошо, что можно в душу
Упрятать горькую борьбу
И даже словом не нарушить
Твою счастливую судьбу.

Платформа, дом, и от порога
Бежит тропа среди травы.
А рядом тянется дорога
От океана до Москвы.
Ее представить невозможно,
Чтоб вся легла перед тобой.
Она бессонно и тревожно
Живет заботою одной.

Исправно подставляет плечи
Под уголь, танки и зерно.
А в тихом доме тихий вечер
Засветит чистое окно.
Продолжит разговор вчерашний
Семья, разлив по чашкам чай.
О, сколько вас, огней домашних,
Вдоль всей дороги в поздний час.
Мерцающая под уютным кровом,
Как нам необходимы вы,
Когда судьба несет нас снова
От океана до Москвы.
Когда, принадлежа дороге,
Подвластные ее гудкам,
Все ждем, чтоб с тихого порога,
Как с отчего, махнули нам.

Живая женская душа –
Она волнуется и плачет.
Живет на острие ножа,
Не понимая – как иначе.
Она бывает не права.
Но разрывается на части:
Мальчишки, звери, деревья –
Все жаждут ласки и участия.
На свете нет беды такой,
Чтоб пролетела – не задела.
Душа открыта до предела
Обиде и беде чужой.
Порой от горя чуть дыша,
Не в силах подсчитать потери,
Она надеется и верит –
Живая женская душа.

Смирись, что к осени покорней
И пристальной мы смотрим вниз,
Туда, где вековые корни
На сто рядов переплелись.
Наполнит лес холодной дрожью
Дождь, остужающий умы.
Спокойней станем мы и строже,
Но станем ли счастливей мы?

Страда

Что вверх смотреть? На землю надо:
Дорогу за ночь развезло.
Но я ловила жадным взглядом
Посеребренное крыло.
Как будто с борта самолета
Махнет иная мне судьба.
А у земли своя забота –
Сгибались под дождем хлеба.
Машины вязли.
И бескрайним
Казалось поле на беду.
Как медленно ползли комбайны
И застревали на ходу!
Дождь опадал на землю с веток,
Ему-то было все равно,
Что в грязь, невидимую сверху,
Покорно падало зерно.
И это прибавляло боли,
Но больше разжигало страсть.
Мы вновь рассвет встречали в поле,
Чтоб хлеб спасти, не дать пропасть.
Страда – тяжелая работа.
Она имела вкус и цвет.

И пролетали самолеты,
И я им не смотрела вслед.

Этюд

Он шел с этюдником навстречу нам,
Веселый, ловкий,
К воде, что осенью подсвечена,
К двум старым лодкам.
Работал долго и уверенно,
Хоть пальцы мерзли.
Что видел он?
Детей у берега
И уток возле.
А солнце из-за туч нависнувших
Светило скупо.
Холодный мир казался выцветшим.
Какая скука!
К тому же ветров злое полчище
Неслось вдоль улиц.
Мы, выдержав всего лишь полчаса,
Домой вернулись.
Нам было видеть мир приятнее
В окно из кресел.
...Вошел, покрыта куртка пятнами,
Этюд повесил.
Знакомо все: и леса дальнего
Тона осенние,
Луча последнего, прощального
В воде свечение.
Но мы стоим, врасплох застигнуты,
Себе не верим:
Мир был усталым, был покинутым,
Но не был серым...

Олень

В зверинце маленьком и скучном
И так похожем на тюрьму,
Когда он стал таким послушным
И равнодушным ко всему?
Представить трудно: непогода,
Тяжелый снег, гудит тайга...
С трудом олень забыл свободу:
Разбиты гордые рога.
А сердцу больно и тревожно,
Хоть нет на мне за то вины,
Что сторожа вокруг надежны
И клетки тесные прочны.
Что я могу, олень, дружище?
Уйду, бессилие кляня.
Все кажется, глазами ищешь
Ты не кого-нибудь – меня.

Светка по полу дробила –
Пол ходил под каблуком.
Светка пела:
– Что ж ты, милый,
Не приходишь вечерком?
Прозвонил за поворотом
Припозднившийся трамвай.
Завтра Светке на работу,
А сегодня – отдыхай!
От побелок, стирок, штопок –
Все же двое пацанов.
Наплясаться б так ей, чтобы
Спать легко, не видеть снов.
В снах ее одно и то же:
Стук в окошко,

Скрип дверей,
И ее-то расхороший –
На колени перед ней.
Ох, вы сны! Обман и только,
Врут уже который год.
Улеглись в округе толки,
А она все ждет и ждет..
Пляшет Светка при народе
В свой законный выходной:
– И кого под ручку водит
Мой залетка дорогой!

Кочевала гитара
От стола да к столу.
Говорила гитара
О дожде по стеклу,
О заснеженных землях,
О смертельной тоске.
Говорила..
А с тем ли? Говорила..
А с кем?
Слезы падали пьяно,
Солонили вино.
Жизнь была без изъяна,
Не ложилась на дно.
Кочевала гитара
Столько дней и ночей!
Говорила гитара о дожде..
А зачем?
Отоспавшись, наутро
Забывали о ней.
Жили буднично, мудро,
Без речей и затей.

Не придумаешь моря,
Если рядом река.
Не придумаешь горя,
Если жизнь не горька.

Окраина

1

В шумном городе, на задворках,
Там, где кладбище и гараж,
Под трамвайную скороговорку
Подрастает сыночек наш.
Это худенькое растение,
Большеухое, как щенок,
Столько вносит в семью смятения,
Сколько б взрослый внести не смог.
Лучшим садиком не обласкан,
Вольный, словно июльский дождь,
Он такие придумает сказки,
Что руками лишь разведешь.

2

Окраина моя, окраина,
Ты столько раз была охаяна.
И даже если поделом –
Все сердцу больно: здесь мой дом.
Как трудно здесь любить в открытую,
Идти вдвоем – в руке рука.
Окраина моя, забытая,
Тиха, как омут, глубока.
Когда-нибудь все переменится,
Что отжило – то перемелется.
Пока живу и не ропщу.

Сыночка малого рашу.
Он на земле рисует рожицы
И ни о чем-то не тревожится.
Заборы, рельсы, старый дом
И две дороги за углом.

Сквозь снегопад, как через марлю,
Светились пятна фонарей.
И почему-то пахло мартом
Совсем некстати в январе.
И по-весеннему взьерошен
Звонил трамвай на весь квартал,
А парень девушку хорошей
Все называл и называл.
От этой склонности сердечной,
Что всем вокруг была видна,
Нам показалось: на конечной
Уже тепло, уже весна.

Маме

А мне еще упасть,
А мне еще воскреснуть,
Задуматься и всласть
Наплакаться над песней.
И списки всех потерь
Напрасны и нелепы,
Когда входная дверь
Выходит прямо в небо.

У сына увлечение: жечь костры
Из листьев, опадающих к рассвету.
Пропахли все окрестные дворы
Дымком, в котором растворилось лето.
У сына руки пахнут тем дымком.
Его друзей горластые ватаги
Влетают с шумом и приносят в дом
Осенний запах свежести и влаги.
И дом наш в эту осень стал другим:
Дух перемены в нем царит повсюду.
Мы красим стены цветом голубым
И ставим астры в тонкую посуду.
Мы говорим, как будто вороша
Костер из старых сказок и поверий,
Надежд, печалей, радостей, и верим:
Зима, что постучится в наши двери,
Невероятно будет хороша!

В автобусе

Зимы все нет.
Жизнь медленно течет.
То оттепель, то снова гололедица.
А мальчику, наверное, не верится:
Недаром же – коньки через плечо.
Средь утомленных сутолокой лиц,
Глядящих друг на друга неприязненно,
Его лицо – предощущенье праздника.
Его лицо – гнездо двух синих птиц.
Они все устремляются вперед,
Туда, где зреет снег за злыми тучами.
Глядим в окно и мы, его попутчики,
Но видим только берег, мост, завод.
А надо бы глядеть в его глаза:

Там долгожданный снег идет раскованно,
Там жизнь течет свободно и рискованно,
Светло, не доверяясь тормозам.

Живу, как и прежде жила я:
Дела, ожиданье суббот.
Но эта, особенно злая,
Житья мне зима не дает.
И даже не тем, что морозна,
Она донимает меня,
А тем, что загадочно звездной
Становится день ото дня.
В ее тишине и тумане
Средь окон, затянутых льдом,
Средь светлых деревьев и зданий
Ловлю себя чаще на том,
Что сказки,
 игрушки,
 болезни
Всплывают вдруг из забытья.
К чему этот всплеск бесполезный,
С обидою думаю я.
Ведь ясно, что невозвратимы
Дни детства.
Зачем же, зачем
В такие суровые зимы
Его не изжить мне ничем?
Оно возникает то горкой,
То сладким над крышей дымком,
То стянутым туго на горле
Колючим и теплым платком.

Весна

– Прилипчивы весенние снежки,
Они летят в мальчишеские спины.
– Да не снежки!
Скорей всего смешки.
Весна уже пришла наполовину.
– Наполовину? Как это?
– Да так:
С утра дороги развезло сегодня.
А ветер веет радостней, свободней.
Но от дремоты не очнулся парк.
Как прежде, снег еще и свеж, и бел.
Он прячется по скверам и газонам,
Хоть знает: в скором пламени зеленом
Сгореть бесследно – вот его удел.
– Сгореть... Растаять... Путаешь слова!
А здравый смысл, он потому и здравый,
Что летом ли, зимою...
– Да, вы правы.
Действительно, кружится голова.
Весна внезапна. Это – как ожог!
– Известно всем: не бесконечны зимы.
– Но так они порой невыносимы,
Что хочется им вслед метнуть снежок.

О, как легко ты улетаешь,
Не обернешься, не вздохнешь.
Гляжу я сквозь неслышный дождь,
Как ты уверенно шагаешь.
Готов к отлету самолет.
Он весь дрожит от напряженья.
Во мне минутное волнение
Вот-вот в тоску перерастет.

Но ты спокоен. Для тебя
Швырнуть себя в большое небо
Почти отрада.
И нелепо
Глаза мои вослед скорбят.
А я шепчу: остановись,
Ну оглянись хотя бы, милый.
Но нет сильней на свете силы,
Чем та, что поднимает ввысь...
Родной руки прощальный взмах.
Я тоже поднимаю руку.
И не пеняю на разлуку.

Будь осторожен в облаках!

Ложь

А опыта нет ни на грош.
Не спрятать обид под бравадой.
И тащится глупая ложь
За мною по майскому саду.
Напрасно себя я лечу
Листвою, травой изумрудной.
Не то что бежать по лучу –
Брести по дороге мне трудно.
Тяжелое сердце мое
Готово быть мстительным, резким.
Зачем это людям – вранье,
Когда зеленеть перелескам,
Садам распускаться пора
И птицам звенеть просветленно?
К чему эта злая игра –
В испорченные телефоны?
И чем осторожней живешь,
Тем день ото дня все тревожней.

А опыта нет ни на грош.
Но счастье ли быть осторожной?
Уйду от людей, помолчу.
Но выплеснет сердце наружу,
И я побегу по лучу,
Как в детстве – по травам и лужам.

Цветы намокли под дождем.
Они горят последним цветом.
Я знаю, что легко вдвоем
Прощаться с уходящим летом.
А вот одной...
Мой плащ промок
И потому не согревает.
Подъезд случайный мне помог
Дождаться позднего трамвая.
За поворотом – поворот.
Как все знакомо и привычно!
А дождь цветы ладошкой мнет,
Холодный, серый, безразличный.
Какая горькая печать
Ложится на цвета и звуки!
Привыкнем ли поврозь встречать
Вдали проглянувшие вьюги?

Любовь почтовая скучна.
Зато мудра и неопасна.
И каждый из двоих негласно
Свободен в выборе друзей.
Любовь почтовая страшна,
Когда она совсем не шутка,

Когда вы каждую минутку
Способны думать лишь о ней.
Любовь тревожная, зачем
Меня испытываешь снова,
Коль узнаю я с полуслова
Знакомый звук твоих речей?
Жестока старая игра,
Не начинай же все сначала.
Во мне и так боязнь вокзала,
Ночных звонков и телеграмм.
Мне надо только письма сжечь,
Избавиться от снов, в которых
Ищу приметы встреч нескорых,
Тогда тебя я сброшу с плеч.
А, впрочем, это ерунда.
И я давно уже готова
Жить этой долгою, почтовой
Любовью, горькой, как беда.

Полночь не тронута.
Полночь свежа.
Полночь опасна – острее ножа.
Яда вернее – не тронь, не посмей!
Полночь пошлю тебе в длинном письме.
Страшно не то, что сейчас я одна,
Страшно – яснее других мне видна
С алым отливом звезда в небесах.
Не оттого ли смятенье и страх
И недоверие к тишине?
Полночь враждебна не только ко мне.
Ты мне ответь через все города,
Что предвещает нам эта звезда?
Что же скрывает, без края и дна –
Полночь, душа у которой темна?

Лето кончается.
Лето кончается.
Яблоком красным
На ветке качается.
Астры цветут неумно,
Ягод малины
Последняя сладость.
Но почему же горчит
Эта радость?
Ночью бездомной и темной,
Поздним рассветом
И утром холодным,
Ветром в степи
Ошалевшим, свободным.
Как он изматывал душу!
Значит, опять
Предстоит нам сразиться.
Как он умеет наотмашь –
По лицам.
Лето кончается сушью.
Даже дождинки не скатится
С неба.
Надо ли жить мне
Предчувствием снега,
В дали глядеть оробело?
Яблоко в руки –
Кончается лето.
Сердце сожмется –
Кончается лето.
Только ли в этом все дело?

Ты спросишь, чем я занимаюсь?
Я говорю себе: терпи.
А осень мокрая, немая
За мною бродит по степи.
Но степь завьюжит след осенний,
Не угадать, не различить.
И вновь каленые поленья
Сложу я горкой у печи.
Заиндевеют окна в доме,
И дым повиснет над трубой.
Веселых песен будет вдоволь
И писем, присланных тобой.
Ну, а пока ты мне не пишешь.
И ветер пальцы обломал:
Срывал предзимние афиши –
В холодном небе облака.

Октябрь

Ночь холодна, темна, безветренна.
Еще денек, еще другой –
Пойдут дожди тягуче, медленно...
Совсем не так, как шли весной.
А мне, как ветер, неприкаянной,
Забыть дела, с ума сойти,
Что все мое – такое тайное –
Обнажено до дна почти.
Дивиться люди будут, зариться
На то, что так я берегла.
А я пойду по краю зарева
Искать покоя и тепла.
Пойму, что глупое затеяла,
Но все равно не отступлю,
Хоть даже рук не отогрею я,

А только пальцы опалю.
Сгорят все выдумки, все вымыслы
(Их дворники с листвою сгребут).
О, сколько надо будет вынести,
Пока снега не упадут!

Воспоминание о Переславле

Барабанил дождик частый
По деревьям и плащам.
И с какой-то школьной страстью
Ты смотрел на древний храм,
На леса, на речку Трубеж,
Что твердила об одном:
Ты меня совсем не любишь,
Значит, как же нам вдвоем?
Под церковный звон напевный
Ты смотрел на купола
И не знал, что самой древней
Здесь тоска моя была.

– Взгляну и руку протяну,
И сразу все изменится.
Смотри: в июльскую волну
Я превращу метелицу.
Я очень многое могу:
Стереть все беды начисто.
Ветра, что слепнут на бегу,
В моей ладони прячутся.
Их стоит выпустить, они
Сметут, что было прожито.
Я говорю:

– Так не тяни! Раскрой ладонь.
Ну что же ты?
Я знаю, что ладонь пуста,
Что много в сказках горечи.
А жизнь – она крутым-крута,
Все с горочки на горочку...

– Рано, душа моя, ты погоди!
Что же ты рвешься, тебе говорю!
Пусть пробежали по крышам дожди,
Рано еще, ты не верь январю.
Но убегает и машет рукой
Откуда-то сверху, как будто бы с неба.
Так с кем ты, судьба? Ты с нею, со мной?
И вроде со мною, и вроде бы с нею.
Но я же права, и морозам скрипеть
Еще, как старухам, скучным и убогим.
Но можно ли так веселиться и петь,
Когда еще плохо приходится многим.
Я засыпаю под шорох снегов,
Не выяснив все же – права, не права ли.
И вроде летаю среди облаков,
И вроде бы плачу в каком-то провале.

...Мне просто жалко этих дней:
Они уходят
На скучных, замкнутых людей,
На переходы,
На магазины и дела,
Которых пропасть.
А снег у самого стекла –

Он свет и робость.
Мне только бы войти в него,
Забыть, забыться.
Не различая ничего,
С дороги сбиться.
Входить на тихие мосты,
Деревья трогать
И, пробродив до темноты,
Найти дорогу.
Но, отвечая невпопад,
Уснуть нескоро,
Смотреть на белый снегопад,
Раздвинув шторы...
Затянет снегом этих дней
Обиды, войны,
И будет сердцу все больней,
Но все спокойней.

– Не надо сантиментов, бога ради,
Избавь себя от слезной чепухи.
Возьми и напиши в своей тетради:
Тогда был снег и улицы тихи.
Трамваи не ходили,
Было поздно,
Хотя светились окна кое-где.
Снежинки, не похожие на звезды,
В пижонской застревали бороде.
– Ах, милый мой!
– К чему все эти ахи!
Пиши: тогда красивый, молодой,
Он был, как ветер,
Весь вперед, с размаху,
А главное, тогда он был с тобой.
А дальше все неважно, все неважно.

– Но были дни и годы. И слова

я помню...

– Перестань. Сумей отважно

Понять, чем и сегодня ты жива.

Не тем, что говорилось и писалось,

Толкало в самолеты, поезда,

А тем, что навсегда в тебе осталось

Заснеженное, тихое... тогда.

Мороз под сорок.

Детям в эти дни

Запрещено на улицу соваться,

Без дела санки по углам томятся,

И рано в доме гасятся огни.

Пора такая, что не ждать гостей,

Пора неутешительных прогнозов.

Одна я втайне радуюсь морозам

И наконец минувшей суете.

Смотрю на город в инее, дымах,

Промерзший от трамваев до рекламы.

И радуюсь, что за двойные рамы

Меня от всех упрятала зима.

Что можно поразмыслить о судьбе

И новые пути себе наметить,

Задуматься и даже не заметить,

Как мысли все опять свелись к тебе.

И, может быть, спокойное житье

Мне потому лишь так необходимо,

Что растворялось в суете, как в дыме,

Лицо твое, любимое твое...

Мне надо помнить, как ты одинок,

Как ждешь ты встречи, все еще нескорой.

Не от тебя ли в дар – мороз под сорок

И тишины случайный островок.

Ветер такой – не спасает и шуба.
Ветер толкает настырно и грубо.
Кажется, сердце и то застывает.
Где же замерзли-пропали трамваи?
Взглядом окину домов этажи я.
Окна горят, да не греют – чужие.
Что им печали мои и ознобы!
Сверху нелепой кажусь я, должно быть.
Люди глядят и, наверно, судачат.
Нет, одиночество все-таки прячут!..

Читать газету, платье мерить,
В очередях стоять с утра.
А все к тому – себя уверить,
Что жизнь прекрасна и мудра.
Что в будний день, как и в воскресный,
С их бесконечной суетой,
Мне жить, как прежде, интересно.
Но всюду пахнет пустотой.
Пусты глаза моих соседок,
И телефонов трескотня.
Я из породы зимних веток.
Прошу: стряхните снег с меня.

– Вы свободны?
– Конечно, свободна.
Я свободна, как тот снегопад,
Что прошел над землей холодной,
Раздавая себя наугад
Крышам, веткам и людям печальным,

Дети топчут его полотно.
Ну а как же с кольцом обручальным.
Вам, скажите, оно не тесно?
Норовите из круга, из круга.
Не боитесь вспугнуть воронье?
Но душа ведь свободна, как вьюга,
Разве можно на привязь ее?
Кружат черные птицы, и ладно.
Лишь одно мне житья не дает –
В руки душу возьмет ненаглядный,
Как птенца, и случайно сожмет.

Когда за окнами зима
Метелями седыми плачет,
Мне снятся старые дома,
В которых все совсем иначе.
Там пахнет дубом и сосной,
Там вечерами топят печи,
Стихи читают и весной
Себя от старой грусти лечат.
Там на высоких потолках
Загадочные тени кружат.
И женское смешное «ах!»
Насмешки едкой не заслужит.
Там я наивна и щедра
И впечатлительна опасно.
...Трещит будильник. Мне пора.
Метель утихла, и прекрасно.
«Спешите, спешите!» – часы стучат.
Лишь в зеркало взглянуть привычно,
Наткнуться на холодный взгляд
И усмехнуться: все отлично!

И говорили без умолку
Про Новый год, про новый день,
Про то, что будет по-иному
Кружиться снег, ложиться тень
И доброта ходить по дому,
Недаром снегом занесло,
Как будто выбелило дали.
А чуда не произошло,
Хоть мы надеялись и ждали.

Пришла пора забыть о елках
И приниматься за дела.
Игрушки яркие надолго
Подальше в шкаф я убрала.
И Новый год уже не чудо,
Хотя прошло немного дней
С тех пор, как вздрагивали чутко
Цветные отсветы свечей
На стенах комнаты.
Сближало
Тебя, меня и целый свет
Желанье доброго начала
И ожиданья тихий свет –
То, что угадывалось смутно,
Но было названо уже.
Свободной, радостной, беспутной
Хотелось быть моей душе.
...В углу остался дух еловый,
Огарок праздничной свечи.
Но круг забот сомкнулся снова
И дальний свет неразличим.

Январь

Я губ не разжимаю столько дней.
Все потому – боюсь тебя обидеть
Тем, что хочу, но не умею видеть
Я прелести в сплетении ветвей.
В такой мороз деревья все родня:
Ни кленов, ни сиреней, ни акаций.
Я на стекле рисую грустных зайцев
И верю, что они поймут меня.
Обиженно глядят они на свет,
Жалеючи лесных своих собратьев.
Хочу забыть себя я в белом платье.
Мне ненавистен этот белый цвет!
Цвет января, промерзшего насквозь,
Проникшего во все живые поры,
Втянувшего в глупейшие раздоры.
Как надоел холодный этот гость!
Я понимаю – это все смешно,
Смешно, как нарисованные зайцы.
И я молчу.
Сжимаю крепко пальцы.
И жду весны.
Поговорим весной.

Я ночь твою приму, в которой нет меня.
В которой ни звезды, в которой ни свечи.
Я ночь твою приму при ярком свете дня.
А ты не объясняй. Ты просто помолчи.
Над болью и бедой твоею я всплакну.
Возненавижу мир и все ему прощу.
Я попрошу тебя – не затевай войну.
Скажу: – Не горячись, не поднимай пращу.
Мне боль твоя больней, чем тысяча своих.

Но я сейчас мудрей тебя, известно мне,
Что сколько из пращи ты выстрелишь в других,
То столько от других получишь ты камней.
Я ночь твою приму. Когда же на заре
Ты улыбнешься мне, разлочишь черный хлеб,
Пойму, что выбран путь, что без поводырей
Пойдешь, что я слепа, а ты совсем не слеп.
Куда твоя стопа – туда моя стопа.
И пусть мой след с твоим совет тугую нить.
Куда твоя тропа – туда моя тропа.
И коль она трудна, не мне тебя винить.

Снежные крылья

1

– Не надо, не благодари
За лес, за снег.
Я вспомню снова,
Как бились в клетках снегири
И как гордились птицеловы.
«Мальчишки, – скажешь, – что с них взять!»
Когда ж до сердца достучится,
Что продавать на рынке птицу,
Как будто небо продавать!
В руках удачливых парней
Не деньги ветер треплет – крылья.
И все больней, и все стыдней
Мне понимать свое бессилье.

2

Ночное соседство звезды и собаки,
Усталого снега.
Откуда вы, светлые мысли, во мраке?
Наверное, с неба.

Тревожит звезда, не дает раствориться
В заботах насущных.
За нею душа улетает, как птица, –
Ей тесно и душно.
Тревожно собаке – ухода, разлада
По комнатам запах.
Меня по плечу, словно окрик «не надо!»,
Тяжелая лапа.
Но снег, он и землю, и небо берется
Связать воедино.
Покажется лебедем, белой березой,
Рубашкою сына.

3

Серебряная ночь к исходу января,
И снег уже невмочь держать усталым елям.
Февраль нетерпелив, едва блеснет заря,
Он выпустит в поля горячие метели.
Они пойдут плясать, бесчинствовать в степи,
Сбивать с деревьев снег и радоваться воле.
Но это все потом, пока же на цепи
Метели и ветра, спокойно дышит поле.
Серебряная ночь к исходу января,
И сердце, как зима, сейчас на переломе.
Предчувствую февраль, себя ему даря.
Уже слегка сквозит, уже тревожно в доме.

Нам, видно, не дожидаться вьюг –
Мороз тиранит город.
Февраль – он весь фальшивый звук
Простуженного горла.
Ты помнишь, зал полупустой,
Рояль и эти муки,

Когда певица – боже мой! –
Заламывала руки.
Нам было стыдно и смешно,
Заткнуть хотелось уши.
А за гардинным полотном
Февраль молчал и слушал.
Ему метаться бы в ночах,
Стать бурей и порошей.
Но он бесстрастен. На плечах
Лежит тяжелой ношей.
Мороз за тридцать.
Кабала
Его невыносима.
И как бы я пережила
Одна такую зиму?..

Как шумный город мой огромен,
Как долог путь в вечерний час.
Я думаю сейчас о доме,
А это, стало быть, о нас.
Ты помнишь гордых, одиноких,
Двоих, не ищущих гнезда,
Которым на чужих дорогах
Светила общая звезда?
Автобус катит по асфальту,
И, вспоминая все опять,
Я нашим февралю и марту
Хочу рукою помахать
За то, что помнятся поныне
И вспоминаются они,
То как сугроб и сумрак синий,
То как вокзальные огни.
И всюду тени наши слиты.

И с веселой девчушкой-школьницей
Проверяю на лужах лед.
Он трещит под ногой
и колется,
Светлой радостью обдает!

В дождь

Оттого, что чувствуем за стенами
Влажное дыхание темноты,
В нашем доме зябко по-осеннему.
Да еще увядшие цветы.
Лампу, что не жгли мы с зимних месяцев,
Зажигаем и садимся в круг
Слушать ветер,
Звук шагов на лестнице,
Капель полуночных перестук.
Утром мы забудем это бдение.
Лето не закончилось. Оно
Растворит дыхание осеннее,
Высушит рассветное окно.
Песни птиц еще не переслушаны,
И цветы в лесах совсем свежи.
Но уже, как лист с воды остуженной,
Легкой грусти не смахнуть с души.

Когда над городом грачи
И ветер пахнет маем,
Смеются люди без причин.
А он не понимает.
Когда дожди в окно стучат,
Тоскою донимая,
Бывает, люди и ворчат.

А он не понимает.
Всем светит солнышко, слепя,
Но над одним грохочет.
Из-за чужой беды не спят,
А он понять не хочет.
Живут, рискуя и спеша,
Порой себя ломая.
Всю жизнь твердят: душа, душа.
А он не понимает.

Этот мир постигаю заново
В хмуром небе в вечерний час,
В дальнем свете села Карманово,
В неожиданно новых нас.
Свист утиных крыльев над озером,
Лебединый клик над избой.
Что-то все-таки разморозила
Осень поздняя в нас с тобой.
Терпеливей друг к другу, бережней
Стали мы на пороге зимы.
Каждый вечер хожу по бережку,
Выкликаю тебя из тьмы.
И когда ты выходишь с веслами,
По высоким идешь мосткам,
Измеряю я жизнь не веснами,
Что отпущены были нам.
А прозрачным,
Осенним, правильным,
Что осталось в нас от любви.
Вижу мир я таким же праведным,
Как родные глаза твои.

Я приходить люблю домой,
Когда уже семейство в сборе.
И не хватает в разговоре
Лишь слова, сказанного мной.
И суета вокруг стола,
И с печки снятые кастрюли,
Уродец плюшевый на стуле,
Слегка похожий на осла, –
Все это дом. Хорош ли, плох,
Он мне отрада и опора.
И остаются в коридорах
То смех, то песенка, то вздох.
И мир просторов, света, лиц
Понятней станет и дороже,
Когда легко понять ты сможешь
Ночные скрипы половиц.

В.

Все в конце концов решилось мудро.
Сведены сомнения к нулю.
В доме пахнет кофе, добрым утром.
И словами: «Я тебя люблю».

Купаем черного кота.
Ребенку за два дня не спится.
Хоть муж молчит, но вижу: злится,
Что в доме шум и суета.
Гремят тазы, вода – ключом.
Оторван милый от работы.

А Васька дремлет без заботы,
Не знает: мы сейчас начнем.
Купаем черного кота.
Обласканный и ошалелый,
Сидит Василий в пене, белый
От острых ушек до хвоста.
Ребенок мечется вокруг,
Как будто в нашем доме праздник.
При выкриках его несвязных
Кот вырывается из рук.
Все норовит к дверям, к дверям...
Но крепко милый держит лапы,
Хотя и зол, и поцарапан,
И надоело все к чертям.
Я улыбаюсь...
Дело в том,
Что в шумные минуты эти
Я понимаю: есть на свете
Любимый, сын, и кот, и дом.
Что жизнь трудна, но не пуста,
Что многое еще свершится.
...Кричит ребенок.
Милый злится.
Купаем черного кота.

Я все-таки счастливый человек.
И все мои печали от незнания
Того, что где-то не тревожный снег,
А скорбный снег последнего прощанья.
Ни голода не знаю, ни войны.
Немыслимой мне кажется неволя.
И так ли уж действительно страшны
Мои провалы, горести и боли.

Я оживаю деревом лесным.
Тянусь я вверх руками, как ветвями.
Мне улицы узки, и даже сны
Трещат по швам. Вперед – за облаками.
Прошедшую сквозь сутолоку, быт,
Меня апрель, как дерево, качает.
Я счастлива.
Мне б только не забыть,
Об этом не забыть за мелочами.

Тополя

Посмотри: на подоконник
Красной птицей сел закат.
Как стреноженные кони,
Тополя внизу шумят.
Им бы взвиться,
Им бы сгинуть
В дальних далях навсегда.
Ветер их толкает в спину,
Впереди зажглась звезда.
Но надежно держат корни
Непокорные стволы.
Тополя – они не кони,
Не скакать им и не плыть.
И смиренные в порыве,
Прирученные землей,
Как взлохмаченную гривой,
Тополя трясут листвою.

Дыханье утра на моем окне.
Оно тревожит и зовет с собою.
Хмельное время лиственных огней,

Возьми меня и сделай золотою.
Утешь глотком прощальной синевы
И закружи по низеньким околкам,
Чтоб стала я среди твоей травы
Листом березы – солнечным осколком.

Ветер

Ветер мечется злой, колючий,
Увлеченный осенней игрой.
Как перины, тяжелые тучи
Вытрясает и сыплет перо.
Он вздымает на озере волны,
Разгоняет гусей по дворам.
Этот ветер, угрюмый и вольный,
Не сродни нашим летним ветрам.
Потому так и хлещет он резко,
Тащит снег за собою, как дым.
Будто мстит не полям-перелескам,
А веселым собратьям своим.

Казалось, жизнь – тропа прямая.
Но все труднее новый шаг.
Живу не так.
Себя ломаю –
Не получается никак!
Наверно, просто я взрослою.
Но как себя мне обрести
Не в лунных парковых аллеях,
А на ином уже пути.
Издерганная бытом, службой,
Душа ранима и резка.
Она не юной, зрелой дружбы
Ни в ком не может отыскать.

Ни слез, ни жалоб, ни укора,
Но как ей непривычна роль,
В которой так нужна опора,
В которой так безгласна боль.

Я была среди вас

1

Мне ль бояться тоски, ведь знакома я с ней.
Так знакома давно, что не помню, как долго.
Фотографии старые старых друзей
Расставляю сегодня по окнам и полкам.
Будут в комнате жить – улыбаться, курить,
Закрываться от солнца в останкинском лете.
Обниматься друг с другом.
– Ты что, не дури! –
Крикнет тот, кто в глазах моих слезы заметит.
И начнут говорить, и начнут утешать.
Кто строкою своею, кто песенкой старой.
Будет дружба, как прежде, легка и свежа.
Будет книгою снова, дождем и гитарой.
И опять можно жить, глубоко затая
Грусть о прошлом – оно с каждым годом дороже.
... Улыбаются мне с фотографий друзья.
Пусть улыбка моя им однажды поможет.

2

Вы были молоды... Вы были.
Вы жили-были, грязь месили
Вконец изъезженных дорог.
А повезет – так на попутной...
Печаль была тогда минутной,
Но как же был трагичен слог!
Вы мало знали, громко пели,
Вы в ярых спорах сатанели,

Не расставаясь до утра.
Над первой строчкой воспаряя,
Вы жили, денег не считая.

Где та прекрасная пора?
По ветру – дни, по ветру – годы.
Не зная броду, лезли в воду,
Клялись в любви на целый свет.
Не сберегли и не стяжали,
Вы ничего не удержали.
Так, что, пусты ладони? Нет!
В них молодость – вода живая.
Спасибо позднему трамваю,
Деревьям в предрассветный час,
Хранившим тишину и дрему,
Лесному ветру и речному.
Спасибо – я была среди вас.

3

Мы сидели втроем на высоком обрыве.
Начинали мы песню, но песня звучала не в лад.
Спали люди в домах, спали лодки в заливе,
Даже месяц за тучи был спрятаться рад.
Подступала к нам ночь, но была осторожной,
Все боялась вспугнуть разговор по душам.
Мы, заезжие люди, да хозяин-художник
Были настежь раскрыты, как тихая даль Иртыша.
Обнаженность души – непривычное это явление
Было с нами в ту ночь. И, наверное, лишь потому
Так понятен был мир в каждом шорохе, всплеске осеннем,
Как понятны все звуки в знакомом с рожденья дому.
Как легко было знать, что когда-нибудь сбудется с нами,
Как легко было петь нам, хоть песня звучала не в лад.
И, казалось, судьба – это добрая птица, крылами
Осенившая нас на дорогу без слез и утрат.

Кружу, как впервые, среди старых берез.
И хочется жить, ничего не скрывая,
Надеясь на будущих дней новизну.
Ведь снова отчизна моя снеговая
Наполнит мою родовую казну.
Но скупости это прибавит едва ли.
Метели и вьюги мое серебро
Развеют-раздуют, чтоб тонкие шали
Накинуть на ветви рассветной порой.
А утром корыстью душа не болеет,
Она не спешит собирать и беречь.
Довольно того, что на свете светлее
От нового снега и завтрашних встреч.

Предрассветное

Я раскрою улиц тайну,
Расскажу, что вновь белы
Прямо в небо улетают
Эти тонкие стволы.
Поднимаясь тихой ранью,
В серебре до самых плеч,
Разольют они сиянье
Так, что глаз не уберечь.
Те, кому забота злая
Спать мешала до утра,
Вдруг услышат, как залают
Ослепленные ветра.
И рванутся вслед деревьям,
Уходящим к облакам.
Ну а люди не поверят
Даже собственным глазам.
Мировой закончат ссору,
Завершат бессонный труд,
Подойдут, задернут шторы

И, усталые, уснут.
Только выйдут утром стылým
И замрут на ветерке:
Облака ли там проплыли
Или клены в куржаке?

Жаль упустить такой денек!
И я его не упускаю.
По снегу первому шагаю
Я без тропинок, без дорог.
У школы радость и возня.
Шагнула – влипла в перепалку.
А ребятне снежков не жалко,
Найдется пара для меня.
Злорадно думаю о том,
Что телефоны гложут где-то,
Скучают письма без ответа,
Пока гуляю я тайком.

Мне по сердцу в сумерках скрип под ногою,
Мне по сердцу дым над высокой трубою,
Синица и дерево в куржаке,
Снежинка – недолгое счастье в руке.
Зима в моем городе снова лютует.
И птицы по скверам опять голодуют.
И вьюги танцуют на снежном балу.
И люди спешат поскорее к теплу.
Зима хороша, хоть и зла, и жестока, –
Светла ее даль, белоснежна дорога...

Трое

Они втроем и в этот вечер
Под старой лампой золотой.
Один наивен и доверчив
И подозрителен другой.
И если первый тих и нежен,
Брюзжит и бесится второй.
А женщина, она все реже
Старинной занята игрой.
Она не добрая, не злая.
Скучает, шторы теребя,
Пока соперники пылают,
Пока выходят из себя.
Они клянутся всем на свете –
Ни звука из ее души.
И где он ходит, этот третий,
Что все конфликты разрешит.

Сердце не рвать бы, не тратить слова,
Глаз не туманить.
Эхом аукнет и минет молва,
Горе отстанет.
Что еще надо?
Живи да живи.
Но неизбежной
Вечная жажда добра и любви,
Чистых, как ливни.
Только бы сердцу ее утолить
Влагой небесной!
...Плакать?.. Метаться?..
Тревог не избыть?..
Это известно...

Уроки стиха

1

Терпеливо пытаюсь урок затвердить
И упрямо надеюсь, что труд не напрасен.
Я тяну, словно долгую трудную нить:
У – зеленый,
О – синий,
И – красный...
Для чего этот бред среди ясного дня?
Разве дело, чтоб цветом одаривать гласный?
Но как будто бы что-то вселилось в меня:
У – зеленый,
О – синий,
И – красный...
Повторять за Рембо?
Но поэт был чудак!
Но минута придет: среди графических линий
Разгляжу я, что это действительно так:
У – зеленый,
И – красный,
О – синий.
И тогда не страшны лабиринты контор,
Серый отсвет бумаг, что на будни ложится.
Буду знать я, что в небо ведет кОридОр,
Что за мокрым окном бьется красная птИца!

2

Меж заботой дневной и заботой вечерней
Ни глотка тишины, только веточки терний.
Только горло сорви опостылевшей нотой
Да скажи о любви еле слышное что-то.
Тот, кому я скажу, он расслышит, расслышит.
Он уйдет к Иртышу, к тальникам из-под крыши.
Он не станет корить, обижаться не станет.

Сентябри, октябри по окну барабанят.
Что же надо от них мне вечерней порою?
Вот появится стих, ничего в нем не скрою.
Станут в строчку слова, как откроются недра.
И опять я права перед светом и ветром.
Перед делом дневным и заботой ночною.
И сведет две волны тишина надо мною.

3

Стихи, апрель, вечерний свет.
И девочка с косою русой.
Взгляд у нее, конечно, грустный.
Легко грустить в семнадцать лет!
Но эти серые глаза
Так глубоки и непритворны,
Что вижу я не тесный зал,
А весь наш край – степной, просторный.
Его нечастые колки,
Подснежники и стародубки.
Я вижу ивы у реки
И парня в капитанской рубке.
Глаза... В них светится душа,
Еще не знавшая метелей.
И бьется ветер с Иртыша
В окно, промытое апрелем.
Он девушку из этих стен
Зовет к ручьям, ожившим почкам.
И ожиданьем перемен
Сейчас звучит любая строчка.

4

Мне дано стихами говорить.
Никого не звать и не корить.
Мудрых мыслей людям не дарить –
Просто жить, стихами говорить.

Только говорят мне:
– Ну уж нет!
Ты на все должна нам дать ответ.
Что нам сосны, плачи по любви!
Ты клейми, пророчествуя, зови.
Я пытаюсь, только не могу.
Я опять про тени на снегу,
Про звезду, повисшую в окне.
И про то, что скоро быть весне...
А друзья вздыхают:
– Все не так.
Ну-ка громче голос, тверже шаг.
Выдумала – бегать по лучу!

...Так ведь и совсем я замолчу.

5

Немота моя, немота,
Как река между мною и миром.
Ни плота у меня, ни моста.
Сердце бьется воробышком сирым.
Есть и крылышки, только слабы.
Есть и горло – да песню не слышно.
Ничего не спрошу у судьбы,
Полотенце узорами вышью.
Вышивать и мосты, и цветы
Буду медленно, сказывать словно.
Все скажу до последнего слова,
Не избыв немоты...

6

Кидалась то в писанье дневника,
То в музыку, то в книги, то в спектакли.
Сама себе твердила: ну, не так ли –
Она теперь прошла, твоя тоска.

Но это просто был самообман.
Тоска моя не думала кончаться.
Ей нравилось звездой в окне качаться,
Чужой бедой врываться на экран.
Ей не хотелось уходить добром,
Она с ума сводила немотою.
И слово, даже самое простое,
Значение теряло под пером.
И вновь тоска – с утра и до утра,
Тоска не по любви – по вдохновенью.
Но вот пришло свободное скольжение
Стального, утомленного пера.
Какое счастье чувствовать, писать!
Касаться строк взволнованной рукою
И понимать – ни счастья, ни покоя
Без творчества на свете не видать.

7

А.

Теперь я знаю, как мне дальше жить,
Куда идти, каким путем-дорогой.
Держу в ладони тоненькую нить,
Которая видна пока немногим.
Ведет меня туда, где вдалеке
Я не найду ни хлеба и ни крова.
И не замечу, как в моей руке
Нить станет золотою из суровой.

Неосторожно в день студень
Назвал меня сосной зеленой...

Что ж, сообщу лесные вести
Про птиц, деревья и зверей.

Скажу, что на твоём бы месте
Давно рванула из дверей.
Что глупость все твои бумаги,
Что слишком долго до весны.
Но не заплачу – много ль влаги
У замороженной сосны.

Не слышу грохота трамвая,
Не слышу визга тормозов.
Во мне мелодия живая,
Похожая на дальний зов.
Откуда это – я не знаю.
Секрет до времени тая,
Звучит мелодия, тесна ей
Сегодняшняя жизнь моя.
Мелодия все выше, выше,
Свободней ветра, птиц вольней...
Заткнуть бы уши и не слышать,
Чтоб не рвануться вслед за ней...

Останься жить в моих стихах,
Шального марта день последний.
Ты весь – внезапно, впопыхах,
Ты дней иных куда заметней.
Такие реки вдоль дорог,
Такое радостное солнце,
Что девочка, не чуя ног,
Вдоль улиц птицею несется.
Лети за нею вслед, душа,
Уже не сладить мне с тобою.
Лети, чтоб в поймах Иртыша

Весну увидеть голубою.
Но обо мне не забывай.
Не поддавайся своеволью.
Запомни: эта синева
Пропитана декабрьской болью.
Не отделить мне никогда
Вчера от завтра. Но бывает
Тот редкий день, когда вода
Не просто талая – живая.

Восемь раз снега сошли,
Восемь весен отзвенело...
Не сжигайте корабли,
Им еще найдется дело!
Срок придет, и вам опять
Надо будет возвратиться.
Что-то важное сказать,
В чем-то важном убедиться.
Так зачем пылал огонь
И решалось: или – или,
Если сердце, только тронь,
Подтвердит вам – вас любили...

Вот и прошли затяжные дожди.
А, казалось, вовеки не кончатся.
Вот и легко мне сказать: приходи.
А, казалось, сказать не захочется.
И шиповники вдруг по садам зацвели,
И всю тополя забурашили.
Третий день я хожу, не касаясь земли,
Чтобы камни мне ног не поранили.

И на взгляды людские наткнуться боюсь:
Равнодушные, скользкие, нервные.
Понимаю: я людям нелепой кажусь,
Неприлично счастливой, наверное.
Но поделаться уже ничего не могу,
Не сумею стать прежнею, робкою.
Потеряла твой след я в холодном снегу,
Отыскать его в теплом попробую.

Какая осень выдалась, смотри!
Запоминай ее на вкус, на запах.
Одним огнем горят восток и запад.
И сердце тем же пламенем горит.
Среди дорог, уставших от машин,
Отыщем-ка местечко у обочин.
Я этот день, что щедро позолочен,
Преподнесу тебе.
От всей души.

Эти дни октября непонятно легки.
Высоки небеса.
В них ни облачка даже.
Эти дни октября, как пожатье руки,
И не знаешь, что дальше любимый твой скажет.
А по улицам тянется медленный дым
От последних костров, на которых сгорело
То, что было зеленым, потом – золотым.
И давно мне пора приниматься за дело.
Только как ожиданье и страсть мне изжить
К переменам весенним, июльским кочевьям,
Если в полночь не знаю я, веки смежив,
Завтра снегом иль цветом покроет деревья.

Река моя

Лирическая поэма

1

Моя река.
Ни чья-нибудь – моя.
Она течет ко мне издалека.
Над ней плывут, как баржи, облака.
Реке, как маме, говорю: моя.
Зеленый остров – ветлы до небес –
Был полон в детстве для меня чудес:
От волчьих ягод до тропы в затон.
И ветер, и река со всех сторон.
Река моя, суровая река.
Истории российской ты строка.
Написанная плугом и мечом,
Она поныне дышит горячо.
Я имя назову – и взлет стрелы,
Еще одно – и звякнут кандалы...
Река моя, века твои темны.
Прожилка на руке моей страны.
С любовью, что с рождения во мне,
Я припаду лицом к твоей волне.

2

Дом капитанским называли.
Он был осанист и высок.
Какой простор!
Какие дали
Увидеть окнами он мог.
Рекою жил, рекою бредил,
Был цветом – в вольную зарю.
Встречались добрые соседи
В своих квартирах к ноябрю.
И вновь чадили керогазы,

Налаживался спешно быт.
Событиями до отказа,
До чердака был дом набит.
Он был веселым и печальным,
Ни грусть, ни счастье не тая.
Его уютom коммунальным,
Добром и злом дышала я.

3

В коммунальной квартире непросто живется.
От рассвета на кухне то льется, то бьется.
У соседки – роман, ревматизм у соседа.
А у нас откровенная с мамой беседа.
Две подружки живем, да и тужим не очень.
Только б нашим соседкам язык покороче.
Мол, оставил отец... променял на другую...
Потому я и нынче так злюсь и лютую,
Если сплетни и слухи о ком-то услышу –
Не-на-ви-жу!
...Мы беседуем тихо о будущих веснах,
О траве-мураве, о реке и о звездах.
И мне кажется: дверь распахну и увижу...
Нет, не кухню, а берег от солнышка рыжий.
Не одной мне так трудно весны дожидаться –
По квартирам гуляет сквозняк навигаций!

4

Ливень, как лето,
нахлынул,
излился!
Ливень буянил,
смеялся
и злился!
Хлопал ребят
по затылкам небожно.

Ливень не «смирно!» командовал –
«вольно!»
Вольно –
по лужам
и вольно –
по лесу.
Можно ли детство
держат под навесом?
Спрятать от ливня и лета –
возможно?
Я убегаю,
а маме тревожно.
Слабая девочка!
После болезни...
– Ливень, – кричу я, –
лекарства полезней!
– Дайте свободы, – кричу, –
человеку!
Ливень полощет
сердитую реку.

5

Кануло детство не в реченьку – в реку.
Кануло детство.
Кануло камушком в светлую воду –
Кануло детство.
Сколько бы мне ни нырять – не отыщешь,
Нет его больше.
Что же кружу я по бережку долго?
Нет его больше...
Ветер студеный мне волосы треплет.
Что ему надо?
Сердце стучит, будто выпрыгнуть хочет.
Что ему надо?
Свет золотой от раскидистых ветел –

Больно смотреть мне.
Чье же колечко на палец надену?
Кануло детство...

6

Прощай мой дом – холодные ступени!
Как я легко и радостно ушла.
Проплыли льды, и отцвели сирени,
И снова осень золотом светла.
Теперь тебя я вижу издалека,
И больше не задерживают взор
Ни горечь, наступившая до срока,
Ни суета, ни отголоски ссор.
Мой старый дом!
Ты – детство и надежда.
И лестница твоя скрипит, как трап.
Ты снишься мне...
И не тоска, а нежность
Меня все чаще будит по утрам.

7

– Как звали бабушку твою?
– Мария.
А как могли еще ее назвать,
Когда судьба была дана ей горькой
От колыбели и до поздних дней.
Родитель умер.
В доме – недостаток.
А позже, на шестнадцатом году,
Ее украл мой дед – горячий парень.
Но все его богатство – две руки.
Жаль, в эти руки счастье не давалось...
И дальше так же – полон дом детей.
Война и голод.
Вновь война и голод.

И смерть не раз захаживала в дом.
Лишь к старости пришло успокоенье...
Конечно же, обычная судьба...
Как у земли моей – ничуть не легче!

...Хранила память время Колчака.
Те страшные подвалы и овраги,
В которых столько миру полегло.
Спасибо, дед тогда в живых остался.
А тоже мог бы...

Бабушка моя
Позднее всех детей читать училась,
А сын уехал строить Комсомольск,
Оставив пыльный полусонный город.
Обычная судьба – судьба страны.
Ликбез, и Первомай, и письма с фронта –
Все было в ней.
Мария!
Это имя
Земли моей и сердца моего.
Не кладбище, где чинно и прилично,
Где – в ряд могилы и деревья – в ряд.
А твой Иртыш пусть душу твою примет,
Твоя река – река твоих детей.
По осени здесь ивы полыхают,
Как свечи поминальные горят.

8

... Я думаю, о чем мечтали предки,
Когда в Сибирь стремились издалека,
Из курских и черниговских земель.
Они давали старые названья
Возникшим селам.
Лишь приставку «Ново»

Покровки, Александровки, Петровки
Здесь обретали у чужих лесов.

Я думаю, о чем мечтали предки,
Когда кресты на церкви возносили,
Когда будили заспанную землю,
Не знавшую ни плуга, ни зерна.

Я думаю, о чем мечтали предки,
Привыкшие к спокойным, тихим речкам,
Когда глядели с сумрачных обрывов
В могучий, неуживчивый Иртыш.
О хлебе, о достатке, о свободе...
О том, что станет нам Сибирь родною
И память нас уже не будет мучить,
Как их, тянуть не будет за Урал...

9

Снега моей души не холодят,
Я вынянчена белыми снегами
И всем, чем станет снег потом, – волнами,
Размашистыми струями дождя.
В снегах не мерзнет вольная душа,
Она кружит среди прибрежных ветел.
Вы в декабре легко меня найдете,
Нет, не у печки, а у Иртыша.
Мне предки не оставили иной
Земли, чтоб я любила так, как эту.
Здесь я своя.
Чего искать по свету,
Когда родные звезды надо мной?
Когда родная предо мной река,
Притихшая, уснувшая до порога.
И выбелена тропка до порога,
А старый путь завесили снега.

Я думаю о ледоходе,
О самом первом теплоходе.
О том, как он своим гудком
Разбудит сонные деревни,
Разбудит почки на деревьях –
Пусть новым радуют листом.
Я думаю о ледоходе,
О самом первом теплоходе.
Тевриз и Тара, Усть-Ишим
И дальше – к северу неспешно.
Глядит тайга с обрывов нежно,
Река качается под ним...
Открыть весну с высоких палуб –
Я счастья большего не знала
И не узнаю никогда.
Придет пора, и сын узнает,
Что лишь в родной реке бывает
Живая – для души – вода.
И пусть дороги наши круты,
Пусть редки тихие минуты,
Сожму я камушек в руке
Речной –
И радость в сердце бродит.
Я думаю о ледоходе,
О жизни – о своей реке.

II

1982-1991

От синь-незабудок и небо синей.
От лютиков желтых приветливей солнышко.
Цветные поляны Отчизны моей
Промыты дождями до самого доньшка.
Как радостно прыгать июньской тропе
По взгоркам, оврагам.
Летит, чуть приметная.
Не первой иду по цветущей траве,
И, к счастью, иду я по ней не последняя.
Все больше ползет по планете огней,
Безжалостных к рощам, пугающих улицы.
Но верю, поляны Отчизны моей
Не станут добычею их, не обуглятся.
...Я поздно вернусь и спокойно усну,
Поставив цветы на окошко раскрытое,
В краю, где умеют ценить тишину,
В жестоких пожарах и битвах добытую.

Утро

Лодка в камышах,
Чибис из-под ног...
Отдохни, душа,
От забот, тревог.
Распахнись, душа,
Выплеснись до дна,
Здесь, у Иртыша,
Ты совсем одна.
Ходят облака,
Да темнеет лес.
Как ты высока,
Я пойму лишь здесь.
Силы наберусь,

Из реки напыюсь.
Крикну:
– Здравствуй, Русь!
...И не застыжусь.

Та осень

Та осень была не прекрасней других.
Но в ней был обрыв над холодной рекою,
Продрогший лесок и роман под рукою,
В котором судьба разводила двоих.
Еще был художник. Не сват и не брат,
Не муж, не жених, а случайный знакомый.
Он осень прозрачной писал, невесомой,
И эти холсты был раздаривать рад.
Был в осени мальчик – художника сын.
Его только сказкой могли успокоить.
Мы бегали с ним над холодной рекою...
У осени были повадки лисы.
Она затихала, дождям и ветрам
Подолгу над нами шуметь не давала.
Пока ее все-таки не прорывало.
Какой начинался тогда тарарам!
Река бушевала, бил ветер в окно,
Да так, что казалось, не выдержат стекла.
Дождь шел не смолкая.
И мерзла, и мокла
Земля, на которой мне жить суждено.
Быть может, тогда и подумалось мне,
Что именно в эту ненастную пору
Любить надо крепче Отчизну, которой
Обязана жизнью, березой в окне.
Средина России.
Обрыв и река.

Ребенок и сказка,
И даль золотая.
Кричат журавли, надо мной пролетая.
Та осень, как омут.
Она глубока.

Из Москвы, наверное, виднее.
Оды я Сибири нахожу
В книгах тех, кто пролетел над нею,
Помахав седому Иртышу.
Осуждать я никого не вправе.
Но, стремясь и веря в синеву,
Не могу с землей своей лукавить.
Здесь я родилась и здесь живу.
Обижает суетность, парадность,
Многоцветье торопливых фраз.
И размах, и ширь, и необъятность –
Это все, конечно, есть у нас.
Есть чем непритворно восхититься,
Но – блокнот захлопнут – и домой!
Раньше белокаменной столицы
Засыпает край мой, тихий мой...
Деревушка, озеро лесное,
Бакены, усталые мосты,
Яркий циферблат над проходною –
Все, что не увидишь с высоты.

Ночная гроза

Ночная гроза.
Все светлей, неизбежней
Далекое детство, когда не уснуть
От шелеста листьев, от топота ливней,

От молний, спешащих по окнам чиркнуть.
И страшно, и сладко, и, кажется, громом
Наполнен весь мир. И трясется земля.
Какие тяжелые тучи над домом!
Да смогут ли их удержать тополя?
Но сон успокоит. Он детские страхи
Пригладит, как на макушке вихры,
А утром зальются веселые птахи.
По лужам бродить – нет прекрасней игры!
Мне помнится двор наш, и теплые лужи,
И мамы моей молодые глаза...
Не надо, гроза, не выматывай душу.
Но детством пытается ночная гроза.

Щенята спят в холщовых сумках.
Кто мячиком, а кто – врастяг,
Пока судьба-тяжелодумка
Прикидывает, что да как.
Кому прожить в тепле и неге,
Кому угрюметь на цепи.
Базарный люд, как печенег
В не знавшей трактора степи.
Им только высмотреть бы метко
Того, кто брякает деньгой.
И зашумят сухою веткой
Наперебой,
Наперебой.
Про зубы, шерстку и про хватку,
Которой будет одарен.
Товар
Посапывает сладко
Еще не ласкан, не корен...
Но вот он вынут из коробки,

Глядит растерянно кругом.
Но вот уже прижался робко
К судьбе под теплым пиджаком.

Июнь

Еще немного погрузу
О ломаной сирени.
Еще в душе я отыщу
Осколочки волнений.
Но все прошло, когда в окно
Ударил ливень летний
И на рассвете унесло
Водою цвет последний.
И мы не рады, как весной,
Любой залетной птичке.
И в ночь открытое окно
Не таинство – привычка.

Радость

...Ей спокойней в сердце. Там ее не тронут.
Но глаза, но пальцы выдадут. И вот
Убегает радость по зеленым тропам,
Лишь у горизонта радугой мелькнет.
Поминай как звали, ожидай известий,
Окликай прохожих – только не найдешь.
Но хохочет ветер в маленьких предместьях,
На центральной площади расплясался дождь.
Раздробилась радость по цветам и листьям,
По июльским лужам, незнакомым лицам.
Может быть, и лучше, что на все края
Стала явной радость тайная моя.

Полынь

Полынью веет с пустыря.
Среди и скрежета, и воя
Полынью – тропкой полевою,
Сухим дыханьем сентября.
Замедлю шаг и надышусь
На суматошные недели,
На все грядущие метели,
Их и считать я не берусь.
И удивительно подчас:
В огромном городе доньше
Есть место, где расти полыни
И запахом тревожить нас.

А осень нынче медлит,
Тихая,
Она без ветра и дождей.
Она пугливою лосихою
Глядит из леса на людей.
И чем теплее не по времени,
Чем веселее бережок,
Тем неожиданней на зелени
Ее оранжевый стежок.
Да, будет все, как и положено:
Хлестнут дожди по лицам зло.
Глядим мы в небо настороженно,
Не верим в позднее тепло.
А осени легко ворожится
На дым, на воду в поздний час,
Как будто и она тревожится
О том, что ожидает нас.

– Кому это надо – бродяжить
Зимой без тропы, без дорог,
А что там – лесок да овражек.
Вы, что, не видали сорок?
– По вязкому снегу!
Добро бы
Гоняли вы лис или коз.
Там пусто – березы, сугробы.
Вы, что, не видали берез?
Как видно, смущали вопросы,
Сказал он, уставясь в окно:
– Вы видели семя березы?
На птицу похоже оно...

Оттепель

Не случайно декабрь этот хлюпает,
Не похожий на все декабри.
Видно, мачеха, старая, глупая,
Снова жадностью подлой горит.
Видно, девушка немятежная,
Незлюбивая ко всему,
Вновь надеется на подснежники
И боится шагнуть во тьму.
Стихли вьюги в лесу вихрастые,
И мерцает-горит костер.
Видно, сказка живет и здравствует
Всем сомнениям наперекор.

Сыну

Зима и полночь на дворе.
Средь светофоров, фонарей,
Среди заснеженных афиш –

Ты спишь.
Час припозднившихся гуляк,
Бездомных кошек и собак.
Вокруг тебя покой и тишь –
Ты спишь.
Каким бы ни был день, уже
Все улеглось в моей душе.
В ней нет тревог, а нежность лишь –
Ты спишь.
Ребенок мой – наперекор,
Упрямец, горе-фантазер,
Чем снова завтра удивишь?
Ты спишь.
Как трудно мне с тобой теперь –
Растешь!
Открою тихо дверь,
Войду в твой мир деревьев, крыш.
Ты спишь...

Голубое окно

– Сколько окон в комнате твоей?
– Три окна.
В белое гляжу я на детей –
Из него мне улица видна.
В черном от бессонницы темно.
Обернется вьюгой и звездой,
Обернется ложью и бедой –
Не задернуть шторой то окно.
– Ну а третье?
– Голубое. В нем
Снег не тронут и свежи ветра.
Радость и надежду – день за днем
Вижу в том окне я по утрам.

За поворот

1

На улочках слепых среди снегов и кленов,
Среди дворов, дымков, летящих с каждой крыши,
Жить можно не спеша, жить можно потаенно,
Здесь медленней шаги и голоса потише.
Лишь прогремит трамвай и скроется надолго.
И снова тишина – слышна любая птица.
Лишь ветер пролетит без дела и без толку,
В случайное окно негромко постучится.
Какая жизнь идет, о том не скажут ставни,
Калитка, верный пес, что дремлет у ворот.
На улочках моих снега светлей и плавней.
Но почему детей несет за поворот?

2

Ничего для детей не жалея,
Мы боимся железок и клея,
Молотков и гвоздей – беспокойства,
Но у детства – особые свойства:
Страсть к развалинам,
Лестницам,
Сучьям.
Мы запретами учим и мучим.
За провинность караем сурово.
Но дожди проливаются снова,
Рельсы тянутся к небу и лету.
И бессильны любые запреты.

На вокзале

Мальчишку делят, боже мой!
Кричат и топают прилюдно.
И, всхлипывая поминутно,

Кричит он тоже, сам не свой.
Отец и мать – они враги.
И помирить их невозможно.
Мальчишка!
Сердце береги,
Ведь надорвать его несложно.
Но что ему слова, молва...
Нет сил беды своей стыдиться.
Хватает их за рукава,
Кричит,
А все не докричится.

Старый дом

Старый дом засыпает с трудом.
Старикам в непогоду не спится.
Дверью скрипнет, вздохнет половицей,
Затоскует последним окном.
Мокрый снег окружает, слепит.
Хлесткий ветер усилился к ночи.
Но не этим наш дом озабочен:
Он последним окошком не спит.
На снегу золотое пятно.
Что за шторой: работа, разлука?
Старый дом не проронит ни звука,
Бережет, как ребенка, окно.

Гостья

Стихи некрасивой девочки,
Они о любви, конечно.
Так искренни, так наивны,
Что даже неловко читать.
О птице на зябкой веточке,
О ласковом, звонком ливне,

О том, что самое страшное
Сутки Его не видеть.
Глазами вчерашней отличницы
Глядит она так серьезно.
Стихи ее без помарок,
И аккуратна тетрадь.
Наверное, ей и вправду
Непросто живется-дышится,
Поэтому вечером поздним
Садится она писать.
О звездах, что бед не ведают,
О парне, что нравится втайне,
Который гуляет с друзьями,
А может быть, и с другой.
В стихах она с ним беседует,
И ждет от него признанья,
И даже порою ссорится,
Вернее – сама с собой.
Глядит на меня и хмурится,
Угрюма и угловата.
Чем ей помочь, не знаю.
И помощь ей не нужна...
Выходит она на улицу.
И у окна виновато
Гляжу, как она уходит
Все дальше,
Совсем одна...

Нет, не идут занятия впрок:
То пальцы в кровь – бросай иголку,
То с книгою полдня без толку
Сижу, уставясь в потолок.
И все мне видится: вокзал,

Дорога, рельсы, даль степная.
А дальше я пока не знаю,
И нет того, кто б это знал.
А если б был, то я сама
Ему закрыла рот рукою.
Уже кончается зима.
Уже не хочется покоя.
В душе моей то гул, то звон.
В глазах моих светлы просторы.
И время, словно поезд скорый,
Мой дом качает, как вагон.

Хватило и сил, и прилежности
Урок затвердить назубок.
Но вот – возвращение нежности,
Ее молчаливый росток.
Зеленый и неожиданный,
Откуда – сама не пойму.
Бедой и обидой испытанной –
Да мне ли поверить ему?
И снова твержу я заученно,
Что душу тоска изведет,
Что грозы придут неминучие,
А нежность растет и растет.
Я чувствую: сердце ей полнится.
И снова над жизнью моей
И звезды счастливой бессонницы,
И шелесты добрых вестей.

Качаются скверы и улицы,
Так весело, будто в игре.
И я не горячка, а умница
Встречаю тебя у дверей.
Шагнешь, улыбаясь, навстречу мне,
Пронизанный февралем.
И путь мой, когда-то намеченный,
Уже порастает быльем.
Вновь сердце твое бескорыстное
Ответит легко моему.
И власть, лишь вчера ненавистную,
Сегодня без боя приму.

Я хочу, чтоб ты знал меня маленькой девочкой
По качелям и сказкам, по играм в овраге.
Я хочу, чтоб ты знал меня резкой и шумною,
Но умеющей ладить с прыгучим мячом.
Я хочу, чтоб ты знал, как жилось мне невесело,
Если мама болела, а такое случилось...
Я хочу, чтоб ты знал и о дядиной яблоне.
Умер он, а она все цвела и цвела.
Я хочу, чтобы не было боли и горечи
Оттого, что никак не пойдем мы друг друга.
Я хочу, чтоб ты знал – корни душ наших в детстве,
Потому важно все, что неважно совсем.

Песенка

Мне все труднее и тревожней,
Мне все больнее оттого,
Что я лишь травка-подорожник
Пути и сердца твоего.
Мелькают дни, приходят сроки,
Раздумий сроки – не мечты.
А я все травка на пороге,
Которой раны лечишь ты.
Я не скажу тебе: доколе?
Я молчалива, как трава.
Но прорасту в широком поле
И разве буду не права?

Правда редко бывает красивой.
Ложь не может быть молчаливой.
Нелюбовь справедливой не будет,
А холодность любви не разбудит.
Жизнь чужую умело и с толком
Разложить я сумею по полкам.
А свою – не хватает умения,
И рассудочности, и терпенья.
Все в ней смешано так бестолково!
Рядом с ложью – правдивое слово,
Нелюбовь и любовь неделимы.
Весны злые, счастливые зимы –
Одинаковым полны значеньем.
...Перед утром сугробов свеченье,
Жар целинный и песнь водостока.
Но не дремлет соседское око.
Все по полкам разложит умело.
Взвесит каждое слово и дело.
Вознесет и предаст укоризне,
Чтоб запутаться в собственной жизни.

Искусство – жить вдвоем,
В другом не растворяясь.
Искусство – день за днем
Гасить обиды, зависть.
Искусство – так любить,
Чтоб – ни слезы, ни жалоб,
Чтоб меж сердцами нить
Опасно не дрожала.
Как не хватает нам
Уменья жить счастливо!
И бродит по пятам
Немая тень разрыва.
Срываясь, горечь пьем,
Но остается главным:
Мы учимся – вдвоем,
Мы учимся – на равных.

– Чего ты хочешь – ссоры, лада ли,
Хоть для себя самой реши!
– А что сказать, коль утки падали,
Их не спасали камыши.
– К чему ты это?
Ну не глупо ли
Сейчас охоту вспоминать!
– Березонька стояла во поле –
Кому-то надо заломать...
– Скажи мне, чем ты так встревожена?
– Да просто нам пора понять,
Не только пылкая восторженность
Должна любовь обозначать.
Но доброта к тому, что около,
К сынам и пасынкам земли.

Простая мысль и не дает идти:
Не друг навеки – дома ждет прохожий,
Зашедший обогреться по пути.

Как будто бы выход нашла – веселюсь!
Разлука грохочет, а я не боюсь.
И ты не кори, что легка и резка.
Ты вспомни, как нас донимала тоска.
В углу – паутиной, ковром – на стене,
Была она даже цветком на окне.
И мы полюбили ее тишину...
Я первой в открытые двери шагну.
Хотя и не знаю, как жизнь повернет,
Но вижу, как речка начало берет.
Но слышу, как ветер рождается тот,
Который меня позовет-поведет.

Крылья выросли – разве плохо?
Значит, доля твоя высока.
Холодок последнего вздоха –
И взметнуться под облака.
Задышать глубоко и вольно
Ветром, радостью, синевой.
На прямых путях, не окольных
Крепнут крылья, хороший мой.
Расправляешь перышки, очень
Занят тем, чтоб перо – к перу.
...Что-то ветер усилился к ночи,
Дождик капает – не к добру!
Лишь поднимаешься по-над крышей,
Покрасуешься – и к крыльцу.

Крылья выросли – так лети же!
Не хлещи меня по лицу.

Сквозь годы

Как будто через влажное окно
Людей я вижу.
Лица их размыты.
Одна забота – все дела забыты! –
Друг друга переспрашивать:
– А кто
Тогда был с нами?
Помните, когда
Вот так же в октябре рябина спела
И женщина одна никак не смела
Сказать простое слово «навсегда».
А может, это именно она...
Ее сгубила робость и поспешность.
Она не знала, что такая нежность
Дается раз.
И в том ее вина.
– Да,
Это я, – кричу я, –
Это я.

Ты счастлив с другою.
Как трудно привыкнуть!
Пройти, улыбнуться и не окликнуть.
Ты должен бы каяться,
Мерзнуть в подъезде,
Страдать оттого, что сейчас мы не вместе.
И встречи искать, задыхаясь от боли.
Но ты так уверен в себе, так доволен,

Как будто не ты –
Будто я виновата.
И мне по заслугам такая расплата:
И ночи без сна,
И тоска,
И усталость.
Я помню тебя –
Вот и все, что осталось.
Простила бы то, что не может проститься.
Но даже и этим не защититься.

Узнать о предательстве давнем.
Случайно и грустно узнать,
Как будто замшелые ставни
Со старых окошек сорвать
И глянуть в забытые годы,
Как будто в сегодняшний день,
Чтоб заново, горько и гордо,
Забыть молодую сирень
И нежность, с которой касалась
Я губ на лице молодым.
И то, что мне счастьем казалось,
Обидой узнать и стыдом.

Встреча

Как хочется мне оглянуться назад.
А что там оставлено?
Все тот же проклятый и проклятый взгляд,
Все те же проталины.
И ветер, и снег.
Хоть апрель наступил,
В весну и не верится.

Не Золушка я, не касаясь перил,
Сбегать вниз по лестнице.
Но взгляд этот... В спину летит, как снежок,
И... дрогнула улица.
Не оглянулась. И хорошо.
Скорее забудется.

Нет! Все, что было с нами, живо.
Живо!
И девочка резка и холодна.
О, как она боится быть счастливой
У чистого с геранями окна.
Ее терзает собственная сила –
Ее несет то в степи, то в леса.
Как и меня когда-то уносила,
То зеленью, то синью жгла глаза.
И что там кран – напиться из колодца!
И что ковер, когда свежа трава.
Она еще не знает, как вернется,
Как гулки в тихой комнате слова.
Но девочка сейчас мне не поверит.
Она не знает, зла и горяча,
Как жалобно и жалко скрипнут двери,
Когда «вернись!» вослед не закричат.

Сказка

Яблоня да печка –
Вся в лесу защита.
Детское сердечко
Каждому открыто.
Гуси в небе тают.
Хлопают крылами.

Сказка облетает
Желтыми листьями.
Выцвела бумага.
Но и нынче, каюсь,
Детская отвага
Вызывает зависть.
То Кашей, то леший,
Сказка вновь заманит.
Девочку утешит,
Женщину – поранит.

На переговорном

– Как у тебя?
– Прекрасно все.
А у тебя?
– Еще прекрасней.
И ты волнуешься напрасно,
Ведь ты же знаешь, мне везет.
– Ну вот и славно. И душа
Не будет ныть перед рассветом.
– О чем?
– Да что теперь об этом...
А как погода?
– Хороша!
Сегодня снег стеной сплошной.
С волос его стряхнуть не просто.
Когда-нибудь нагрнешь в гости,
А я Снегурочка. Смешно?
– Смешней через страну кричать,
От глаз твоих не отвывая
За годы...
– Время истекает!
Щека от трубки горяча.

Три сирени

...Та сирень моя первая, дерзкая,
У всего городка на виду.
С ней пылала душа моя детская.
А вторая – во школьном саду.
Третья росная, там, за соборами
И заборами, в той дали,
Где оставлена нежность, которую
Мы ошибкою нарекли...
Не забудетесь, в воду не канете,
Не погаснете для меня –
Три сирени,
Три счастья,
Три памяти,
Три сведенных в едино огня.

Я останусь одна
В этом городе с летними звездами
И сиренью.
Она
Завтра вспыхнет лиловыми гроздьями.
Пусть тесны ей сады –
Ей не тесно в моем одиночестве,
Как ветле у воды,
Как березоньке в солнечной рощице.
Я права!
Я права,
Не гляди так обиженно.
Вырастает трава
Там, где все было выжжено.
Только дайте ей срок,
Не топчите пока еще малую.
Так ступай за порог –

Я тебя еще сказкой побалую.
Дай мне только собрать
То, что в ссорах жестоких утеряно.
Буду снова щедра –
Научусь у цветущего дерева,
У куста, у реки,
У веселого летнего облака.
Задохнусь от тоски –
Ты не рядом, не близко, не около.
Засвербит, заболит,
Позабуду все злые пророчества.
И не станет обид –
Только дай мне глоток одиночества.

Я никому не уступлю
Ту землю, что зову своею.
Я здесь живу и здесь люблю –
Не ветерком над нею вею.
Такие корни, как мои,
Надежно держат эти недра.
Иных пределов соловьи,
Ослепнув от степного ветра,
Пускай твердят: мечта, судьба...
Красив Иртыш зимой и летом...
Но есть на Северных изба,
Моим сработанная дедом.
И церковь та не снесена,
Где под венцом стояла бабка.
По мне – иртышская волна
Припахивает детством сладко.
Куда отсюда я уйду,
Коль судьбы предков, словно вехи,
Здесь переплачу я беду

И здесь отпраздную успехи.
И пусть просты мои слова,
Пусть не парадны и не броски –
Я стороной своей жива,
До края, до своей березки.

Зависть – это зависть, что ни делай.
Оправдай: беда, мол, не вина.
Назови хоть черною, хоть белой,
Завистью останется она.
Вроде бы заботится, хлопочет,
Опекает неразумных нас!
В светлые ее гляжу я очи,
Я добрее не встречала глаз!
Я добрее не слыхала слова,
Обо мне так мама не пеклась.
А ведь знаю: расшибись я снова –
Будет зависть радоваться всласть.
...Новую обиду переплачу,
Отойду и все прощу врагу.
За плечом завистник – это значит,
Стоящее что-то я могу.

То сонный дождь меж елей бродит,
То птица постучит в стекло.
Когда окно на лес выходит,
Живешь свободно и светло.
Что мир сужается, не верю.
Зато не в сказке – наяву
Я знаю, стоит стукнуть дверью,
Как ежики скользнут в траву.

Качнется у синички хвостик,
Она сорвется с ветки вниз.
А мне туда, где тонкий мостик
В овраге над ручьем повис.
А мне туда, где только осень
И никаких тебе забот.
Но надвое расколет просинь
Сверхреактивный самолет.

Снег выпал и опять пропал,
Светло над головою.
Мой город заново пропах
Горящею листвою.
А снег – он в тучах до поры.
А тучи – за лесами.
Горят последние костры
Сигнальными огнями.

Поселок Октябрьский

1

С верной собакой – по светлым лесам.
Сколько за лето исхожено с нею!
Дождичек сеет.
И больно глазам
Видеть, как небо готовится к снегу.
Мне ли к тяжелым снегам привыкать,
Коль отвыкать от них не успеваю?
Но почему так тревожит опять
Каждая ветка, былинка живая?
Выпустит зимушка вьюги из рук,
Выбелит лес и дорогу надолго.

Дом и собака, да книжная полка –
Нет, мне не тесен намеченный круг.
Но покидаю я с чувством вины
Старый наш лес и знакомое поле.
И на прощанье прибавит мне боли
Ягода поздняя, гриб у сосны.

2

С новой зимою вас, добрые люди,
С алой зарей на серебряном блюде.
Первый морозец хлестнул по лицу,
Стайка синиц прилетела к крыльцу.
Зерна ли, крошки ли – сыпьте же гуще,
Да не скудеют ладони дающих.
Птицам не выжить без доброй руки.
С новой зимою вас, сибиряки!
Пусть задувает во все переулки,
Пусть выпекает сугробы, как булки.
Пусть вышивает на каждом окне.
С новой мечтой вас о новой весне!

Седьмое января

Снег позванивает слегка,
Как шары на еловых лапах.
Снег приносит нездешний запах,
Может, пахнут так облака?..
Нынче бабушкин день – Рождество.
Он мне так же, как детство, дорог.
И под снегом притихший город
Обещает мне волшебство.
Обижаясь почти всерьез,
Что давно чудесам я не верю, –
Просто знаю заветные двери,
За которыми все сбылось.

Зимние цветы

Не дрогнут ни деревья, ни кусты.
Нет, не живут они, а выживают...
А я несу тепличные цветы
по грустному промерзшему трамваю.
В моих руках бесформенный кулек,
но, видно, от него тепло струится,
как будто в нем горячий уголек,
что греет руки, освещает лица.
Не скоро нам с тобой плутать в лесу,
аукаться среди живых деревьев.
Изнеженное чудо я несу,
а кажется, – надежду и доверье.
Что могут эти зимние цветы –
не знающие ветра цикламены?
Но верю я, что улыбнешься ты
и в нашем доме потеплеют стены.

Не терема, не теремки –
Обычные дома.
Но так деревья высоки,
И так свежа зима,
И так отчетлив каждый след,
И так отчетлив звук,
Что этот день и этот свет
Я сказочным зову.

По этим Северным, по этим,
продутым ветрами зимы,
по этим улочкам мы едем,
на свет – из тьмы,

на свет – из тьмы.
За ставни, хоть еще не поздно,
упрятан свет и там, и там.
И редким – в этой мгле морозной –
так неуютно фонарям.
По этим Северным в трамвае,
куда – сама я не пойму,
мы едем. Нас везет кривая
из света – в тьму,
из света – в тьму
недоговорок и сомнений.
Друг другу ставим их в вину.
Скользят по нашим лицам тени,
как по трамвайному окну.

Ночной снегопад

Ночной снегопад на пустынной дороге.
Прошел человек и пропал за углом.
Вот «скорая помощь», мелькнув огоньком,
промчалась, оставив дыханье тревоги.
Пустынна дорога. Ночной снегопад.
И сердце пустеет, пустеет, пустеет.
Оно осуждает все эти затеи
с любовью, меня обманувшей стократ.
Не надо мне больше глаза напрягать,
чтоб чью-то фигуру увидеть за снегом.
Я стану сегодня другим человеком,
и ты меня больше не сможешь узнать.
Когда ты объявишься где-нибудь, позже,
наткнешься на тихий, остуженный взгляд.
Среди ожидания – ночной снегопад...
Бесследно пройти он не может, не может.

Банальна ситуация, банальна...
Я у окна, задумчива, печальна,
не в силах даже слова произнести.
Я жду мужчину. Где же он? Бог весть!
Соперница мне женщина ли водка,
мне надо терпеливой быть и кроткой,
когда раздастся все-таки звонок
и мой прекрасный ступит на порог.
Нельзя же опускаться до скандала,
указывая в сторону вокзала,
прокручивая в сорок пятый раз
картину: «Что, развод? Да хоть сейчас!»,
чтоб утром монолог исповедальный:
«Чтоб я еще...»
Куда уж там банальней!
И этому давно уж грош цена,
но я торчу у черного окна.

Позже ты об этом пожалеешь,
А пока раздора зерна сеешь.
Так о чем ты думаешь, о чем?
Ты глядишь за облако, немея,
Объяснить все это не умея,
И кладешь мне руку на плечо.
Неужели прежние виденья:
Вздохи и восторги восхищенья.
Слава – это ворона крыло.
И черно, и свет полдневный застит,
И пророчит новые напасти.
Что же губы немотой свело?
Я прошу тебя, очнись, любимый!
Но глядишь ты все неотвратимей,

Все неудержимей в небеса.
Как же ты об этом пожалеешь!
А рука твоя все тяжелее,
И все жестче светлые глаза.

Как будто «улю-лю»
Звучит твое «люблю»,
Как будто – «затравлю»,
Как будто – «ослеплю».
Спасибо и прости –
Я слова не приму.
И не сожму в горсти,
И к сердцу не прижму.
Зачем оно, когда
За ним стоит беда?
К тому же я – поверь! –
Не промысловый зверь.

Нежность твоя не приносит отрады.
В нежность твою вплетены снегопады,
Инея отблеск да нить куржака.
Может, цена-то ей два пятака.
Нежность скупа – я довольствуюсь малым,
Не доверяю ветрам одичалым,
Ливням случайным, внезапной грозе.
Да, я верна и судьбе, и стезе.
Вот и живешь ты, совсем забывая,
Я ведь живая! Я просто живая.
Как я боюсь заполошного дня:
Вырвусь!
И кликай по свету меня.

Скажешь ты горько:
– Ценить не умела
Нежность мою, а была она белой...
Но велика ли была ей цена,
Скажут бессонница и тишина.

В ладонях стебли тебе,
Тыходишь в лес, как принц наследный.
А лес живет, как до тебя, –
Его заботы незаметны
Тому, кто ищет среди трав
Отдохновение от бега.
Ты, ничего не увидав,
Воскликнешь: тишина и нега!
Вверху – гнездо,
Внизу – цветы,
Кусты шиповника пугливы.
Но так глаза твои пусты,
Что не сумеешь стать счастливым –
И сердце гордое твое
Высокомерно не расслышит,
Как дышат птицы и зверье,
Как молодая елка дышит.
Здесь все запряжено всерьез
От позы, суеты и спешки.
Скажи, а в шелесте берез
Тебе не слышится насмешки?

...Я не ревную.
Просто мне грустно,
Что тебя выбрала женщина,
Которая умеет любую трагедию Шекспира

Свести к коммунальной склоке
И забывает, что все Золушки
Вышли в конце концов из замарашек.
Я не ревную тебя.
Я просто боюсь –
Вдруг ты ее половина...

От грусти до бессильной ярости
Все испытала я в свой срок.
И даже самой малой малости
Ты избежать мне не помог.
Под тяжесть всю, не половинную,
Одна подставила плечо.
Ну что же, голову повинную
Меч, как известно, не сечет.
Не надо, не проси прощения,
Все это дым и суета.
Душе не нужно даже мщения,
Когда она пустым-пуста.

О, как мне хочется убрать
Все то, что связано с тобою.
Хватаю я слепой рукою
Рубашку, карандаш, тетрадь.
Распихиваю по шкафам,
Чтоб вещи с глаз убрать скорее.
А ты считал, что я мудрее,
Считал меня сильнее, чем сам.
А мне, как девочке, невмочь
Обиду спрятать, боль, досаду.
Но к мартовскому снегопаду

Меня выталкивает ночь.
Вдвоем по улочкам кружить...
Он веки нежно мне остудит
И на вопрос: что дальше будет? –
Легко ответит: будешь жить.

Я неудачу – переплачу,
Я нищенство – переживу.
Свои следы надежно спрячу
В разрыв-траву и сон-траву.
Все отдала – и не в обиде,
Все забирай, и бог с тобой.
Но не дано тебе увидеть
Меня босою и с сумой.

Ты не любил меня... Прощай!
Что может быть страшней, чем это.
Я ухожу туда, где лето
Вот-вот плеснется через край,
Лечиться травами, рекой,
Ромашки гладить, не срывая,
И удивляться: я – живая,
Не сбита болью и бедой.
Ты не любил меня...
Ну что ж,
Зачеркиваю наши годы.
И все же от такой свободы
Меня охватывает дрожь.
Пусть гром не грянет над тобой!
Мы слишком долго были вместе,
Чтоб я могла мечтать о мести...
Но как стыжусь себя самой!

...Не стоит разговора – печки-лавочки,
И все мои печали – пустяки,
Пока с руки слетают дни, как бабочки, –
Так яркие, так нарядны, так легки.
И пусть я не избуду горькой горечи
От той любви, что обманула вновь,
Я буду тихо умирать от гордости,
Что верю в эту самую любовь.
Не в ту, что в восемнадцать, – неоглядную
Из книжек, что зачитаны до дыр,
А в трудную и вовсе не парадную.
Ей не под силу переделать мир.
Но ей под силу сделать так, чтоб заново
Увидела все то, чем и живу:
В степи осенней перелесков зарево,
Цветущую июньскую траву.
И синее, и красное, и черное –
Весь мир, как есть, без всяческих прикрас.
...А слезы – это женское и вздорное,
Они придут и высохнут не раз.

Спасибо, любимый, за нежность и жалость
Ко мне, прилетевшей, откуда, бог весть!
Прости же за то, что казаться пыталась
И лучше, чем есть, и умнее, чем есть.
Прости мне неловкие, резкие речи,
Хотя бы за вечер, Никольский собор,
За то, что поставлены жаркие свечи,
Пусть атеизму наперекор, –
Дань памяти той, чья судьба так сурова.
Прости же горячей моей голове
Хотя бы за то: не сказала ни слова,

Когда мы спускались с тобою к Неве.
Я все понимала, и я ревновала
Тебя – к Ленинграду, к тебе – Ленинград.
На темную тихую воду канала
Последние листья бросал листопад.
Как были надежды смешны и упрямы –
Любовью навеки связать города.
Спасибо, прости... Как слова телеграммы,
Которую я не пошлю никогда.

Откуда бы музыке знать обо мне,
О давней моей провинности,
О том, что схоронено в сердце на дне...
За что у нее я в немилости?
И мучит, и требует, будто бы мстит,
И плачет осеннею птицею.
Недосягаемо в небе звенит.
Вина моя – боль – простится ли?
Простится ли память, которой жива,
Коль память такая несправедна?
Рука на плече, и ночная Москва,
Глаза через дождь, и шальные слова,
Душа через край – все украдено.
Не дрогну, не выдам себя я ничем,
Не выплесну затаенное.
А музыка – снова глаза при свече.
А музыка – снова рука на плече,
Прощающая и прощенная.

Я счастлива тем, что имею.
Мне большего и не надо,

Чем стопка помятых тетрадок
На старом сыновьем столе,
Чем росчерк зимы на стекле.
Я счастлива тем, что умею.
Я делаю книги, в которых
Герои в раздоры и споры
Пускаются, чтобы потом
Утешиться, выстроить дом.
Я счастлива тем, что имею.
Я счастлива тем, что умею.
Не надо ни плакать, ни охать,
Не надо кусать себе локоть.
Разумно и просто живу –
Как лодочка на плаву.
А ты – о борьбе и победе,
А ты мне – «разрушим, уедем!»
А я ведь немалой ценой,
А я – молодой сединой
Платила за все, что имею.
Платила за все, что умею.

До каникул только две недели.
Лето и свобода впереди.
Яблони еще не облетели,
Радуют пока еще дожди.
В гомоне ребячьем, разговорах
Светлые проходят вечера.
Как понятен мне сирени шорох!
Расцветать и буйствовать пора.
Звонко в стенку ударяет мячик,
Носится восторженно щенок.
Пахнет детством каждый одуванчик,
И сластит акации цветок.

Юность

Повторяется все сначала.
Будто нас вот так не качала,
Не кружила, не возносила
Бесшабашная эта сила
Книгой, песней, костром в овраге,
Строчкой первую на бумаге,
На снегу, на песке прибрежном.
Невозможно остаться прежним,
Коль запел за стеною школьной
Ветер юности – слишком вольный,
Слишком дерзкий и вдаль манящий,
За моря, за глухие чащи.
Ожиданием светят ночи...
Сын мне верит, наверно, не очень.
Он-то знает, смеясь и волнуясь:
В первый раз начинается юность.

Как страшно за этот простор голубой.
За ближние дали и дальние дали.
Когда же людские сердца вразной
Так сильно на нашей Земле застучали?
То кони нужны, то долины тесны,
То море вдруг станет причиной раздора.
И вот уже мучат проклятые сны
Людей, ошалевших от крови и ора.
Пылают дома сто столетий подряд,
И ветер скорбит о бездомных скитальцах...
А время летит, и пробирки звенят,
Послушно металл изгибается в пальцах.
Теперь не копьё, не ружьё, не стрела –
Такое грозит, что душа содрогнется.
Мы поняли все, что планета мала,

Что может однажды она расколоться.
Понять бы еще, что довольно смертей,
Что выход один у людей – помириться.
В смертельной тревоге от наших затей
И зверь, и растенье, и чуткая птица.
Неужто же гибель маячит вдали?
Тогда мы не стоим любви и доверья.
...И снова полпредами нашей Земли
И бьются, и тянут к нам ветви дерева.

Отец

1

...Уходил мой отец.
Как с собой ни боролась,
Ни держалась, а все же заплакала в голос.
Шестилетней себе и сейчас не простила,
Как рыдала тогда, по отцу голосила.
Облигации взял, а награды оставил.
Он до Вены дошел, он Отчизну прославил.
И, конечно же, был он хорошим солдатом.
Но о том говорить я стеснялась ребятам.

2

Мой отец не придет обратно.
Ночь апрельская холодна...
Безотцовщина – это понятно,
Если косит отцов война.
Но покойно и ладно в мире.
Мама сжала руками виски.
И гуляют по нашей квартире
Шепотки, шепотки, шепотки.
Ничего в коммуналке не скроешь,
Все обсудят в подробностях там.

Сколько вас, дорогие герои,
Уходило к чужим очагам.
Мы старались забыть ваши лица,
Мы учились беречь матерей.
Я отцом не умею гордиться,
Я не стала с годами добрей.

3

День Победы – это мамин праздник.
Внук поздравит, баловень, проказник,
Зять вино по рюмкам разольет.
Мама нам расскажет непременно,
Как в войну трудились по две смены –
Самолеты делал их завод.
И вино пригубит, и заплачет,
Скажет: – Да, все было бы иначе...
И надолго замолчит она.
Мне, как в детстве, станет больно-больно,
Я опять подумаю невольно:
И меня обидела война.
Я горжусь страной своей прекрасной,
Знаю, жертвы были не напрасны –
Нам светло под красною звездой,
Что с пилотов в детстве нам светила.
Но война меня осиротила,
В мирный год оставив сиротой.

4

Апрельский дождик шлепал по крыльцу,
И запахи весны в окно влетали.
Сказала мама:
– Позвони отцу,
Вот ордена его, а вот медали.
– Он двадцать лет о них не вспоминал,
Не позвоню, – сказала я упрямо.

– Он честно и достойно воевал, –
Сказала так и отвернулась мама.
...– Вам дочь звонит... Конечно, столько лет.
Я передать хотела... Что же, завтра.
...Я бережно передала пакет
И сразу зашагала от театра.
Я чувствовала взгляд отцовских глаз,
Не оглянуться мне хватило воли.
Отец, отец!
Ты счастлив был без нас,
Не зная наших горестей и болей,
Надежно ли отцовское плечо,
Узнать об этом не пришлось мне в жизни.
Я не хочу винить тебя ни в чем,
Ты послужил и миру, и Отчизне.
Чужая дочь прикрутит ордена,
Поможет застегнуть парадный китель.
А мне такая радость не дана
Судьбой, верней – тобою, победитель.

Почему я смеюсь? – Просто лето в разгаре.
И поэтому ливень совсем не беда.
Он гудит, как орган, он сегодня в ударе.
Посмотри, как в реке закипает вода
и качается длинное тело трамвая
в этих струях, летящих отвесно с небес.
Хлещет ливень, людей от забот отрывая,
заставляя их вспомнить то поле, то лес.
Этот ливень – надежда и тайная милость.
Я смеюсь – не сносить мне опять головы!
Но возможно ли, чтобы вот так повторилось:
ливень, лето, любовь, влажный шелест листвы.

Я стану мудрой, как сова,
Поклонницей полночных бдений,
Когда забуду те слова,
Что говорятся в день весенний.
В тот день, когда судьба двоих
Сведет как будто бы случайно,
Когда от ливней голубых
Так веет свежестью и тайной.
Забуду и сумею жить
Рассудочно и безмятежно.
Беду руками разводить,
Писать, как школьница, прилежно
Про все законы бытия,
Глубины, таинства и выси.
О память юная моя!
Покой мой от тебя зависит.
Но как же ты еще жива –
И память губ,
И память слуха...
Наверно, я пока сова,
Не научившаяся ухать.

Очи долу, и стихи до полночи –
это было.
Было и сплыло.
Не рассветный час,
а яркий, солнечный
вижу я сейчас через стекло.
Стукну створкой,
чтобы шторы белые
крыльями взлетели к потолку.
Что же я с тоской

твоей поделаю,
коль свою изжить я не могу?
Хлещет солнце,
в этом пекле адовом
резко все очерчено кругом.
Нет, не надо наперед
загадывать.
Нам с тобою не построить дом.
Друг мой старый,
боль моя сердечная,
мы с тобою знаем –
вот беда! –
до чего оно недолговечное –
каменное слово «навсегда!».

Ты ли прав, я ли права,
Девочка ли шальная.
Она повторяет мои слова,
Сама о том и не зная.
Я говорила сто лет назад,
Она говорит сегодня.
Но мне, а не ей
Почему же ты рад?
Моложе она и свободней.
Я же, как прежде, гореть не смогу
Отчаяньем и весельем.
Помнишь, как хохотали в снегу
В лицо ошалелым метелям!
Радость, смятенье – по Иртышу
Льдинами – встречи, разлуки...
Поздно!
Как поздно!
Я ухожу.

Ты отогреешь ей руки.
Я не завидую девочке, нет!
Хотя и не очень верю,
Что ты не рванешься за мною вслед,
Когда я закрою двери.

В этом доме

В этом доме не любят друг другу перечить.
В этом доме собака к вам выйдет навстречу,
Лапу даст и вздохнет, все и всех понимая.
Без роскошной сирени здесь не было мая,
Без гвоздик – декабря, новогодья – без елки.
Этот дом стороной обойдут кривотолки.
Но прохожий в том доме не сможет согреться,
Ведь хозяева в нем – два нелюбящих сердца.
Не обманут они, не обидят друг друга.
Но свела не весна их – треклятая вьюга,
Унеся их надежды на счастье и волю,
Одарив их покоем и тайною болью.

Откуда такое давнее
И старое, словно мир, –
Ты молод, и это главное.
Весну зачитай до дыр:
Асфальты и стены влажные,
Желание теплых дней.
Ты молод, и э т о важное,
Что на земле важней?
Шагаешь с прекрасной свитой
Ручьев, огней и дождей.
Ты молод!
И я завидую

Любви молодой твоей.
С последней апрельской метелицей
Ворвался ты в город мой.
Молодостью не делаясь,
Так поделись весной!

Гулка моя округа –
Шепни лишь, и пойдет...
Давай беречь друг друга
От сплетен и острог.
От грубости и спеси.
О том веду я речь,
Как страшно будет, если
Не сможем уберечь.
Давай беречь друг друга
От клятв и от вериг,
От замкнутого круга –
Ведь мир – он так велик.

Выбиваюсь из последних сил,
Мну себя и заново леплю.
Я хочу, чтоб ты меня любил,
Пусть не так, как я тебя люблю.
Пусть поменьше, пусть всего чуть-чуть.
У меня же кругом голова,
Мне же нежность не дает вздохнуть –
Просится в улыбку и слова.
Стану я красивей и умней,
Стану я судьбы своей сильней,
Чтобы ты однажды ахнул вдруг:
– Как же мог не думать я о ней!

Костер горел на берегу,
Горел на берегу.
Казалось, я взлететь смогу,
А вышло – не могу.
У невеселого огня,
Случайного огня,
Ты просто не любил меня,
Ты не любил меня.
И уносили катера
В прекрасное вчера
Бессонницы из серебра,
Зеленые ветра,
Перед рассветом забытьё,
Где снова ты – во сне.
Богатство бедное мое
Качалось на волне.
И стыли на губах слова,
Горячие слова.
У нелюбви свои права –
Жестокие права.
У нелюбви такой итог,
Лишь камни да песок.
Да птицы жалкий голосок,
Да костерок у ног.

Можно ждать из далекой страны,
Из пустыни и с океана.
Можно сетовать: ночи темны,
А дороги, что годы длинны.
Можно в дали глядеть неустанно,
Но любимого из нелюбви
Не дождешься –
зови не зови...

А если даже и не любит,
Что за трагедия, бог мой!
Ведь не его – меня разбудит
Звезда над полночью немой.
Ведь это мне дано, как милость,
В который раз переживать
Тоску, надежду на взаимность,
Потом отчаяться опять.
...И вот я вновь надежду нянчу.
Я, может, этим и жива.
Свою любовь я не растрочу
На однозначные слова.
На недомолвки выяснений,
На охи-вздохи средь подруг.
Любовь моя – мой день осенний –
Не отбивается от рук.
Живет, как сердце ей прикажет,
Не рвется знать все наперед.
А если он не любит даже,
То все равно ведь не умрет.

Как к тебе я приду,
У меня за спиною
День в осеннем саду,
Ночь под вешней луною.
Там измена, молва,
Там бессилье такое,
Что припомнишь едва –
И ни сна, ни покоя.
Боль прошла по судьбе,
Как по травам пороша.
По плечу ли тебе
И зачем эта ноша?

Я тебя огражу,
Стану злой, ледяною.
Припиши куражу
Все, что сказано мною.
Невлюби, прокляни,
Я приму поруганье
За минувшие дни,
За иные признанья.

Как наивны люди эти,
Что, насупившись, как дети,
Не хотят делить ни с кем
Нежности весны и снега,
Дорогого человека –
Лучше пусть возьмут совсем!
Эти люди так наивны!
Им не надо половины,
Легче – в полночь из дверей.
Ну зачем, страдая, мучась,
Выбирать такую участь!
Жаль, что я их не мудрей...

О как туманно впереди,
И в прошлом не светлее.
Всю ночь сегодня шли дожди,
Один другого злее.
Они твердили об одном,
И обнажилась тайна,
Что не мои здесь сад и дом,
И я сама случайна.
Незащищенность, как позор,

Мне обжигает щеки.
Кругом разор, развал, раздор
И грязные потоки.
И, верно, буду я права,
Когда шагну из сада.
Меня хватать за рукава
Не станут, и не надо.
Но попрошу я все равно
Судьбу, как будто Бога:
Пускай мне вслед зажгут окно,
Чтоб осветить дорогу.

Без сострадания и жалости
Все хлещут по лицу дожди...
Освободи меня, пожалуйста,
Освободи, освободи!
От дерзости своей и резкости,
И от жестокой прямоты,
И от моей неловкой нежности,
В которую не веришь ты.
Освободи меня по осени,
Пока не грянут холода,
Пока не нашептали ясени,
Что эта мука навсегда.

Этот взгляд пристрастный – взгляд судьбы,
Каюсь, и грешна, и виновата.
Только дай мне рученьки твои –
Я забуду, чем была богата.
Нежность, словно тонкую свечу,
Мы с тобой затеплим друг для друга.

Я – колдунья,
Круг я очерчу,
Чтоб тебе не вырваться из круга.
Ты рисуешь звездные пути,
Все мечтаешь с молнией сразиться.
Милый мой, смотри, не упусти
Теплую, обиженную птицу.
Ты не знаешь, глядя свысока, –
Молодость самой себя наивней –
У меня в ладонях облака,
Стебли молний и гремящих ливней.

Письмо

Там – легкомыслия клеймо,
А здесь – печать всепониманья.
Такое милое письмо
Я сохраню как знак вниманья.
В нем теплых слов полным-полно
И разговор про то, про это.
Еще достоинство одно –
Оно не требует ответа.
Я перечту письмо опять,
Чтоб стилем восхититься снова...
А надо было написать
«Прощай» – единственное слово.

Я б не хотела ни за что
Встречаться с этим человеком.
...Да, помню, что его пальто
Припахивает талым снегом.
Да, помню, что его глаза,
Хоть ироничны, но печальны.

Но слишком глухи голоса
Его забот и давней тайны.
Я не могу и не хочу
Стучаться в запертую душу.
Себя сжигая, как свечу,
Судьбу свою же и разрушу.
Запру себя на все замки,
Следить за сердцем стану в оба.
Я тру ладонями виски:
Забудь, забудь –
Забудь попробуй!

Смертельны не обидные слова,
А добрые и нежные смертельны.
Я поняла, как я была права,
Когда вовсю гудел февраль метельный.
Когда ложилось небо на дома,
А снег казался влажным и тяжелым...
Пришел ты, показавшись мне весьма
Забавным, суматошным и веселым.
Пижонская шапчонка на бочок,
Ты ерничал, придумывая басни,
Но, как под пеплом угли, горячо
Дышала боль.
Чем тайней, тем опасней...
Мне все часы пророчили весну
И утверждали: ждатель ее недолго.
Я и сейчас тебя не прокляну,
Хоть твой обман сидит во мне осколком.
И нежность показушная не в счет,
Ее прощу я через все печали.
А болью, что вздохнуть мне не дает,
Ты боль свою излечишь ли?
Едва ли...

Пришла печаль, так не гони ее.
С подругой не оплакивай жите –
Кому чужие беды интересны.
Не доверяй ни снам, ни ворожбе,
Веселья не придумывай себе
И не пускай по ветру день воскресный.
Пришла печаль – печалься обо всем.
Щенок бездомный мокнет под дождем...
Деревья городские обкорнали,
Да так, что их уродство всем видно...
Не гаснет ночью дальнее окно,
А может быть, и там свои печали...
Пришла печаль – не закрывай глаза.
Над миром собирается гроза,
И с каждым днем страшней читать газеты...
Земля огромна, но в любой стране
Есть человек, которому, как мне,
Глядеть в окно бессонно до рассвета.
Его глаза усталые мудры,
Его глаза по-новому добры,
Хотя вчера обида в нем кричала.
– Ты мстью боль, – твердила, – утоли!
Но дерево... щенок... окно вдали...
Пришла печаль, и, значит, полегчало...

Старик меня по лугу вел вначале,
Потом водой поил и хлеб ломал.
Сон снился к утолению печали –
Так мой потертый сонник толковал.
Но утро ничего не изменило,
И так же сердце продолжало нить.
Но облако беспечное проплыло,
И паутины серебрилась нить.

И лес гордился охрою прощальной,
Под ветром что-то смутное шепча.
И даже голос электрички дальней
Совсем иначе нынче прозвучал.
Прекрасно было осени начало,
Как будто и не грянут холода.
И сердце потихоньку отпускало,
Хотя не без следа, не без следа...

В холодном осеннем дворе
Нахожусь, сожмусь, онемею.
Умею писать о заре,
О снеге, о зле и добре –
О смерти пока не умею.
Какие-то тетки вокруг,
Пропитые оркестранты...
Вот так и выносят, мой друг,
Непризнанные таланты.
Придумщик, большой охламон,
Любивший влюблять и влюбляться,
Я даже не выберу тон –
Всерьез и навек попрощаться.
Случайность, нелепость, беда.
Старуха, вся в черном, заводит:
– Уходит в такие года!
...Уходит, уходит, уходит.
А помнишь, как молодость жгла.
Бессмертны, тогда нам казалось,
И наши дела, и тела.
А вышло – отпущена малость.
И больно смотреть и дышать,
И дождь обнимает за плечи.
Прощай, молодая душа,
До встречи!

Я знаю, как она красива.
И знаешь ты, и знает он...
Как «мама» выдохну – «Россия»,
И сердце мне наполнит звон –
Дождя в стекло, капли вешней
И полоза по февралю.
Люблю великой и безгрешной,
И грешной я тебя люблю.
Твои знамена и парады,
Счастливый день и горький день.
Как женщины твои крылаты!
Как радостна твоя сирень!
Спешим судить и виноватить
Огромную свою страну.
А нам бы жить и не растратить
До смерти данную, одну.

Россия... Сосны и летящий снег,
И дятла стукоток над головою.
Я не в гостях – живу и верю с ней –
Моей землей – моей душой живою.
Спущусь к реке, обжитой с тех веков,
Когда звенели Ермаковы стрелы.
Я не покину этих берегов –
Здесь дом и доля – здесь мои пределы.
Заносит берега и острова,
А снег все валит по-сибирски щедрый.
По-своему права и не права,
Живу я там, где сталкивает ветры.
Один из них – от моря, от Оби.
Другой пронизан казахстанским солнцем.
И так сильны, что не копить обид,

Печалей, зла – все с пылью унесется.
Недаром наши волосы прямы,
А лица огрубелы, загорелы.
Недаром дорожим покоем мы,
Таким, как этот –
Редким, хрупким, белым.
Россия – снег над бором все сильней,
Он окрыляет, радует и кружит.
О матери, о сыне ли, о муже –
Все помыслы о Родине – о ней...

До горизонта – белые леса.
До горизонта – белая дорога.
И если есть на свете чудеса,
Пусть погостят у твоего порога.
Чтоб в поздний час, когда охватит дрожь
Сосенку, принесенную с мороза,
Поверил ты, что этот мир хорош,
А все плохое – суета, морока.
Они пройдут, все горести твои.
И пусть тебя не покидает вера,
Что это счастье – плакать о любви
На перепутьях ядерного века.
И пусть не будет горше в мире слез,
Чем эти, что светлы и чуть наивны...
Дрожат тревожно веточки берез,
Когда взлетает с ревом реактивный.
Он разрывает небо над рекой,
Над лесом и дорогой.
Снегом с веток
Он стряхивает с наших душ покой
И в редкий час мерцанья тонких свечек.

Они погаснут. Упадёт к утру
С сосновой лапы яркая игрушка.
И заново поверится добру
Под снег, летящий радостно и грустно.

Мария

Цвела весна по перелескам
В глухом, необжитом краю.
Мария – именем библейским
Назвали бабушку мою.
Ненадолго девичья воля...
Под синим взглядом батрака
Уже готова девке доля,
Как имя древнее, горька.
Венки, подружки, хороводы –
Да было ли все это с ней?
А голод, а война, а роды,
Январский холод из сеней...
И как выдерживало сердце,
Когда детей клала ты в гроб?!
Мария, дочь переселенца,
Студила чем горячий лоб?
А за подол живые – к маме!
И снова стирка да стряпня.
И допоздна в оконной раме
Мелькала точка огня.
Когда ж ко лбу тянула руку,
О древнем мальчишке скорбя,
Смотрела, словно на подругу,
Святая Дева на тебя.
И не мольбы ко Вседержавной
Звучали в тишине, скорей
Шел разговор простой и равный
Усталых мудрых матерей.

Март

Пусть снег и холод – все неважно.
Весну я чувствую, когда
Ловлю губами ветер влажный,
Когда гляжу на поезда.
Спешат усталые вагоны,
На их боках – весенний цвет.
И снова мир такой зеленый,
Как будто в нем ни слез, ни бед.

Апрель

В этом апреле и солнца-то мало,
Даль не по-вешнему нынче бела.
Раньше мне денег всегда не хватало,
Молодость, правда, в избытке была.
Я не боялась под злым снегопадом
Ранней весной ходить у пруда.
Я не боялась встретиться взглядом
С бешеным взглядом – была молода!
Прожитый день...
Он мне дорог, конечно.
Но не сдаваясь хмурой весне,
Я понимаю, хоть жить мне невечно,
Столько всего еще выпадет мне!
Душу еще ознобит и согреет,
Если, как прежде, она зелена.
Солнечный день, приходи поскорее!
Стань же скорее зеленой, весна!
Этот апрель, он еще, куролеса,
Стены раздвинет, сорвет потолки.
Душу мою вознесет в поднебесье,
Втянет ее в молодые долги!

Сирень

...И видно по всему
На острие, на риске,
Позднее, чем в Крыму,
Но раньше, чем в Норильске,
Цветет сирень взахлеб,
Цветет – весной живою.
В сиреневый сугроб
Нырнуть бы с головою
И беды все – в золу!
И, утоляя голод
По счастьем и теплу,
Другим увидеть город,
В котором столько мерз,
Ошалевал от ветра.
На простенький вопрос
Не находил ответа.
Мышиного серей
Был цвет кварталов гулких.
А он хранил сирень,
Упрятав в переулки.
К разбойничьим ветрам
Прислушивался чутко.
И вот пришла пора –
Сирень явить, как чудо.
Явить в хороший час
С усмешкою незлою.
Цветет сирень, лучась,
И беды все – золою.

Мокрое лето, мокрей не бывает.
Дождик людей загоняет в трамваи.
В окна раскрытые лезет без спроса.
Сеет на зонтики градинок просо.
Лето обидели мы, не иначе,
Если оно так безудержно плачет.
Мы не спешили умчаться, уехать
В лес, где скучало зеленое эхо.
Нянчили цветики мы на балконах,
Сколько же их на полянах зеленых!
Пахли ветра земляникой, цветами,
Нас электрички манили гудками.
Мы же ссылались на то и на это...
Плачет над нами обиженно лето.

Иду я, вольная, как птица,
Забросив вечные дела.
На озабоченные лица
Смотрю, сама лицом светла.
Не сомневаясь, не вздыхая,
Жалея занятых людей,
Смотрю, как город просыхает
От затянувшихся дождей.
Такая славная прогулка
Еще не снилась мне вчера:
По закоулкам-переулкам
И по затерянным дворам.
Там – дом с затейливой резьбой,
Там – мальчик маленький с мячом.
И всюду небо голубое,
И все на свете нипочем.

За деревьями и снегами...

1

Смотрю: на третьем этаже
Окошко светится лилово.
Сирень в окне – ну что ж такого?
Ведь на исходе май уже.
И никакого чуда нет.
Но чудится мне, как за рамой
Кого-то называют мамой.
Когда же на ночь гасят свет,
Любимой...
Здесь живет семья.
Покой и мир – и слава богу!
Здесь скажут правду, не тая,
Переживут беду, тревогу.
Догадки! Что за дело мне,
Уйду, сгорая от смущенья.
А все она – сирень в окне,
Ее счастливое свеченье.

2

Она сказала:
– Я люблю герань.
Когда глядят цветы из чистых окон,
Мне кажется, что там не одиноко
И безмятежно женщина живет.
Что у нее полно простых забот:
Одеть детей, отправить на прогулку,
Помыть полы, испечь к обеду булки,
Рубашки постирать, полить цветы.
Нет в сердце ощущенья пустоты,
Которая кидаться нас неволит
В стихийность путешествий и застолий.
Она сказала:
– Я люблю герань...

3

К женщине, когда-то им любимой,
 Он не смеет повернуть лицо,
 Потому что просто шел он мимо,
 Просто вспомнил старое крыльцо.
 Постучал угрюмо и устало,
 Не подумав, что, как прежде, мил...
 И смеялась женщина – прощала
 То, что столько лет не приходил.
 Эта нежность... Вот она – расплата
 За прощанье, клятвы впопыхах.
 Женщина смотрела виновато,
 И надежда таяла в глазах.
 Но его удерживать не стала.
 Уходил, и будто бы назло
 Все тропинки от калитки старой
 Чистым первым снегом занесло.

4

Две женщины завидуют друг другу.
 Одна – удачлива, красива и горда.
 Другая лишь талантлива и руку
 Той, первой, не протянет никогда.
 Ровесницы, соперницы, врагини,
 О, как ревнив их каждый жест и взгляд!
 Не замечают в собственной гордыне,
 Что люди их поссорить норовят.
 Одной напомнят, что таланта мало,
 Другую некрасивостью кольнут.
 Как помирить их сильно я мечтала,
 Но зависть превозмочь – напрасный труд!
 День ото дня растет меж ними пропасть,
 Но как мне сердце разорвать свое:
 Одну люблю за красоту и гордость,
 Другую – за талантливость ее.

5

В этой женщине бродит тяжелое зло,
 Иступляет рассудок, уродует душу.
 Рядом с ней и цветы обернутся золой,
 И огонь не «согрею» – гудит, а «разрушу!».
 Эта женщина прежде красивой была
 И считала всегда: осчастливила мужа.
 Но сгорела любовь, и остыла зола,
 Сединой обернулась житейская стужа.
 Не одной ей измены хлебнуть довелось,
 И ночами рыдать, и мечтать о покое.
 Но лишь в ней это вылилось в тихую злость
 И умение видеть повсюду плохое.
 Битый час вымогает сочувствий она.
 Не могу! И глаза отвожу, и вздыхаю.
 И уходит она, но прямая спина
 Воскликает, что я, как другие, плохая!..

6

Ходит женщина осторожно,
 Смотрит женщина чуть тревожно.
 Постоит у чужой коляски,
 В книжном купит смешные сказки.
 И упрячет на дальней полке...
 Что ей взгляды и кривотолки!
 Позади одиночество, сплетни...
 Под снежком седина незаметней,
 Но заметней движений плавность.
 Что же, принца ей не досталось.
 Но досталось носить младенца,
 Слышать кровью живое сердце,
 Распашонки кроить из ситца,
 А ночами, когда не спится,
 Плакать тихо и необходимо,
 Видеть то, что другим не видно

За деревьями и снегами
Да за каменными домами...

Что-то вдруг не получилось,
Невзначай оборвалось.
Не рассчитывай на милость,
Если судит чья-то злость!
Как она неумолима!
На язык всегда остра.
И бочком проходит мимо
Тот, кто другом был вчера.
От людей упрячет штора
Одинокий поздний свет.
Ты поймешь еще не скоро,
Что безвыходности нет.
Став мудрей и осторожней,
Даже выбившись из сил,
Ты поймешь, что бездорожьем
Ты недаром колесил.
Все душа твоя запомнит,
Чтобы кто-нибудь другой
Темноты вечерних комнат
Не боялся бы с тобой.
Чтоб, намаявшись до крика,
Полуглух и полуслеп,
Вдруг увидел:
 рядом – книга,
Рядом – чашка,
 рядом – хлеб.

Ко мне пришла счастливая пора:
Я засыпаю с книгой под подушкой.
А ночь снежинки сыплет из ведра,
Хрустального, с серебряною дужкой.
Снег засыпает старые пути,
Все превращая в ровные просторы.
Я просыпаюсь после десяти,
Я подхожу и раздвигаю шторы.
И думаю, что лучше январей
Нет ничего с их свежестью бодрящей.
Я начинаю день со словарей
И не спешу открыть почтовый ящик.
Не жду я писем. (Раньше вот ждала.
Надеялась, тревожилась, скучала.)
Жизнь в январе прозрачна и светла,
Какой была когда-то, до начала.
И я за словари сажусь не зря.
Пытаюсь вновь усваивать значенье
Слов «верность», «нежность»,
Прежнее свеченье
Утративших с листвою октября.

В Останкино холодный пруд
И парк, уснувший до апреля.
Ужели там и в самом деле
Меня забыли и не ждут?
Попробуй сердце примири
С такой печальною развязкой,
Попробуй не утешься сказкой,
Когда приходят октябри.
И здесь, где озеро рябит,
Где, улетаая, плачут птицы,

Мне почему-то чаще снится
Краса останкинских рябин.
Моя осенняя Москва,
Что знаешь ты о той деревне,
Где я люблю твои деревья,
Твои прощальные слова!
И я в немыслимой глуши
Надеюсь, провожая лето,
Что ты хранишь мои секреты
На дне своей большой души.

Не верю я ни снам, ни ворожбе,
Навряд ли ты страдаешь и тоскуешь.
И все же я была в твоей судьбе,
А вот ее-то не перетасуешь.
Я знаю на ладони давний шрам
И крохотную родинку над веком.
И с кем бы ни прощался по утрам,
Ты – в том апреле, под последним снегом,
Который невпопад пришел, не в срок.
Ты в тихом предрассветном разговоре.
Я не хочу, чтоб ты был одинок.
Не вместе мы, но разве это горе?
Нет, это просто долгая печаль,
В которой ты и я не виноваты.
Но вновь апрель у моего плеча
Качает свой снежок голубоватый.
Шуршит он обо мне и о тебе,
Надеждами пустыми водит за нос...
И все же я была в твоей судьбе.
Была!
Была!
И вечно в ней останусь.

Монолог женщины

...– Мы были мужем и женой,
Но так недолго, что забылось,
Как в тихой песне за стеной
О вечном счастье говорилось,
Как, стряхивая снег с волос,
Твоими тешилась речами,
Как в электричке нам спалось,
Поскольку не спалось ночами.
Как я с тобой и ты со мной
Брели по улицам поселка...
Мы были мужем и женой,
Но так давно и так недолго!
Степной поселок нас забыл,
И отстучали электрички.
Так для чего ты тратишь пыл
И говоришь, ломая спички,
Что не любил... что мне не рад...
Что счастье ты нашел в разлуке.
Но об ином мне говорят
Твои встревоженные руки.

...Дорожу не весельем – друзьями, что снова
Понимают друг друга легко, с полуслова.
Мы встречаемся реже, а дружба все крепче.
Позади и влюбленность, и песни, и свечи.
Только чувство острее, большее, пожалуй.
Ветер ломится в окна, по-прежнему шалый.
Вот и славно!
Друзей седину не замечу,
Острым словом на острое слово отвечу.
Будет сердцу опять и легко, и тревожно.
Это просто понять,
объяснить – невозможно.

Смотрю с затаенной улыбкой,
Как давний товарищ седой
Ошибку творит за ошибкой,
Любовью горя молодой.
Не ждет ни участия, ни счастья.
Как будто один, среди людей
Касается чутко запястья
Недолгой отрады своей.
– Она тебя все же погубит! –
Сказать бы ему напрямик.
Но так он отчаянно любит –
И сплетники встали в тупик!

В дверях друзья шумели весело.
Ушли – и снова пустота.
Окошко шторою завесила,
Взялась журнал перелистать.
А взгляд скользил по тихой комнате,
По стульям, сдвинутым к столу.
Наткнулся на стакан расколотый,
На чью-то запонку в углу.
Потом посуду мыла дочиста.
Казалось, в комнате моей
Весь вечер пело одиночество
И вовсе не было друзей.

Его сжигает тайный жар,
Ложатся отблески на веки.
Зачем проснулся божий дар
В седом степенном человеке?
Он крепко знал: работа, дом,
Все было прочно и надежно.
Зачем поэзия перстом
Дотронулась неосторожно?
И вот, любивший сам учить,
Прилежно он берет уроки.
А впереди не различить
Книгоизданий первых сроки.
Бессонница, ночная тишь,
Черновики и планов масса.
Лица судьбы не различишь:
Улыбка ли на нем, гримаса?

Он вставил в окно, словно камень в оправу,
Свою потускневшую старую славу.
Глядит сквозь нее и ничуть не боится,
Что видит уже искаженными лица.
Талант он считает вороны бездарней,
Враля принимает за честного парня.
Сутягу назвал правдолюбцем и другом.
И так год за годом, и так круг за кругом.
Весенний ли полдень черемухой дышит –
Не слышит!
Осенний ли дождь по окну барабанит:
– Я занят!
Завистники – слева, завистники – справа,
Но тоньше и тоньше становится слава.
Стеклом она станет прозрачным и чистым,

Тогда ощутит он себя реалистом.
Увидит до времени выпавший иней,
Увидит: врагов и друзей нет в помине.
Лишь ближнее эхо угодливо в уши:
«Ты – лучший! Ты – лучший!»

Наш район

А наш район особой метой мечен:
Слышнее пароходные гудки,
Выходят из подъездов им навстречу,
До осени уходят речники.
Они, конечно, твердо знают дело,
И не прогулка – предстоящий путь.
Но будет биться ветер очумело
В тельняшкою охваченную грудь.
Но будут узнавать они без карты
По огонькам, горящим над рекой,
От Чернолучья и до Салехарда
Любую пристань полночью глухой.
Так значит, что-то есть в крови такое,
Что заставляет жить их только так:
Ждать в октябре свободы и покоя,
А в марте спешно собирать рюкзак.
...Притихла вся округа, опустела.
На стенке дома якорь неумело
Рисует вновь мальчишеский мелок.
И тишину тревожит то и дело
Протяжный и ликующий гудок.

Первый снег пролетит в сентябре,
А последний – в апреле.
Как же долго мой край в серебре –

Снегопады, метели.
Осень листья срывает во зле,
Летних дней отголоски.
До чего же на отчей земле
Терпеливы березки.
В каждой маленькой веточке дрожь
Под морозищем колким.
А весной – только выпадет дождь,
Зашумят по околкам.
И подснежник у нас не такой,
Он не синий, а желтый.
Что же, предок отчаянный мой,
Здесь нашел ты?
От черниговской мягкой зимы,
Курских яблонь цветущих!
...Вязнут в страшных сугробах пимы,
Ветер бьет, проклятуший.
Чем сильнее – природа в тиски,
Тем работа упорней.
Посмотри, неплохие ростки
Дали старые корни.
Родом мы – из сибирских степей,
Брат наш – ветер-насмешник.
Но глаза до сих пор у детей,
Как российский подснежник.

Был край обжит и плугом и свинцом.
Слезами, а не песней залихватской.
И вот мое славянское лицо
Отражено в речушке азиатской.
Лесок да галька – вся ее мошна.
Да тихое коротенькое имя.
Но реку, что сурова и мощна,

Она питает водами своими.
Вот так и мой незначительный род.
Уже три века он с Сибирью связан.
Я верю, и ему родной народ
Могуществом и силою обязан.

Стога. Через реченьку узкую мост,
Поляны задернуты снежной завесой.
Отсюда до города тысяча верст,
Здесь лисы спокойно выходят из леса.
Сосновые лапы касаются плеч,
Я древнему бору, как прадеду, внемлю.
Мне выпало в жизни хранить и беречь,
Любить и наследовать светлую землю.
От этого путь мой, мечта и судьба.
И опыт житейский – он предками нажит.
Мне двери откроет любая изба,
Там встретят, согреют, дорогу укажут.
И все, что я сделать сумею, смогу,
Останется здесь, на земле заповедной,
Где глаз утопает в глубоком снегу
И голос уходит в простор безответно.

Я опять у вспаханного поля,
На ветру размашистом и злом.
Как он бьет!
Мол, мало женской доли –
Вот тебе мужская, поделом!
Век ли виноват: мои подруги
Разучились ворожить в ночи,
Причитать, заламывая руки.

Кто бы уставать нас разучил?..
Вновь заботы – столько их осталось,
Сколько капель в ливне надо мной.
Я не постарела.
Но усталость
Все же обернулась сединой.

...Дождь прошел стороною.
Молода и просторна,
Степь дышала весной,
В землю падали зерна.
То, над чем я так билась,
Горевала, горела,
Только здесь воплотилось
В настоящее дело.
Все сомненья – золою.
Рокотали машины
Там, где небо с землею
Для глаза едины.

...Ты все никак понять не можешь,
Что я пришла из той дали,
Где ничего-то нет дороже
Тяжелой вспаханной земли.
Да, там хватает неполадок,
И труд с темна и до темна.
Но теплый хлеб волшебно сладок,
И доля сызмальства – одна.
Ты в город врос, а мне иное
На каждый день дано судьбой.
...Степь, приумолкшая от зноя,
Желтеет за моей спиной.

В электричке

В проходах ведра и корзины.
Вагон березою пропах.
Старухи рассуждают чинно
То о дождях, то о грибах.
На их передниках головки
Внучат, уставших от лесов.
Все больше с каждой остановкой
И разговоров, и грибов.
Полна земля вечерним светом,
Но грустно оттого сейчас,
Что на день стало меньше лето,
И так короткое у нас.

Все больше золота на пальцах,
Все меньше книжек на столе.
Глядишь глазами постояльца
На доброту родных полей.
И, видно, только по привычке,
Когда придет обычный срок,
В субботней едешь электричке
Туда, где ждет родной порог..
Не осуждаю, не с укором
Пришла сегодня я к тебе.
Не надоело ль – по конторам,
Своя ли ты в людской толпе?
Перебираешь с нетерпеньем
Одно колечко за другим,
Как будто видишь в них спасенье.
Как будто так уж рада им.
Но, сколько б ни было игрушек,
Не может свет их золотой
Согреть остуженную душу,

Упрятать от себя самой –
Той девочки, шальной и дерзкой,
Своими звавшей степь и дождь...
Не городской, не деревенской
На белом свете ты живешь.

Пролетело и выцвело лето.
Лес осенним огнем опален.
И на плечи тебе эполеты
Возлагает растрепанный клен.
Ты высоким пожалован чином,
Осень милость явила тебе.
Мы прошествуем важно и чинно
По шуршащей чуть слышно тропе.
Выйдем во поле.
Ветер с разбегу
Сдернет листья, и ты – рядовой.
Но о чем сожалеть человеку
Перед хлебом и под синевой.

Всю ночь стучался дождь уныло.
Тревожа, удивляли сны.
К утру траву посеребрило,
Деревья ежились, черны.
А ветер выл, царапал стены,
Хватал прохожих за пальто.
Он знал, что будут перемены.
Но где нам было знать про то!
И вот в последний раз он всхлипнул
И замолчал мгновенно, вдруг.
Но лишь когда ребенок вскрикнул

И книга выпала из рук,
Когда внезапное свечение
Коснулось лиц, вещей и стен,
Понятны стали слов значенья
И неизбежность перемен.
И не был снег случайной вестью,
Но все не клеились дела.
И в каждом слове, в каждом жесте:
– Зима пришла!
Зима пришла...

Сколько шумов предельных вокруг!
Самолета гремящего звук,
Вой сирены машины пожарной,
Рев моторов на трассе угарной.
Еле жив добредешь до крыльца.
Что-то тихо шепнут деревца,
Но средь вечного лязга и воя
Не расслышит живого живое...

Пока за шторой вьюге пляшется...

1

Не горло, а душа застужена.
Душе порой нужна отдушина.
Порой болезнь спасает нас.
...Вот шторы плотные задернуты,
Родные ходят мимо комнаты,
Боясь тревожить лишний раз.
Больным – им многое прощается.
Молчанье им в вину не ставится.

Никогда не поверю я в то, что умру:
Не вздохну, не всплакну, не проснусь поутру,
Я не верила в это и в пору болезней.
Даже в пору таких оголтелых невзгод,
Что, казалось, не выжить – растопчет, собьет,
Не боялась я все-таки хватки железной.
Да, кидало меня то к мечу, то к свече,
То сражаться, то плакать на милом плече.
Жизнь казалась то садом, то ярой плавильней.
Я боялась грозы и вечерних лесов,
И молвы, и хулы, и предательских слов,
Но не смерти, не гроба, не жути могильной.
Говорят, что и жить устают иногда,
А во мне ощущение, что я молода
Буду вечно и смерть – это лишь небылица.
Это чувство, должно быть, к любви и к добру.
Никогда не поверю я в то, что умру –
В сто веков жизнь моя не сумеет вместиться.

Щенок и ребенок.
Березовый лес.
Зиме только сутки – она ослепляюща.
К тому ж у нее столько новых чудес,
Которых никто и не видел пока еще.
Щенок с головой зарывается в снег.
Ребенку же любо кустарник отряхивать,
Горланить да так, что пускается в бег
Молоденький зайчик, измученный страхами.
Щенячьим, ребячьим, таким молодым
Становится сердце и радостью полнится.
А снег все идет, присыпает следы.
Наверно, он нас осуждает за вольницу.

Стужа

Жизнь замерла на кончике шпаги,
На кончике стужи, нагрянувшей вдруг.
Подняли клены белые флаги:
Все-таки взял их мороз на испуг!
Холодно!
Холодно, окна промерзли,
Будто на все закрыли глаза.
Нет, я не плачу.
Да и до слез ли?
Жалкой ледышкой звякнет слеза.
Нам не до слез, не до смеха.
И снова
Холод в квартирах, холод в крови.
Как заморожено каждое слово
Даже о дружбе и о любви...

Любовь не ждет реанимаций,
Когда она, дыша едва,
Прощально выдохнет слова,
Не надо оживить пытаться.
И разговоры о судьбе,
Упреки, слезы – все пустое.
...– Вот это платье голубое,
Оно так нравилось тебе...
Надежда, боль и тайный страх,
И стыд, что это все напрасно.
... – Ты и сегодня в нем прекрасна, –
И что-то дрогнуло в глазах.

А то, что ты знаешь, а то, что я знаю,
Так это тропинка.
Летит, озорная,
В лесок, от морозов отвыкший за лето.
Трепещет, никак не согреет он веток.
А то, что я знаю, а то, что ты знаешь,
Так это судьба.
На двоих, но одна лишь.
И если с тобой мы поладить не сможем,
Ее не разделим, совсем уничтожим.
А что человек без судьбы?
Он поземка.
Он голос в пургу, ошалелый и ломкий.
Так как нам с тобой не бояться, скажи мне,
Разлада, разрыва, тропы этой зимней.
Она не напрасно водила нас за нос,
В холодный лесок не случайно вела нас.
За тем, чтоб напомнить неотразимей,
Что весны на свете короче, чем зимы,
Что в жизни судьба не дана нам иная.
И ты это знаешь.
И я это знаю.

Мне ночью холодной не спится,
И я потихоньку пою
О том, что из леса синицы
Уже потянулись к жилью.
О том, что на озере ветер
Ломает и гнет камыши,
О том, что не сыщешь на свете
Такой безнадежной глуши.
Никто мою песню не слышит

При ясной полночной звезде.
Скребуются лишь под полом мыши,
И птицам тревожно в гнезде.
Они шебуршат под карнизом.
И мне их тревога близка:
Уже над селом Интенисом
Студеные зреют снега.
Коснутся они не тетрадок,
А душ наших белой рукой.
Твой сон безмятежен и сладок,
Ты утром проснешься легко.
Но ветром, но тучей над полем,
Обид и тревог не тая,
Горячей, внезапною болью
Пронзит тебя песня моя.

Диалог

– Мне нравятся туристы по призванию.
Их жизнью, недоступной пониманию
Такой, как я, обыкновенной женщины,
С рассказами про скалы и про трещины
Нельзя не восхищаться, не завидовать –
Такое мне не доводилось видывать.
А мускулистость тел, а лиц обветренность!
Во всем и аккуратность, и умеренность.
Вчера – в Хибинах,
завтра – на Алтай.
А мой растрепал!
Мой Шалтай-Болтай!
По мастерским, с друзьями до полночи!
В дыму табачном, в спорах...
– И короче
Тебя он не устраивает, так?
– Да что ты, что ты!

Если снять рюкзак
С туриста, он такой обыкновенный.
Он не умеет врать так вдохновенно,
Что всю-то ночь спасал друзей от бед.
Конечно, мой мужчина не атлет,
Но все же был и он неотразим.
К тому же мы весною едем в Крым.

Покой, удачливость – все тени,
А что в душе – и не пойму.
Есть в людях редкое уменье –
Не делать больно никому.
И этим свойством ты мне дорог
И потому незаменим.
У счастья столько отговорок!
И не гоняюсь я за ним.
Оно все мимо, все на после
Приход откладывает свой.
И что мне в нем, когда ты возле.
И летний день над головой.
Свист электрички, птицам вторя,
Зовет за дальний окоем.
И я могу любое горе
Оплакать на плече твоём...

Лето

«Нет, благодетства все же мало в риске», –
Я думала, когда ребенок брызги
Ловил рукой, от радости слепой.
Подрагивала белая «Ракета»,
И наш щенок поскуливал при этом,
А мы опять не ладили с тобой.

Да, начинался отпуск наш прелестно:
Куда мы мчались, было неизвестно.
Я утверждала: опрометчив шаг!
Ты обещал – что ж, обещать не жалко! –
И молоко, и воздух, и рыбалка,
Грибы и земляничины с кулак.
Но вот и пристань.
Козы у обрыва.
Их «горными козлами» сын счастливо
Назвал, ведь он впервые видел коз.
Смеялись пассажиры,
Я молчала.
И наша ссора тихая крепчала.
Сказал ты:
– Не хватало только слез!
Потом переправлялись через реку,
Потом со всеми забрались в телегу.
Она тряслась степенно вдоль села.
Но вот и дом – голубенькие ставни.
И беленькая внучка бабы Мани
Сказала:
– Постояльцев привела!
– С собакою?
Да, шансов маловато...
И мы переминались виновато –
Так не хотелось в город уезжать!
Но вот старуха сжалилась как будто:
Собаку поселила в старой будке,
Нам выделила пышную кровать.
... Всю ночь собаки выли за стеною,
Но утром было молоко парное,
И улыбалось солнышко с небес.
Вчерашней ссоры уходили тени,
И сын наш изнывал от нетерпенья,
Пока мы дружно собирались в лес.

И покатались наши дни без грусти.
В кадлушке новой вызревали грузди,
Клубничным духом наполнилась изба.
Мы наслаждались тишиной и летом.
Но думалось все чаще не об этом,
А что такое – Родина. Судьба.
Судьба родиться на реке могучей,
Ценить тепло, когда мороз трескучий
Накинёт на деревья кружева.
И дорожить превыше счастья волей,
Но крепко знать, что перекасти-поле –
Печальная и страшная трава.
Ее судьба нам сызмальства знакома.
Но дома мы за сотни верст от дома.
Мы говорим на том же языке,
Что наша добродушная хозяйка,
И внучка Надя, и пичужек стайка,
Черемуха и волны на реке.
Родной язык!.. Он не давал покоя,
И повторяло чадо городское:
Ольха, запруда, лошадь, конопля.
И не загроможденная бетоном,
Во всем великолепии зеленом
Земля дышала,
отчая земля.

Далеко еще до конечной,
Жизнь – распахнутое окно.
Не тускнеет мое колечко,
Ярче даже с годами оно.
Время наши провинности взвесит,
За благие воздаст дела.
А пока, смотри, в поднебесье

Чайка белая расцвела.
Наклонюсь – и поглажу море,
Потянусь к твоему плечу.
В старых соснах, будто в соборе,
Сердце гордое залечу.
Здесь и черные ягоды сладки,
И печали мои легки.
Все в порядке у нас, в порядке!
Наклони-ка ветку ирги.

Зеркало

Сохраняет угрюмую верность
Это зеркало.
Пыль я смахну.
Свет мой, зеркальце!
Глажу поверхность,
Будто верю: сотру седины.
Будто верю я: из зазеркалья
Вновь всплывет молодое лицо.
... Как снежинки волшебю сверкали!
В первый снег уплывало крыльцо.
Я влетела с мороза счастливой:
– Есть ли краше лица моего?..

Это зеркало так же правдиво,
Только зябко мне возле него.

...Я жду – отнюдь не телеграммы
И не весеннего тепла,
А чтобы снова в званье мамы
Меня судьба произвела.
Вступить готова в круг тяжелый,

Хотя и знаю назубок:
Пеленки, садик, старой школы
Звонок, зовущий на урок.
А все твердила про усталость,
Считала, жизнь на рубеже.
Как много нежности осталось
В немолодой моей душе!

Мир законный шкатулкою лаковой
Светится после ночного дождя.
Старший ребенок читает Булгакова,
Темные брови упрямо сведя.
Все бунтовал бы, все мир передельвал,
Негодований своих не тая.
Все бы шумел неподстриженным деревом,
Мальчик мой, боль и надежда моя.
Жизнь для него то черна, то расцвечена,
Противоречий, фантазий клубок.
А за стеною смешно и доверчиво
Пробует мир, как и все, на зубок
Младший ребенок.
Игрушки разбросаны.
Дочка гулит и таращит глаза.
Ведь за окном новорожденной осени
Яркие краски и чудеса.
Утро начнем мы прогулкой положенной:
Сквер,
 переулок,
 аллея,
 скамья.
Будет смеяться легко и восторженно
Девочка, поздняя радость моя.
Жизнь моя шумная – юность, младенчество! –
Все в ней непросто и все в ней не зря.

...Тихое влажное утро Отечества,
И молодое лицо сентября.

Век такой – то слезы, то бравада,
Горы слухов, море новостей.
Что мне надо?
Ничего не надо:
Сбереги мне, век, моих детей.
Синий чад стоит на перекрестках,
Гул над головою без конца.
Дай им, век, в заснеженных березках
Отогреть когда-нибудь сердца.
Просьбы нет, наверно, бесполезней,
Но пока губами шевелю,
Буду я просить: не дай болезней
Тем, кого сильнее себя люблю.
Ни в искусстве пусть и ни в науке
Слава их не ждет.
Переживу!
Только бы светло смотрели внуки
На деревья, реку и траву.
Пусть живут, торят свои тропинки,
Любят снег и теплые дожди
Девочка и мальчик – половинки
Сердца, что стучит в моей груди.

III
1992-2001

Вечерняя не гаснет полоса,
Устойчивое солнечное пламя...
Друзей моих все глуше голоса
За далью, за годами, за делами.
Я их почти не слышу. И живу
Не загораясь: прошлое вернуть бы!
И даже вездесущую молву
Почти не занимают наши судьбы.
Но не хочу я руки греть в золе:
Мы живы, хоть друг другом не согреты,
И вот в ближайшем фотоателье
Я закажу для всех друзей портреты.
Новосибирск, Чита и Оренбург,
Торжок и Пермь – вас любят, ждут и помнят.
...Согревшись в тишине знакомых комнат,
Я улыбаюсь каждому.
Мой друг!
Ответь улыбкой...

Володе

Все беды России по другу прошли:
Он горькую пьет, он не ладит с женою,
Не верит начальству
И ранней весною
Тоскует по запаху талой земли.
Он рос на картошке и лебеде,
Он мог и умел заниматься наукой,
Но вот заразился неверьем и скукой,
Которую видит во всем и везде.
Мотает он русой своею башкой,
Глаза голубые глядят полупьяно,
А те, что всегда и во всем без изъяна,

О нем говорят:
– Некультурный какой!
Культура для них – это руку пожать
С любезной улыбкой любому пройдохе,
Над модною книгою ахи и охи,
Нормально питаться и ровно дышать.
Мне больно и горько от этих речей:
Мол, жизнь прожигает, а жизнь-то одна лишь...
Мой друг! Так чего же ты ваньку валяешь,
Ведь ты же ученый, поэт, книгочей!
Но все понапрасну, кричи не кричи,
Как видно, российская лень одолела.
Но как мне встряхнуть это мощное тело,
Коль заперто сердце, пропали ключи.

Ей жизнь протянула венец золотой –
Она отказалась.
А после грозила покончить с собой,
И мама пугалась.
Искала виновных, звонила в райком.
А в дочери шалой
Бессильная злоба копилась тайком.
И сердце сжигала.
Глаза ее черное пламя таят
Что рвется наружу.
А что выражает пылающий взгляд?
Вселенскую стужу.
Дымок сигареты да парочка фраз
О долге и чести.
Нет Бога в душе, на груди – напоказ
Серебряный крестик.

Памяти Леонида Мартынова

28 мая, библиотека им. А. С. Пушкина

Цвела сирень... И у окна хмелея,
Вдыхала я сиреневый настой,
А заодно и скуку юбилея,
Что затопила зал полупустой.
Со мной скучали Лермонтов и Пушкин.
И сонная стояла тишина,
Когда старорежимные старушки
Легко перевирали времена.
И вспоминали странности поэта
(Конечно, он большой поэт, но все ж...),
А он смотрел с парадного портрета
И не был на стихи свои похож.
Почудилось: с воздушного фрегата
На город он глядит чуть виновато
И слышит эту дичь, собачью чушь.
Безденежье и рваные штiblеты,
Шельмующие злобные газеты –
Ах, что все это для бессмертных душ?
Но старый дом – и запахи, и тени.
Но эти сумасшедшие сирени,
Но в зелень растворенное окно...
Река и лодка, ливень и дорога –
Живет и дышит и не знает срока
Все то, что по стихам растворено!

Не трогайте мальчика! Пусть он живет
В своем нереальном, но праздничном мире.
Пусть с миром сражается ночь напролет,
Над вымыслом слезы счастливые лет.
И слезы, и блажи простите задире.

Не трогайте мальчика! Время перстом
Его поколение пометило грозно.
Идет он... А что за ближайшим углом?
Седеющий маршал, он знает о том.
А мама узнает так поздно, так поздно!
На темную челку и вздернутый нос,
На длинные руки и узкие плечи
Все сыплется дождь... И предчувствия гроз
Нет в сердце у мальчика. Тешат всерьез
Такие задорные вздорные речи.
Еще нигилист и почти что солдат,
Он Родину в сердце своем осознает.
И облик березы, и матери взгляд
Возникнут и болью в душе зазвучат.
Душа встрепенется – ответит весна ей.
Не трогайте мальчика! Все впереди.
Судьбой его время жестокое правит.
Идет он, хотя и не знает пути.
Не нам его за руку дальше вести.
Отчизна и мама его не оставят.

Она меня еще вспомянет,
Когда труба над сыном грянет.
И поезд – все быстрее, быстрее.
Она еще за ним рванется,
Еще слезами захлебнется.
А сын принадлежит не ей.
Он где-то там, в сосновой чаще,
И, настороженно молчащий,
Он понимает, хоть с трудом,
Что у него одно лишь право –
Погибнуть где-нибудь со славой
В чужих горах за чей-то дом.

Пока же за моей спиной
Она смеется надо мною,
Над узостью моих забот:
Срываюсь и лечу куда-то...
Я потерплю, я – мать солдата.
Я знаю, час ее придет.

Новый год – натужное веселье,
Все надежды схлынули за час.
И недели, словно карусели,
Аж до дурноты все кружат нас.
Желтая торчит в сугробе елка,
Красный столбик тянется к нулю.
Я любила будущее долго,
А теперь я прошлое люблю.
Понимаю, не оригинальны
И тоска, и тон исповедальный.
Так... Судьбы очередной виток.
Но откуда этот звон хрустальный?
Пробует свой голос водосток.
Да сосульки девочка сбивает,
Да синица горло согревает,
Да надежды – снова на порог.

Апрельский дождь – такой задира
Зовет меня: скорей, скорей!
И коммунальная квартира
Меня проводит до дверей.
Все ахи, охи, причитанья
Смешны таким волшебным днем.
Ах, тетя Нина, тетя Аня,

Я не простыну под дождем!
Всегда готовы отговорки,
Попробуй, удержи меня!
Скорей в овраг, а там в восторге
Кричит и пляшет ребяшня.
Их голоса перебивая,
Поток несется и ревет.
И голубая, дождевая,
Счастливая весна идет!

И даже если тяжела,
Любима жизнь, а не постыла.
Свободу я пережила
И несвободу полюбила.
Любая радость – за труды,
Любая милость – по заслугам.
Не разлюбила свет звезды.
Но научилась бресть за плугом.
Одернет жизнь меня – не сметь!
И вновь надежды все впустую.
Я не привыкла к слову «смерть»,
Но против смерти не бунтую.
Не просто мудрость мне далась,
И все же кто из нас в накладе,
Когда ребенок, наклонясь,
Листает школьные тетради.
Когда друзья нагрянут в дом,
Когда нахлынет дождь в июле...
Горчит полынь, грохочет гром
И сладки леденцы сосулек,
Когда – лишь ступишь за порог–
Дохнет в лицо водою талой.
Давно остыл молодой восторг,
Но холодной душа не стала.

Не тонирую слова,
Выбираю: либо – либо.
Если я еще жива,
Это дочери спасибо.
В мире четких «да» и «нет»,
«Никогда» и «ниоткуда»
Это ясный тихий свет,
Моего спасенья чудо.
Незнакомая со злом,
Не осилив и детсада,
Не дает унылый дом
Превратить в преддверье ада.
Не прорвется стон и крик,
И безделье рук не мает.
В детской теплится ночник.
Словно сердце разжимает.

Дочь

То медведем, то зайкой,
То на кухне, то в ванной.
Пахнет стираной байкой
И кашею манной.
Пахнет яблоком спелым,
Детским мылом, коврижкой.
Вечно занята делом:
То игрушкой, то книжкой,
То рисунком, то кошкой...
И от края до края
Вновь зима за окошком,
По счету – вторая.

Засветилась тихая свеча,
Подросла и вышла из пеленок
Девочка моя, мой косуленок,
Ножками негромко топоча.
Снова дымом затянуло высь,
И проспект гремит – до обалденья.
Я лелею тонкое растенье –
Девочка, расти и не сломись.
Вот картинки – весело живи.
Вот игрушки – смейся беззаботно.
В доме время тянется дремотно
День за днем, в покое и любви.
Зелен полдень, луч на стенке желт..
Только вдруг по-взрослому сурово,
Будто бы ни матери, ни крова,
Глянет дочь – и сердце обожжет.

Он все гарцует, этот мальчик.
Быть самым левым норовит.
Какой-то импортный журнальчик,
Огонь в очах, хипповый вид.
Поспорить? Да о чем хотите!
Любому в споре фору даст.
Ниспровергатель, победитель,
Почти поэт, почти фантаст.
Он ненавидит маловеров,
Готов весь пыл борьбе отдать,
Чтоб по числу миллионеров
Стране любимой не отстать.
Сейчас не в моде патриоты,
Сермяжный дух и песни баб.
Его бессонные заботы

Вселенский приняли масштаб.
Культуры! – требует. – Культуры!
Иных идей! Иных страстей!
А в деревнях страшны и хмуры
Руины дедовских церквей.
Осиротелые погосты
И полумертвая река...
Но этого не видит просто
Его вселенская тоска.
Он ждет, что с Запада мессия
Придет, нас, темных, возлюбя.

Россия! Бедная Россия,
Еще и этот на тебя.

Усталость, словно ворон, на плече.
Ни пыла, ни восторга, ни отваги.
«Кто был ничем, останется ничем»,—
Я вывожу невольно на бумаге.
Не убеждают красные слова,
Что, мол, хотели – да не получилось.
От правды распухает голова,
От судеб близких сердце истончилось...
По всем церквям не наскрести свечей,
Чтоб помянуть погубленные души.
Из-под земли доносится все глуше:
«Кто был ничем – останется ничем».

На пороге беды и гражданской войны
Я тебя вспоминаю все чаще и чаще.
В эти ночи, что так холодны и темны,
В этом мире, недобро и страшно молчащем,

Днем мне кажется, жизнь так идет, как и шла,
Разговоры и споры – обычное дело.
Но лишь ночь – понимаю: сгущается мгла
И на нашу Отчизну ползет оголтело.
Разве пролито мало и крови, и слез
И не отданы разве долги комиссарам?
Но бунтуют славяне и верят всерьез
Лжепророкам, что бредят вселенским пожаром.
Я гляжу, словно в прорубь, в ночное окно,
Тянет холодом, гибелью неотвратимой...
Как же ты? Я тебя не видала давно,
Хоть любила, люблю и, я верю, – любима.
Кто же ты? С кем же ты? Так ответь мне, ответь!
Что в руках: автомат ли, плакат ли, икона?
Заклинаю тебя: уцелеть, уцелеть,
Не запачкаться кровью – молно испуленно.

Вчерашние боги развеяны в дым,
Глазами глядишь голубыми.
Россия!
Жестокая к детям своим
И все же любимая ими.
Ответь нам, куда же влечешь нас опять:
К баракам, расстрелам ли, к водке?
И хочется плакать, а не ликовать,
Читая победные сводки.
Твой новый радетель плетет кружева
И счастье сулит нам устало.
Хоть писаны черным по белу слова,
И все-таки правды в них мало.
Кто любит Россию, не станет ей лгать,
Не в счет оккупанты и шлюхи.
И как мне горячее сердце унять:

В ходу и наветы, и слухи.
И спорят, как русское в русском избыть,
Но памятны светлые предки.
Могучему дереву все-таки жить,
Хотя и обломаны ветки.
Россия! Туман, и не скоро тебе
Дождаться рассвета, расцвета.
Но что мы в загадочной, горькой судьбе
Твоей – ты не дашь нам ответа.

Я ночному небу жадно внемлю:
Холод, равнодушие, тишина...
Русский Бог оставил нашу землю,
Видно, велика на нас вина.
Русский Бог!
Окраина, задворки,
Под ногами хруст – осколки сплошь.
Я таскала честные пятерки,
Хорошо заучивая ложь:
Пафос пятилеток, святость стачек,
Жертвы, что, конечно же, не зря.
...Знала ль я, что цесаревич – мальчик! –
Был убит во славу Октября.
А душа хрупка, не уцелеть ей,
Если светом называлась мгла.
Я брела по лжи десятилетий,
А потом и сына повела.
Бог покинул, но Адонирамы
Бодро отвечали нам из тьмы.
Русский Бог вернется ль в наши храмы,
Даже если их отстроим мы?..

Что за страсть проходиться пилой,
То углы отсекая, то крылья!
Не суди, если выгляжу злой,
Ты ведь знаешь, что это бессилье.
Выбегала под дождь: остуди!
Проклинала нелегкую участь.
Но, пожалуйста, не осуди
Угловатость мою и колючесть.
Я запальчиво рву удила,
Не умею – шажком, по окружной.
Я, конечно, давно поняла,
Что и правда бывает ненужной.
Студит щеки мне ветер ночной,
Осыпаются дождиком тучки.
Поумнею – и стану ручной,
Подобрею – отсохнут колючки.
И цена-то им невелика:
Ночь в рыданиях да три пятака.

По всеобщему рынку брожу,
Переросток седой, нескладеха.
Злую сказку сама я сложу,
Чтобы девочкам не было плохо.
Чтоб не парус взошел над судьбой,
Молодой, независимый слишком,
Не любовь сочиню, а «любой»,
И не «книга» добавлю – «сберкнижка».
Выше гор я поставлю кровать,
Будут в сказочке кресла бояться.
Чтобы в тридцать счастливыми стать,
Надо выплакать душу в семнадцать.
Эта истина так солоня,

Но спасет от ненужного риска.
...Набегают пустая волна
Под мелодию пляжного диско.
Вот и сказка готова вполне:
Современны пейзажи и лица.
Только парус на чуткой волне –
Что же снится мне, снится и снится?

Язычница

Князь Владимир! Будь проклят за то, что ни разу
Не молилась богам, как и я, – светлоглазым.
Русоконым богиням, что деток славянских
Окунали в Днепре, не в волнах иорданских.
...В заповедных лесах, где ни конных, ни пеших,
Укоризненно ухнет затюканный леший,
Да кикимора вдруг из болота окликнет,
Да в ночи домовою половицею скрипнет.
Но они все бессильно стоят у порога,
За которым лишь тени Дажьбога, Сварога,
Тех, что райским блаженством славян не прельщали,
Тех, что пламенем адским славян не страшали,
Что учили: душа есть у камня и древа...
Но до нас не дошло ни строки, ни напева.
Вот и ходим всю жизнь под чужими богами
И себя – поделом! – называем рабами.

У нас с тобой не все потеряно.
Бери-ка плащ и – на вокзал.
Махнем до станции Тетерино,
Там березняк и краснотал.
Старинный пруд подернут ряскою,
А жизнь прекрасна и свежа.

...Зачем тебя кормлю я сказками? –
На волю просится душа!
Такого не слышал названия?
Да дело, в общем-то, не в нем.
Ну, хочешь, в это утро раннее
До Глухарево мы рванем.
До Перепелкино, Грачиного –
Нормальным воздухом дышать.
Ни следствиями, ни причинами
Башку свою не загружать.
Ну что нам стоит – вот же двери,
А там – живи, люби, смотри!
...Да-да, мы сонные тетери
И, к сожаленью, глухари.

Гор златых не обещай!
Я уйду и хлопну дверью.
Я скажу тебе – прощай! –
И сама же не поверю.
Это старое кино,
Анекдотец с бороною.
Это даже не смешно
Для таких, как мы с тобою.
Нам не двадцать – не забудь!
Но опять, что камень, слово.
– Заведу кого-нибудь, –
Я кричу в обиде снова.
Ты ответишь сей же час...
А ведь жизнь-то быстротечна!
Так давай в последний раз
Мы помиримся навечно.
Будет в доме тишь да гладь,
Буду рыбкой, буду крошкой,

И не буду я торчать
До рассвета у окошка.
Упаду тебе на грудь!..
Ну, а если вновь пивнушки,
Развеселые пирушки
(Где дружки – там и подружки) –
Заведу кого-нибудь!

...А главное, не ханжа.
Все остальное неважно.
Душа моя от Иртыша,
Как ветры его, отважна.
Душа моя – из глуши
Лесной, полевой, озерной.
Так что, друг, не грехи –
Характер мой – ох! – не вздорный.
Строптивый – согласна. Крутой
И ветреный – я согласна.
Но рыбкою золотой
Не делай меня напрасно.
И Золушкой у печи,
Дюймовочкой на цветочке.
Я стану звездой в ночи
И тополевой почкой.
Февральской метелью в саду,
Сиренью лиловою, синей.
Живая – во всем найду
Я выход своей гордыне.

Ну, уходи подобру-поздорову,
Что ты косяк подпираешь плечом?

Жизнь утекает по капле, по слову.
Жизнь утекает! А ты мне о чем?
Слышен мне отзвук подземного гула,
Небо распахнуто – шаг и уйду.
...Я терпеливо ждала и тянула
Воз неподъемный: работу, нужду.
Сколько же лет я сумела растратить!
Ты же опять – выяснять, объяснять...
Мне бы траву пожалеть и погладить,
Камня коснуться и дерево обнять.
Мне бы – пока еще не бестелесна –
Жизнь ухватить, чтоб не смела – из рук.
Вот потому мне угрюмо и тесно
В том, что любовью зовешь ты, мой друг.
Мелочны наши попреки, не так ли?
Наобижали друг друга мы всласть.
Жизнь утекает по капле, по капле.
Слышишь?
Минута еще сорвалась.

Небесный гул и небесный вокзал.
Ты брови с досадою хмуришь.
Ты этот город не предавал,
Ты просто его не любишь.
И все разговоры уже ни к чему,
Я даже дерзить не буду.
Прощай, мой хороший, я все пойму.
Смотри, не схвати простуду.
О камни столицы подошвы стирай,
Лети по небесной трассе.
Замшелая тема – родимый край –
Изучена в пятом классе.
Оценка получена – и привет!
Давай поцелуемся, что ли!

Прошу тебя, не кричи мне вслед,
Не прибавляй мне боли...

Привыкну жить одна,
Привыкну – не смертельно!
Не плакать у окна
Под бабий вой метельный.
И в спину не скулить,
Я верю, хватит силы,
Тому, с кем хлеб делить
Хотела до могилы.
Смогу, переживу,
Беды своей не выдам,
Я обману молву
Своим веселым видом.
И все-таки боюсь –
Нет, не возни мышинной! –
Того, что я сожмусь
И разожмусь пружинной.

Такая боль – до позвонков.
Я вся – сплошной болящий вывих.
Не надо мне твоих звонков
И монологов торопливых.
Я путаю, где сон, где явь, –
У боли нет щадящих правил.
Оставь меня! Оставь! Оставь!
Как ты уже меня оставил.
Все искорежено во мне,
Я вижу мир таким угрюмым.
Твой голос в мертвой тишине

Звучит пустым, досадным шумом.
Звонкам случайным грош цена,
Когда – смеюсь ли, волком вою, –
Всегда одна, всегда одна –
Живу соломенной вдовою.
Оставь – не верю в миражи,
Оставь – не берегу огарков,
Солома попусту лежит,
Да вспыхивает больно жарко...

– Ну что же ты все в душу метишь!
И без того в глазах темно.
Приедешь или не приедешь,
Поверь, теперь мне все равно.
И нежный тон, полунамеки
Не надо больше в ход пускать.
Я извлекла свои уроки,
Теперь тебе их извлекать.
Да, понимаю, всё работа,
Ты без забот не жил и дня.
Но знаешь, Сольвейг отчего-то
Не получилась из меня.
Пока, звони. Ну что так хмуро!..
Работа заждалась, дружок.
...Наверно, разревусь, как дура,
Когда нажму на рычажок.

Давай поговорим
С тобой о наших душах.
Давай перегорим
Опять во днях минувших.

Припомним день за днем
Измены, злые ссоры.
Друг другу вновь зачем
Обиды и укоры.
Начнем же! И в тоске
Опомнимся едва ли:
Опять на волоске
То, что любовью звали.
Давай опять сгорим
До пепла и до ада.
Давай поговорим!
А может быть, не надо?
И так болит ожог,
Хотя и не вчерашний.
А за окном снежок,
А зимы все протяжней.
И мысль не об огне,
А о тепле все чаще.
Как славно в тишине,
По-доброму молчащей!..

Нежданные каникулы, ура!
Хоть мне не двадцать и тебе за сорок,
Глоток свободы нам безмерно дорог,
Так будем колобродить до утра!
Над лесом небо звездами горит,
Земля мечтает отдохнуть от зноя...
Как славно мы попадали с орбит
В недолгое, прохладное, лесное.
И жест руки – как будто птицы взмах.
Пусть без тебя скучает твой селектор.
Как хорошо, что где-то в небесах
Есть пусть усталый, но хороший некто.

Он выгнал нас, как школьников, за дверь,
Заставил позабыть звонки, бумаги.
Скажи, меня поцеловать... теперь...
Мой друг, тебе достанет ли отваги?..

Сумасшедшая ночь на поляне, где юрты и кони.
Сумасшедшая ночь после скачек и песен степных.
Попроси я сейчас – и протянет звезду мне в ладони
Тот степняк, что среди пира нахмурился вдруг и затих.
Не подарит звезду, а протянет как будто бы плату.
И под взглядом его плечи ноют мои и болят.
Это чувство в крови от прабабок, со времени Бату,
А земля под кошмой хоть тепла, да чужая земля.
Время сдвинулось вдруг и помчалось по кругу, по кругу:
Храп коней боевых, стоны пленных, посадки в огне.
На руке ощущаю я сильную властную руку.
Мой далекий, прошу, позабудь в этот час обо мне!
...Начинает светать.
Пир на убыль и речи на убыль.
Выпрямляется время, века пробивает стрелой.
Жар горящих посадок не сушит глаза мне и губы.
И костры кипчаков покрывает столетней золой.
Начинает светать.
Нет холодной безжалостной власти,
Что мерещилась ночью, в глаза мне глядела темно.
И с последней звездой разомкнулось на левом запястье
Жарких пальцев кольцо – оказалось непрочным оно.

Прошу тебя, не торопись, июль.
Побалуй нас жарой, грозой внезапной.
Пускай коснется ливень мягкой лапой

Моей щеки... Не торопись, июль.
Сгорают дни и сыплются золой.
Прошу я время: ты пореже тикай,
Дай надышусь полынью, повиликой,
Нагретым срубом, теплою смолой.
Продлись, июль. Ты – пиршество глазам,
Дай отдохнуть от черно-белой гаммы.
Легко влетать в распахнутые рамы
И ветру, и ребячьим голосам.
Но время, заключенное в часах,
Тик-так – спешит, тик-так – все впопыхах.
Бегом – работать и любить – бегом.
Но так сегодня безмятежен дом:
И сын при мне, и дочь пока мала,
И мать сидит устало у стола.
Таким теплом одаривает высь.
Продлись, июль!
Прошу тебя, продлись!

Я верю в нежность снегопада,
Что укрывает в поле рожь...
Мне от тебя немного надо:
Согреешь тело – и хорош.
Прошу, возьми меня за плечи
И прядку отведи со лба.
Давай забудем в этот вечер
Слова «душа», «любовь», «судьба».
Они горят за дальней далью,
А я близка – коснись рукой.
Еще успеется с моралью,
И с покаяньем, и с тоской.
И ты ведь знаешь, что права я.
И вся-то страшная вина,

Что ты живой и я живая,
И ты один и я одна.
Что валит снег, что дело к ночи,
Что предававший без числа
За сотни верст отсюда хочет,
Чтоб виноватой я была...

Нелли

Одно и то же: слухи, страсти...
Но на исходе декабря
Мы все о счастье да о счастье.
И, как мне кажется, не зря.
Не поддаваясь злой обиде,
На чистый снег глядим в окно.
Придет к нам счастье, и увидим,
Какое все-таки оно.

Ничего у нас не получится,
И не надо бы лгать себе.
Я попутчица.
А попутчица,
Что снежинка в твоей руке.
Просверкнет, на ладонь опустится.
И запомнится-то едва ль...
Ничего у нас не получится.
Я надежно кутаюсь в шаль.
Отомстила себе, мол, вот тебе!
И не надо бы путать карт.
А за окнами ночь и оттепель,
Через сутки наступит март.
Я готовлю слова прощальные,

Зеркало

Да какая уж там сильная –
Плакать впору.
В это зеркало фамильное –
Словно в прорубь
Я гляжу.
Лицо расплывчато,
Да мое ли?
Ты на это и рассчитывал,
Что, доволен?
А стекло голубоватое
Тянет, тянет...
Что я словно виноватая?
Пусть обманет!
Но по комнатам, по лестнице –
Дух измены.
Дождь с утра не перебесится,
Хлещет в стены.
За окном мельканье веточек,
Скрип калитки.
А в глаза все лезут мелочи:
Бусы, нитки...

Кругом кипят такие страсти!
Разбой, стрельба, дележка власти.
Продам! Убью! Куплю! Долой!
Сограждане трамбуют сумки.
А мы с тобой, как недоумки,
Идем – гитара под полой.
Кто верит в Чумака, кто в Глобу,
Но каждый день рождает злобу.
Еще немного – грянет бой.
А нас с тобой, как обтекает,

И роскошь споров и стихописаний
Тогда доступны были мне вполне.
Прогулки в парке! Ночью! При луне!
Двойные двери? Это просто дикость!
О господи, проспали мы великость.
Я некогда жила в другой стране.
Я, может, за беспечность и плачу,
Живя в стране угрюмой и жестокой.
Зато опять «мы верною дорогой
Идем»...

6

До чего крутые времена!
Зло никак не выпустит из круга.
Деда обожала вся страна,
С той же силой ненавидит внука.
Паника, смятение в голове.
Как сумеем объяснить мы детям:
В сорок первом – танки по Москве,
Снова танки – в девяносто третьем.

7

Не ждали? Пришла она, страшная весть,
И встала у всех в изголовье:
Вторая гражданская – вот она, здесь,
Убоины жаждет и крови.
Мертвяц и безжалостен яростный взгляд.
Ура! – всем борцам революций.
Герои дождутся высоких наград,
А после – проклятий дождутся.

8

Этот огрызок Россией назвать –
Предков великих предать и продать.
Это – признать справедливость разбоя,

Подлую власть утвердить над собою.
Пушки – у них, автоматы – у них.
Что у меня? Только память и стих.
Да осознание: не одинока!
Да ощущение близкого срока.
Яблоко съели – огрызок в толпу?
Ангел возмездия поднял трубу.
Вечно Россия – от горя до горя.
Будет Россия – от моря до моря.

9

Слава доблестному провизору:
Капля правды и сто – вранья.
Отмываются по телевизору
От кровавого октября.
Танки – благо, дубинки – благо.
От цинизма бросает в дрожь.
А над городом сыплет влага,
Мелкий, будто бы слезы, дождь.

10

Сыпь, веселый снежок,
на поля, на российские веси,
Посыпай города,
утешай, ублажай, весели.
Пережили октябрь –
этот страшный и памятный месяц,
Ужаснулись и горько склонились
до самой земли.
В доме светит экран.
Он как будто окно преисподней:
Сатанинские пляски, балдеж
и вранье, и вранье...
Сыпь, волшебный снежок,
детской сказкой смешной, новогодней,

Со счастливым концом,
 чтоб не умерло сердце мое.
Царь наш батюшка может и волком,
 и хитрой лисою
Обернуться.
Личин у него не узнать и не счесть.
Но в России снега
 все идут и идут полосою,
Как бинты, как надежда,
 как добрая тайная весть.

Клуб «Кому за 60» называйте,
 как хотите.
Можно Пушкинским, и станут
 наизусть учить стихи.
Можно проще – «Рукоделье»,
 в ход пойдет канва и нити.
И взлетят на полотенца
 голубки и петухи.
А еще «Здоровье» можно –
 и полезно, и разумно.
Будут пешие прогулки,
 упражненья, бег трусцой.
Лишь бы вместе, лишь бы только
 в стороне от жизни шумной,
Где на стенах – маты, маты,
 да «не умер Виктор Цой»,
Где сейчас такие песни ...
 где сейчас такие юбки ...
Где сейчас такие цены,
 в одиночку пропадешь.
А еще сюда прибавьте
 политические рубки!

Говорили – жизнь копейка,
оказалось – медный грош.
Клуб «Кому за 60»,
самовар, стихи по кругу.
Позабывтое кокетство,
поседевший завиток.
Жизнь бурлит, волной несется,
прибывает их друг к другу.
...Называйте, как хотите
этот тихий островок.

Тоска поликлиник вечерней порой.
Продавлены стулья, безропотны люди.
В талончики – этой извечной игрой –
Здесь заняты все, и конца ей не будет.
Я тоже участвую в этой игре:
– У вас на 16? Держитесь за мною.
И в долгом сиденье у серых дверей
Я не протестую уже и не ною.
Сажу, представляю: врачи за стеной.
Устали они, а совсем не сердиты.
Им жалобы наши известны давно,
Им так надоели бронхиты, колиты.
Возьми бюллетень и оставь кабинет,
Не мучь этих добрых, задержанных женщин.
Ты просто пойми, что не этот билет
Им в детстве прекрасном судьбой был обещан.
Плакат, словно дуло, торчит у виска:
Микроб угрожает – понос или рвота?!
Тоска поликлиник – глухая тоска,
И Чеховы здесь не являются что-то.

Сквозит во всех тоска, усталость:
Какое время нам досталось!
А цены – кругом голова.

О них везде талдычим все мы,
Куда ни кинь – одни проблемы.
А нынче праздник Рождества.
И остальное все – неважно.
Как пахнет оттепелью влажно,
А в церкви – воском и сосной.
И есть чем рюмочки наполнить.
А если Ирода припомнить,
Иуду также – боже мой! –
То времена еще – что надо.
Идем же в праздник снегопада,
Пусть он коснется нежно век.
Церковный звон светлей, напевней,
И, может, где-нибудь в деревне
Родился добрый человек...

Основание Омска

Голод и холод, сраженья, осада,
Тяжесть таежных и водных дорог.
...Вышли на берег остатки отряда.
Ты помоги им, всеильный пророк.
Пусть мир по-летнему зелен и розов,
Лету сибирскому долог ли срок?
Крепость поставить до первых морозов
Ты помоги им, всеильный пророк.
Место глухое.
Угрюмые чащи.
Дикие звери – ни троп, ни жилья.
Встанет здесь город, большой и шумящий,

Счастливое лицо в обшарпанной маршрутке,
Когда саднит душа и ранит неба алость.
Когда прошедший день и вспоминать-то жутко:
Пустая бегодня и вежливая наглость.
Счастливое лицо, как из другого мира,
В котором старый сад и дождь, скользящий тихо.
В котором объяснять не надо слово «лира»,
Зато не знают слов «тусовка» и «чувиха».
...А город скрежетал над мертвою рекою
И требовал, чтоб все сдались ему не милость.
Ах, женщина, и что обещано такое,
Что сказано тебе, чтоб так лицо светилось.
Закончен век, а все – поруха и расплата.
А счастье и любовь – под толстым слоем пыли.
Счастливые глаза глядят чуть виновато,
Мне кажется, они – с воздушного фрегата.
А ведь фрегаты все давным-давно проплыли.

Стихи об Омске

1

Ты чуда в этот день не проворонь,
Оно доступно и почти понятно.
У снегопада мягкая ладонь,
Доверься ей и не спеши обратно.
Белым-бело!
И кажется, снега
Заполонили землю на полсвета.
Пройди над Омью.
Эти берега
Хранят следы известного поэта.
За стадионом – старые дома
Ссутулились под снегом.
А быть может,

Тревожит их не новая зима,
А то, что век их безнадежно прожит.
Да, время их пометило перстом:
Заметно покосились, обветшали.
Но дальше!
Дальше – мост,
А за мостом
Кусты сирени примеряют шали.
Все в блестящих:

 ставни,
 клены,
 провода.

Из-за размытых снегом очертаний
Покажется, что не был никогда
Среди деревьев этих, этих зданий.
Скорей туда, где для тебя огонь
Зажжен в окне, что на земле одно лишь...
Но снегопада теплую ладонь
И свежее дыхание ты запомнишь.

2

В тряском трамвае вперед и вперед:
Школа,
 тюрьма,
 проходная прядильной.
Как ребятня обалдело орет,
Из подворотни – и в ливень обильный,
Что там на лицах – нетрудно прочесть:
Страх и восторг,
 и презренье запрета.
Вот оно счастье и светлая весть:
Мальвы и ливень,
 окраина, лето.
В тряском трамвае – назад и назад,
В детство, где бегала летом арапкой,

Где еще жив угловой палисад –
Дедом посажен и вынянчен бабкой.
Это бывает, наверно, у всех,
А на меня вот сейчас накатило...
Колет гроза за орехом орех,
И удивляя, и радуя силой.
Ливень ли, лето упругой стеной,
И дребезжащее тело трамвая...
Ангел, летящий сейчас надо мной,
Душу верни!

Я живая,
живая.

3

Зажигает окна синий вечер,
И глядит в иртышскую волну
Город, вставший некогда в двуречье,
Бережно хранящий старину.
Прохожу по Тарской и Почтовой,
Где покоем дышат вечера.
Омск – наследник славы Ермаковой
И великих помыслов Петра.
Город мой ты песня и легенда,
С детства берегу в своей душе,
Тихой Омки голубую ленту,
Белый теплоход на Иртыше.
Здесь вольготно и цветам, и птицам,
Хоть уходят зданья в облака.
Сын Сибири, Родины частица,
Ты глядишь в грядущие века.
Зажигает окна вечер синий,
Лунным светом серебрит листву.
Город мой, прекрасный и былинный,
Для тебя пою я и живу.

Уже дороги вымочил февраль,
Еще немного – и весна нагрет.
Мой сложный мальчик, невозможный враль,
Где ты сейчас и чем сегодня занят?
Не замечаешь, что идут года,
Все так же пребываешь в детстве сонном.
Играешь в самолеты, поезда,
Бывая то капризным, то влюбленным?
Мне жалко неразбуженной души,
Которая так много обещала
И вот – поверить страшно! – обнищала.
Поэтому прошу я, не пиши.
Слащавую забудем пастораль:
Лужок,
дружок, твоя...

подобна чуду...

Уже дороги вымочил февраль,
Придет весна, и я тебя забуду.
В блокнотах зачеркну я адреса,
Расчетливо, жестоко и бесслезно.
А ты глядишь по-детски мне в глаза,
Совсем седой, счастливый мальчик звездный...

Откровенность – за откровенность,
Подступает волною ревность
И бедою грозит неминучей.
Захлебнуться прекрасный случай!
Захлебнуться, погаснуть спичкой
Или сделаться истеричкой.
Я умею владеть собою,
Я не выдам себя мольбою
И упреками, что напрасны.

Пусть уходит, такой прекрасный.
Откровенности?
Сколько хочешь!
Зря, подруга, ты так хлопчешь.
Не вцеплюсь в пальто, не заплачу,
Так что праздную свою удачу.
Но когда – холодок по коже –
Станет он отрешеннее, строже,
Замолчит вдруг, в окно уставясь,
Ты ко мне испытывай зависть.
Ты ко мне – испытывай ревность...
Откровенность – за откровенность!

Все было в эту зиму: грипп, простуда,
Автобусы, промерзшие насквозь.
Под Новый год – предощущенье чуда,
Которое, конечно, не сбылось.
Тянулось по экранам нудной песней:
Прогнозы, результаты, рубежи...
Хватало взрывов, не хватало пенсий,
И вновь знобило от избытка лжи.
Не по сезону обрезали ветки,
Из тополей производя калек.
А во дворе никак собачьи метки
Не мог упрятать полуночный снег.
Все было в эту зиму...
И усталость
Такая бесконечная во мне,
Что и желанья даже не осталось
Ни дни считать, ни думать о весне.
И оттепель пришла, но не согрела,
Хоть ненадолго ожил водосток,
И болью отмороженного тела
Во мне болит синичкин голосок.

Остановка «Рабочий поселок»...
Прежней жизни случайный осколок.
Память острая, ножевая...
Посмотрю я сквозь окна трамвая
На заборы, избушки, на тропки,
Что вели нас к бетонной коробке,
И сейчас здесь царит это чудо
Средь почти деревенского люда...
Мы недолго здесь прожили, помнишь?
Что осталось мне? Горечь всего лишь.
А тебе?
Ни спросить, ни окликнуть,
Лишь забыть и к забвенью привыкнуть.
Проведу по глазам я рукою,
Успокою себя...
Успокою?

Короткое время – березы цветенье.
Как в юности, в сердце тоска и смятенье.
Тогда – о грядущем, теперь – о минувшем.
Мы в доме вечернем все лампы потушим.
Мы будем глядеть не на улицу – дальше.
В то давнее время без горя и фальши.
А маленький дождик шуршит, словно ежик...
Хорошее время зеленых сережек.
Да жаль, не в одно мы окно наблюдаем
За ранней звездой и поздним трамваем.
Ни голос подать, ни коснуться рукою.
Но соединяет нас время такое,
Когда по России – березы цветенье:
Смятенье,
 восторг,
 сожаленье,
 прощенье...

Время принцев прошло. Мой король все воюет
столицу.

Я сижу у окна, не пряду, не плету кружева.
Я читаю роман. И опять – за страницей страницу –
Повторяю слова. Про любовь и разлуку слова.
Я устала, и мне ни любви, ни разлуки не надо,
Короля не вернуть: он умрет – не уйдет от кремля.
Нет надежды на счастье, и мне остается отрада:
Ждать, когда зацветут, забурачат вокруг тополя.
Будет тихо, тепло, будут светлые ночи в июне.
И захочется жить без сомнений, обид и забот.
И тогда ветерок, заблудившийся в городе, дунет,
Пух в окошко влетит и на толстый роман упадет.
Я захлопну его,
Пусть лежит себе в книге, негодный.
Там, где умерли оба, явив нам любви торжество.
И себя ощутив молодой, бесконечно свободной,
Вдруг замечу пажа, не желая, конечно того.

Я с годами как все устаю, устаю...
Коль забыты вопросы, зачем мне ответы?
Я устала бороться за душу твою
И разгадывать сны, где являешься мне ты.
И куда тебя тянет последний трамвай?
Где уснешь ты: в гостях или сквере вокзальном?
Ты же сам все решил: погибай, заливай
Жир столовских котлет коньяком самопальным.
Не дождется звонка полумертвая мать,
Потолкует с отцом: что же с мальчиком случилось?
Я держала тебя. До сих пор поднимать
Больно руки: такая поныне усталость.
Что ж, походы за славой жестоки всегда.

На щите? Ни за что!
Со щитом? Не по силам.
Между нами теперь города и года.
Не представить: тебя называла я милым.
Я устала бороться за душу твою,
Пропадай, коли топчешь ее ежечасно.
...То летишь в пустоту, то стоишь на краю –
Еженощно,
 упорно,
 напрасно... напрасно.

С.

Что приключилось с лицедеем?
Он помрачнел, совсем поблек.
И завиральные идеи
Его не жгут, как уголек.
Еще мелькает по газетам,
Привычно раздает щелчки,
Но не горят нездешним светом
Победоносные очки.
Ему не пишут гневных писем,
Вокруг не слышно ох! да ах!
А ведь казалось: потянись он,
Звезда, как истина, в руках.
Перетекла в актерство сила,
И жизнь ушла на пустячки.
А я его почти любила.
Теперь жалею, что почти.

Вечереет, значит, холодает.
Май вначале, снег вчера прошел.
Но земля такая молодая,
Что и в этот холод хорошо.
Завтра брызнет первою листвою
И сквозь снег объявится трава.
Покажусь сама себе живою,
А вчера казалось мне, мертва ...

Портрет

Головы достойный поворот
И спина прямая, как в балете.
Кто и не захочет, так поймет:
У нее соперниц нет на свете.
У других – скандал и тарарам.
У нее – все чинно и уместно.
Сколько же семейных тайн и драм
За улыбкой этою небесной!..

Такая засуха, что росы
Не выпадают по утрам.
Два дня уже пророчат грозы,
Но тучи ходят где-то там,
За дальним лесом, дальней пашней,
Там, за излучиной реки...
И ветер засухи вчерашней
Сегодня сушит мне виски.
Но все светлей и неизбежней
Надежда, что придет гроза,
И вера: завтрашние ливни
Наполнят влагою глаза,

Чтоб я оглохла и ослепла,
Сошла с привычного пути.
Чтоб в сердце, выжженном до пепла,
Любовь сумела прорасти.

Цветет по Северным космоя
И клонит время к сентябрю.
О юность! Позабыть не смея,
Опять твоим огнем горю.
Опять – лирические строчки,
Тоска и отрешенный вид.
Зачем мне эти заморочки,
Как взрослый сын мой говорит.
Давным-давно отцеловала,
Отплакала давным-давно.
Зачем из тонкого бокала
Я пью осеннее вино?
Любовь, и тайная к тому же,
Нелепы чувства и смешны.
Зато какие ветры кружат,
Зато какие снятся сны!

Вот и выключен фонтан,
Хоть еще тепло и сухо,
Хоть еще зима-старуха
Не грозит из дальних стран.
Вот и листья на земле.
Сколько их упало за ночь!
Хоть еще Мороз Иваныч
Не рисует на стекле.
Вот и сердце – в угольки...

В болтовне пустопорожней
Все больней и невозможней
Избавляться от тоски.
Вот и выключен фонтан,
Вот и листья на земле,
Вот и сердце – в угольки...
Осень.

Романс для осенней гитары

Последних теплых дней обманчивая сладость.
И лист, шурша, скользит по темному плащу.
Мой спутник молодой, нечаянная радость,
Немного я хочу, но дорого плачу.
Моя судьба темна, и знаю – на излете.
Но, видно, небеса еще ко мне добры,
Коль кружит надо мной кленовый самолетик
И нам дают приют осенние дворы.
И это в той стране, где холод и разруха,
Где помнят слово «мечь», забыли слово «грусть».
Я завтра, может быть, отвечу в трубку сухо,
А может быть, звонка и вовсе не дождусь.
Ты, моего плеча касаясь ненароком,
Глядишь в мои глаза, а в них ведь не весна.
Еще одна свеча, затепленная Богом,
Еще одна любовь.

Еще любовь...

Одна.

...И это отныне навеки мое:
В окне тополей кружевное шитье.
Их праздничный свет озарял потолок.
Я стала навстречу, не чувствуя ног.

Хотела улыбку сдержать – не смогла.
Была, как деревья, легка и светла.
Тянуло морозом от куртки твоей
И хвойною свежестью праздничных дней.
Еще ничего и не сказано, нет!
Откуда же праздник,
и счастье,
и свет...

Полунамеки и нелепости,
Слова банальны и смешны.
Все очевидно мне, но крепости
До основанья сметены.
В ответ такую околесицу
Несу – себя не узнаю,
Что в пору снова заневеститься,
Припомнив молодость свою.
Чего еще тебе, сердешная!
Не все изведала? Изволь!
Такая радостная, вешняя,
Почти физическая боль.
А снегопад кружит и ластится.
Я на ногах стою едва.
...Что говорил? Какая разница!
Запомню голос – не слова.

Февраль – не время для романа.
Но почему же, почему
Я с яростью самообмана
Рванулась вдруг в ночную тьму.
И не такая молодая,

И опыт, в общем, неплохой,
И колокольчик – дар Валдая
Не раззвонился под дугой.
И мне счастливая подкова
Не ляжет в руки ни за что.
Но почему же я готова
Уткнуться вдруг в твое пальто!
И тот во мне, суровый некто,
Уснул внезапно до зари,
Когда мы мчались по проспекту
И расступались фонари.

Всё в городе, грусть затая,
Осенней листвой освещалось.
Мне нравилась песня твоя,
Хотя и не мне посвящалась.
Ты помнишь? Аллея, скамья
И наш разговор осторожный.
Мне нравилась песня твоя.
И привкус любви невозможной.
А после – снежок Рождества
И легкие тени по стенам.
Как искренни были слова!
Но песня звучала рефреном.
Грехи позади, и черед
Поста, покаяния, кары...
Как долго наш город живет
Без песен твоих и гитары.
И пусть нагрешу я сильней,
Но ветер пошлю я в погоню
За песней, что стала моей,
Поскольку одна ее помню.

По Северным под снегом! Боже мой!
Что может быть прекраснее на свете:
Упасть в сугроб – вернулась я домой,
За все грехи готовая ответить.
На тополях угрюмо воронье,
Гремит дорога через два квартала.
А детство незабвенное мое
Спешит себе, ему и горя мало.
Портфель в руке и лыжи на плече.
Я изйду в слезах от этой встречи.
Коль не она и не тепло печей,
Свои обиды и лечить мне нечем.
По Северным под снегом...

Сергею Мальгавко

Все справедливо и правильно в мире.
Зависть не жжет суховеет мне губы.
Кто по столицам,
а в центре Сибири
Снег укрывает столетние срубы.
И обжигает рябиною красной.
Кружит сильнее и ложится надолго.
Чьи-то дороги длинны и опасны,
Ну, а моя – не длиннее проселка.
Все справедливо, я в это поверю:
Место у печки всегда мне найдется
В лютый мороз за приветливой дверью
Или в жару у степного колодца.

Хорошо побродить средь вечернего тихого люда
По небесной тайге – на балконах то сосны, то ели...
Мстя за беды свои, я порой ненавидела люто
Этот город, который растил меня от колыбели.
Синий снег над собором качается медленно, плавно.
Отпускает тоска, и по капле уходит усталость.
Я люблю этот город, в котором мне плакалось
славно.

Я люблю этот город, где горько порой хохоталось.
Ощущение близкого праздника душу согреет.
Я пойду по Лесной (по Вавилова – нынче) до школы.
Я не стала счастливей. Наверное, стала мудрее,
Оттого и смогла поменять – через годы – глаголы.

Фантазий бесконечных череда,
Забавные браслеты-амулеты.
О до чего небезразлична мне ты,
Космическая девочка моя.
И почему оставлена Звезда,
Где родина (Земля – детдом всего лишь).
Мне кажется, ты и поныне помнишь
Родные, запредельные края.
Живешь и удивляешься всему,
Тревожа, забавляя и пугая.
Достаточно понять, что ты – другая,
Что не способна – в общую дуду.
И пусть тебя не очень я пойму,
Беречь и охранять я буду просто.
Космическая девочка, подросток.
Ты только не забудь свою Звезду.

Галине

За рекой, за кромкой краснотала,
За случайным отблеском огня,
Если бы душа себя узнала
В тех краях, где не было меня!
Мудрых книг листы шуршат устало,
Гаснут звезды в утреннем окне.
Если бы душа себя узнала
В тех веках, что и не снились мне!
Как она горела, горевала,
Как любила – мне не все равно.
Если бы душа себя узнала
На портретах, выцветших давно!
Но на все наложены заклатья,
Не нащупать смертной эту нить.
Я сама – очередное платье,
А душа – ей снова жить и жить.
Узнавать что-либо бесполезно,
Но зачем душа моя в ночи
То пытается черно-красной бездной,
То летать пытается учить!

Счастье – ты синяя птица для юных.
Где ты гнездишься – на кратерах лунных?
Где ты летаешь – на море, на суше?
Как ты умеешь выматывать души!
Как ты умеешь заставить забыться,
Не замечая ни годы, ни лица.
Что под ногою – пучина ли, трап ли?
Счастье так скупо – по капле, по капле.
Словно лекарство и словно отрава.
Счастье – любовь, озарение, слава, –

Кажется, в руки слетает отвесно.
Но лишь мелькнет синевую небесной,
Даже пера не оставит в ладони.
Не для меня эти игры, погони!
Я-то усвоила: синяя птица
Только лишь дразнит, мерещится, снится.
Лишь обещает любовь – одиноким,
Славу – тщеславным и силу – убогим.
А вспоминается старым ожогом...

«Родиться в России – уже испытанье», –
Печальная мысль среди праздничных вспышек,
Небесному промыслу, дьявольской тайне
Обязаны этим... Спросить бы у книжек!
Но книжки лукавы и речи лукавы:
Пророка пророк обличает нещадно.
Орлы на гербах, города златоглавы,
Но чувствуем мы: не вернуться обратно.
Так значит, опять по нехоженным тропам?
Конечно, опять – на горбу да на жиле.
Мы это умеем: навалимся скопом,
Чтоб внуки когда-нибудь славно пожили.
Который уж век мы все те же профаны!..
А в зале в бока упираются руки,
Гармони поют, и цветут сарафаны,
И плачут еще не зачатые внуки.

Еще не стрельба и не драка,
Но страстью зрочки сожжены:
Мы крепко не любим друг друга,
Недолго уже до войны.

Случайная хрустнет ли ветка,
Костер ли взметнется в кустах,
Заметит чужая разведка,
Но стража моя – на часах.
Хитер, не допустит урона,
Я многое тоже таю.
Надежна моя оборона,
Мой недруг бесстрашен в бою.
Мы будем сражаться, как надо,
Огромн войны арсенал.
Атака... разведка... засада.
Кто первым из нас – наповал?
А после поделим медали,
Потешим обиду и злость.
Вот только припомним едва ли –
С чего это все началось.

Первый снег, как водится, погиб,
Все вокруг намокло и раскисло.
Просто осень – времени изгиб,
Не ищу ни тайны в том, ни смысла.
Так мудра, что впору на покой:
К дневникам и философской прозе,
Чтоб потом почить, как надо – в бозе,
С Библией под высохшей рукой.
...Да, иронизирую, жива
Только этим. Ничего не ранит!
Но тревожит, что под снегом ранним
Корчилась зеленая листва.

*Какие хорошие выросли дети,
У них удивительно ясные лица.
Леонид Мартынов*

Какие ужасные выросли дети,
Им ценности наши, представьте, «до фени».
Мы сами для них – виртуальные тени,
А нам говорят, что за них мы в ответе.
Римейки, ремиксы, видюшники, кола,
Чак Норрис, Сталлоне – ну кто там еще-то?
А нам лишь сомненья и страхи без счета,
Адониса запах да вкус валидола.
Нахальны, упрямы, нелепо одеты,
Живут, не боясь, ни упрека, ни риска.
А впрочем – «битлы», мини-юбка и «Плиска»,
Асадов, Высоцкий, в портфеле записка
И первых романов крутые сюжеты.

...И мамины слезы.

Ностальгия

Другая жизнь ли, век другой...
Подумаешь, беда – заплатата.
Любимый «Овод» под рукой,
И далеко до аттестата.
А в коммуналке – дым столбом:
Пекут и жарят к Первомаю.
Весна и звезды за окном,
И я спокойно засыпаю...

В.В. Овчинкиной

Учитель в детстве больше, чем учитель.
Земное воплощение доброты.

Еще отец не снял военный китель,
И музыка летела с высоты.
Казалось, с неба...
День речного флота,
В цветных флажках и остров, и затон.
...Кусает мама губы отчего-то
И смотрит в глубину зеленых крон.
Понять ли мне, что мы стоим у кромки,
Что рухнет жизнь с уютом и теплом.
Что много лет нам разгребать осколки
И жить учиться заново – вдвоем.
Непросто – при живом – принять сиротство.
И жар... и бред... За мать великий страх.
Она пришла без шума и геройства:
Платок пуховый, гребень в волосах.
И жар спадал, в душе стихала смута
Под взглядом, что без патоки – всерьез.
...Тот взгляд спокойный вспомнить почему-то
Я и сегодня не могу без слез.

Ах, годы – ряд крутых ступенек
И «сердца горестных замет».
Меня судьба хранит от денег,
А значит, все же я поэт.
На сквозняках шального рынка
(За лишний рубль – стократ умри!)
В моей руке одна снежинка,
Нет, не одна – вот две, вот три...

И в этом усложненном мире
С его борьбой и суетой
Поэт, как Павел Препростой,
Ему не надобно цифири.
Он не стремится все раззять
И разложить на составные,
Как все философы земные.
И в этом Божья благодать

А ты, конечно же, мудра,
Грехи тебя не замарали.
Но все морали да морали,
А не стихи из-под пера...

Мне тепла своего не жалко:
Так что грейся и не спеши.
Ты, наверно, была русалкой,
Не смогла уберечь души.
Вижу, парни в глазах твоих тонут,
Но тепла не находят в них.
Где-то есть заповедный омут –
В лунных бликах опасно тих.
Где-то помнят еще донине,
Как на дне вскипала вода...
Дай утихнуть своей гордыне,
Ты красива и молода.
Я тягаться с тобой не стану –
Я лицом и в словах проста.
...Заморозило на Татьяну
Все окрестные омута.
Или омуты. Лучше вроде.
Проморожены даже сны.

Без тепла при такой погоде
Ты не вытянешь до весны.
Глаз русалочьих поволока,
Пальцы – лед, да и речи лед.
Попроси-ка ты лучше Бога –
Может, душу тебе вернет.

Самое страшное время в больницах –
Ночь.
Снится не снится, мнится не мнится,
Дочь.
Только глаза в беспросветность уставишь,
Вот:
Тихо смеется, касается клавиш –
Ждет.
Отроковица – сказали бы раньше.
Нет
В ней ни коварства, ни спеси, ни фальши –
Свет ...
Будто от озера в радужной дрожи
Брызг,
Будто от снега, пока не исхожен
Вдрызг.

...Снится ли, мнится ли, но между нами
Вдруг – полынья.
Буду вцепляться руками, зубами
В край бытия.
Выдержу, выползу, будто на волю
Из черноты,
Свет погасить никому не позволю.
Веришь ли ты?
Спят до будильника книги и ноты,

Кошка в ногах.
Мама вернется как будто с работы,
Вся впопыхах:
Сколько забот накопилось! Привычно
Жизнь потечет.
Запах больничный...
Запах больничный –
Это не в счет.

Уроков, значит, было мало,
Коль снова горя через край.
Ты от предательства устала?
Так значит, в дружбу не играй.
Подумаешь, беда какая!
Сидишь, коленки обхватив.
Бывает лживой и мужская,
А женская – легенда, миф.
Да перестань, противно даже
Смотреть, как маешься в тиши.
Господь накажет – не накажет,
Он как-нибудь и сам решит.
Да ты прислушайся: смеется
Весна за далью января,
И апельсиновые солнца
В ладонях радостью горят.
И хорошо, когда свободен
От обязательной игры.
А мы еще поколобродим,
Пусть не хоронят до поры!

Весна в понедельник, а нынче – среда.
С полуночи – снег, он, видать, из упрямых.

Как будто синицы, расселись года
На веточках памяти, тоненьких самых.
То дедовский дом, то глубокий овраг,
В который так славно верхом на портфеле
Скатиться под визги окрестных дворняг,
Зато страшновато и глянуть в апреле.
Ах, снежная замаять, зачем ворожишь!
Забылось – и умерло. Значит, не надо.
На Северных улицах сельская тишь,
Дома и деревья в плену снегопада.
Да я и сама в добровольном плену.
Я снегом горящие щеки умою.
И вроде бы сердце торопит весну,
И вроде боится расстаться с зимою.

Опять я весну пропустила:
Смеялась, грустила, гостила...
Прощалась и в спорах горела.
...Весна начиналась несмело:
Сугробом, подтаявшим возле
Стены привокзальной, а после –
Шуршала, капелью стучала
И рушила льды у причала.
А позже, уже без утайки,
Цвели одуванчиков стайки.
Желтели по скверам и свалкам.
Шло время ни шатко ни валко
Под спудом писаний, борений...
И только на выброс сирени
Очнулась я, чтобы проститься
С весною – волшебной жар-птицей.
Лиловым мелькнет опереньем,
Одарит тоской и смятеньем.

Я забываю древние слова,
Что связаны со счастьем и любовью.
Да и сейчас кружится голова:
Обязана я этим малокровью.
Рецепты, витамины, доктора...
Ах, моралист, твоя полнее паства!
Забуду я объятья до утра,
Познаю всемогущество лекарства.
А думала, управы не найти
На норов мой, поступки и желанья.
А, впрочем, что я, Господи, прости,
За постный взгляд и это бормотанье.
Прости меня, я даже на одре
На смертном не забуду, не забуду
Родные плечи в лунном серебре
И древних слов слепящую полуду.

Время яблонь и сиреней.
Сушит губы первый зной.
С этой жаждою весенней
Мне не справиться одной.
Повернусь – ударю локоть,
Говорю – теряю нить.
То ли петь мне, то ли плакать,
То ли песню сочинить.
То ли мне себя надежно
Запереть на все замки...
А весна неосторожно
Шутит, пробует манки:
Птицей, цветом незабудок,
Золотым сияньем дня.
Где хваленый мой рассудок?

Не удержит он меня.
И сорвусь, и брошусь снова
Без дороги, наугад
На одно хмельное слово,
На почти случайный взгляд.

Только б на улицу, через порог,
Трудно учиться на чьих-то примерах!
Сколько сирени на рынках и в скверах,
Май на исходе – последний звонок...
Ложь и предательство – выдумки, бред.
Все это глупые старые басни.
Жизнь – хороша! И ничуть не опасней,
Чем переход на положенный свет.
Шаг – до любви, до мечты, до звезды.
Девочка спит в страшном мареве мая,
Может быть, к лучшему, не понимая:
Только полшага – до взрослой беды.

Как я сладко вспоминаю не награды,
Не застолья и не косы до колен –
Парк в райцентре, объяснение у эстрады,
Ожидания вселенских перемен.
Пусть разрыв и пусть навечно –
Ну так что же,
Пусть измена – не держу на сердце зла,
Потому что холодок идет по коже
От волшебного июньского тепла.
Я читаю объявление – завтра танцы.
Я тебя почти не слушаю – увы!
Потому что мне еще слегка за двадцать
И лежит билет в кармане – до Москвы.

Мы жили в маленьком поселке,
Он проморожен был насквозь.
Совсем не праздничные елки
На окнах рисовал мороз.
Там целый день топили печи,
Трещали стены по ночам.
Ознобом нам сводило плечи.
Но страсть сжигала, горяча.
Гудки, свистки, иные звуки
Неслись с железного пути.
Чего искали мы друг в друге,
Да так, что рук не развести?
Мы о Москве мечтали оба,
Но не вдвоем, а вразной.
Ни до березки, ни до гроба
Я не мечтала жить с тобой.
...Над старым домом, над калиткой
Давно горит запретный свет.
Я не признаюсь и под пыткой,
Что лучше не было и нет
Той жизни в маленьком поселке:
Стихи, мечты, тоска – в Москву!..
Что дальней той зимы осколки
Перебираю и реву.

Страданье по утерянному снимку:
Поляна, у костра смеются трое,
Да парочка счастливая в обнимку,
Как будто у нее ключи от рая.
Любительское, выцветшее фото...
Подумаешь, пропажа, право слово!
Но у меня теперь одна забота:

Бумаги перетряхиваю снова.
Страданье по утерянному снимку,
Последнему, где мы с тобой в обнимку...

Забыта в старый дом дорожка,
Сама не знаю почему.
Меня встречали по одежке
И провожали по уму.
Там час – потехе, время – делу.
Там так от веку повелось:
Своя рубашка ближе к телу,
А табачок, конечно, врозь.
Была своя сермяга в шутке,
А в рассуждении – зерно.
От этой правильности жуткой
Хотелось выпрыгнуть в окно.
И выпрыгнула... А на синей
Сирени вздрогнул кот во сне.
Ну что ж, не будешь мил насильно,
Так там сказали обо мне.

– В другом столетье, граде неком,
Каком, не стоит ворожить,
Всю жизнь с любимым человеком
Мечтала женщина прожить.
Готова и во мрак острожный,
И через горы – наугад.
Но это было невозможно,
Поскольку был герой женат.
Она страдала долго молча,
Но годы шли... И вот она

Решила: что уж там... Короче,
Она – законная жена.
Растит детей совсем другому,
Хлопочет, плачет иногда.
Мечты похожи на солому –
Они сгорают без следа.
К тому же мир, я знаю точно,
Не на одной стоит любви.
Тоской не майся полуночной,
Пройдет до свадьбы, не реви!
Какое мы спворим платье!
И чтоб до туфелек – фата...

Ужель и ей мое проклятье –
Тоска и сердца немота...

Прощай, мой милый, мой хороший!
Занесены следы порошей.
Не свежий образ, но родной.
Родной по крови, по рождению.
Ни мыслью, ни душой, ни тенью
Ты не последуешь за мной.
И не в любви, конечно, дело.
А в той стране холодной, белой,
В которой жить осуждены.
Среди полей и сел таежных,
Среди вестей всегда тревожных
И ожидания войны.
Пословицы да приговорки,
Рямы да гривы, ветер горький.
Вздохнешь – и горечи – навек.
Не о фиалках, о полыни,
Бездонной сини, страшной стыни

Мы пишем, и про снег, про снег...
Да, здесь поверишь, пусть не хочешь,
Что жизнь любви не короче,
Что надо жить, когда уже
Тебе не двадцать и не тридцать.
Но продолжай, прошу я, сниться,
Чтоб не застыть моей душе.
А это и любви дороже!
И я тебя согрею тоже –
Письмом, нечаянным звонком
Пробьюсь сквозь снежную морозу –
Прощай до веку и до срока –
И оставайся со Христом.

Не став известной и великой,
Хожу по старым адресам.
Москва. Апрель. Лотки с клубникой
И мелкий дождик – по глазам.
Ни сожаленья, ни надрыва,
Не плакать и не выкликать.
Строка на грани примитива,
Я повторю ее опять:
Расстались, будто растворились...

Ищи-свищи на Руставели
Хотя бы тень, хотя бы след –
Его заснежили метели,
Его дожди свели на нет.
Вино любви и расставаний
Ночное – с привкусом вины
Все выпито. Для бедной Тани
Давно все жребии равны.
Чтоб о судьбе и о коварстве

Не бредить – воду не толочь,
Самоиронии лекарство
Глотай – оно должно помочь.
Глотаю, понимая, или
Опять впаду в любовный бред.
Расстались, будто растворили
Самих себя... в пространстве лет.

Чего я хочу? Ничего не хочу...
По старым счетам бесконечно плачу.
За то, что любила, за то, что пылала,
За то, что в запретные игры играла.
Другим – и духи, и стихи, и гвоздики.
А мне – лишь смиренность, да пост, да вериги.
А дни тяжелы и округлы, как бревна.
Но я не ропщу, понимаю – виновна.

Но ты! так глядишь, что себе я не верю.
И все забываю, и хлопаю дверью!
И снова в запретные игры играю,
И снова хожу по опасному краю,
Не слышу, как сзади кричат: осторожней!
А счет-то все больше, и все безнадежней.

Да, что имеем – не храним.
Гляжусь во временную даль я,
Чтоб женщина с лицом моим
Вдруг глянула из зазеркалья.
Смешна, мятежна, влюблена,
До умирания ревнива...
Хочу сказать ей, что она
Была счастливой.

Ливень, летящий с заоблачной кручи, –
Чувствую телом – холодный, колючий –
Хлещет, да так, что слезу выбивает.
Чувствую сердцем – обрушилось нечто,
Что там прикидывать: чет или нечет!
Все очевидно – ясней не бывает.
Ливень-расплата и ливень-возмездье.
Рады ему огороды предместья:
Ожили грядки с редисом и луком.
Мне же – добраться б до первой калитки,
Жалкой, продрогшей, промокнувшей до нитки
И понимающей – все по заслугам.
Глупо роптать и вымаливать милость.
Сколько плохого всего накопилось!
Божья вода по деревьям и спинам.
Ливень отвесный, ты – бич мой небесный.
Стать бы, как в юности, чистой и честной!
Это и Богу теперь не по силам...

К.

Не поминай Экзюпери,
Не святотатствуй, пусть неволью.
Твой принц такой пустой внутри,
Что даже видеть это больно.
Не одарит тебя строкой
Ни свадебной, ни колыбельной.
А ты наполнена весной,
Да и распахнута предельно.
Что толку в правде! Ты ее
Сочтешь наветом, наговором.
Испей до капли забытье,
Чтоб после захлебнуться горем.

А я молюсь, хоть не должна,
Пусть лучше оскорбит, прогонит,
Чем осушит тебя до дна
И пустотой своей наполнит.

Сойти бы с колеи привычной,
Захлопнуть дверь и сжечь мосты,
Стать молодой и непрактичной,
Спустить все деньги на цветы.
Какое счастье – тратить, тратить,
Не думая, а что потом?
Кого сегодня виноватить,
Что выживаем мы с трудом!..

...Тянуть копейку, как резину,
Под горький плач и горький смех
И радоваться апельсину,
Что в небе светится – для всех.

«Расплаты час настигнет вас...»
В сыром и темном переходе
Поет парнишка, трезвый вроде:
«Расплаты час настигнет вас...»
Коробочка его пуста:
Не здесь проходит путь богатых.
Им не назначен час расплаты
И не боятся ни черта!
А мы пройдем – в глазах вина,
Нет ни гроша – одни проблемы.
К тому же расплатились все мы
Давно, жестоко и сполна.

Съедены крупы, забыта сгущенка,
Куртка – пугать в огороде ворон.
С Белой Луной, как всегда, напряженка,
Черная – здравствуйте! – встает на Хирон.
Столько прорех! И двойной неудачей
Это грозит: гороскоп – хоть куда!
Так что – адью! санатории-дачи,
Так что – привет! корабли-поезда.
Лето такое – упасть и заплакать:
Мягкое, тихое, солнце с утра...
Море и розовых персиков мякоть
Я увидела... во сне лишь вчера.
Пусть просыпаться потом не хотелось
И говорить о несбыточном сне,
Только мечтать – окаянная смелость –
С силой двойною открылась во мне.

И в рядах китайских я вполне
Осознала истину... Короче,
Если выбираешь по цене,
Значит, не получишь то, что хочешь.

Светлане

Под желтым шелком сентября
Я схороню свои печали –
Мне это звезды обещали,
А звезды движутся не зря.
И пусть мудреный гороскоп
Я не пойму – поверю, значит,
Что смоет дождик неудачи

И охладит горячий лоб.
Пока же я легко мирюсь
С безденежьем и неустройством –
Восполню счастьем и геройством,
Когда звезды своей дождусь.
Когда других измучит грусть,
Заставит их смотреть на звезды
И вспоминать июльский роздых.
...Под желтым шелком сентября.

Давай поговорим о жизни,
Не о деньгах-дороговизне.
Пускай веселый дождик брызнет –
Он тоже хочет в разговор.
Давай о счастье, о природе
И о загадочном народе
Во глубине тибетских гор.
Тепло, совсем по-человечьи,
Сирени шепчут и лепечут,
А дождь свои заводит речи...
Поймай дождинку на ладонь!
Нет, про политику – ни слова,
Она – священная корова,
Ее, пожалуйста, не тронь.
Пускай живет себе столица!..
Как про столицу – сразу злиться!
Ты лучше посмотри на лица –
Они экранных лиц добрей.
Ни колготни, ни мордобою...
Давай поговорим с тобою,
Чтоб все плохое – из дверей.

Июль

Триолеты

1

С утра на Северных жара:
Пусты дворы, закрыты ставни.
И тянет чем-то сладким, давним...
С утра на Северных жара.
И безответна конура:
Напрасно мальчик целит камнем.
С утра на Северных жара:
Пусты дворы, закрыты ставни.

2

На старый дом и огород
Гляжу я с нежностью дочерней.
Они прохлады ждут вечерней,
И старый дом, и огород.
Две остановки – и завод,
Но все мне кажется деревней.
На старый дом и огород
Гляжу я с нежностью дочерней.

3

Так лето ворожит опять,
Зеленое и золотое,
Что детство вновь со мной – живое.
Так лето ворожит опять...
Его тепло и благодать
Приму за солнце проливное.
Так лето ворожит опять,
Зеленое и золотое.

1

На Бульварной дикая трава.
Тишина – ни грохота, ни гула...
Хорошо, что я еще жива,
«Хладным сном могилы» не уснула.
И откуда морок этих строк?
Это наважденье, окаянство?
Носит предвечерний ветерок
Запахи капусты и лекарства.
Тишина, конечно же, нужна
Тем, кто возвращается оттуда,
Где так смерть загадочно нежна,
А простая жизнь – подарок, чудо.
Слушать перебранку воробьев,
Перестук недалежного трамвая.
Верить в силу поздних слез и слов,
Видеть, как трава растет живая.

2

Жизнь была ударной ли, угарной,
Пролетела – горевать-то что ж!
В доме, что по улице Бульварной,
Не спеша судьбу свою итожь.
Измеряй больничную аллею
Думами, количеством шагов.
Наблюдай, как души здесь светлеют –
Это от недалежных облаков.
Ну, а что окажется в итоге,
Всем давно известно наперед.
Это, перво-наперво, о Боге:
Волен он, захочет – заберет.
А вторая мысль больней стократ:
Кто же будет поднимать ребят?

На Тарской наложение времен:
В дверях приткнулась нищенка в кроссовках.
На лики, что глядят со всех сторон,
Девчушка в джинсах крестится неловко.
Электросвет идет от царских врат,
Колеблет воздух пламя тонких свечек.
О чем-то просит стриженный солдат,
И женщины подрагивают плечи.
И, вероятно, видно там, с небес,
Как голуби воркуют за порогом,
И ожидает длинный «мерседес»,
Пока крутой договорится с Богом.

То, что ночью болело, под утро растает.
Беды – что мне,
Если золотом снова над миром сияют
Две часовни.
Надо только пройти по невидимой кромке
Дня и ночи.
Надо только увидеть над тихою Омкой
Город отчий.
Сколько было попыток уехать, расстаться,
Кануть камнем.
Но без этих сиреней и этих акаций –
Ну куда мне?
Без проулков, проспектов мне этих не выжить.
Как без чуда...
Что мне делать, когда от подонков и выжиг
Станет худо?
Только город излечит и блеском, и гулом...
Связи кровней
Не найти... Над судьбою моей караулом
Две часовни.

Где ты бродил, где скитался в космической темени,
Что ты искал в беспредельных прекрасных мирах?
Горько, что мы разминулись с тобою во времени,
Пусть не в веках, но страшнее еще, что в годах.
Мне объясняться с тобою нелепо и боязно,
Не оборву, но в ответ промолчу, отвернусь.
Пусть же заглушат колеса случайного поезда
Речи твои и мою безнадежную грусть.
Север, вокзал...

За вокзалом метель беспредельная.
Края земли удалось нам с тобою достичь.
Что же, простимся под этими низкими елями.
Будущей встречи смотри, как беды, не накличь.
Вольно молчать на краю мне и вольно дурачиться.
Что мне на память?

Конечно же, с неба звезду.
...Северных глаз холодок, голубой до прозрачности.
Да, я мудрее, поэтому первой уйду.

Мартовский снег и тоска по любви...
Это все было, все было когда-то.
Как я бывала щедра и крылата,
Как ощущала горячность в крови.
Мартовский снег и дорога домой,
Как на Голгофу...
И это все было.
Как я бывала скупа и бескрыла,
Как ненавистна себе же самой.
...Мартовский день утопает в снегу.
Что же за снегом: усталость, бессилье
Или же сильные, новые крылья?
Я ничего разглядеть не могу.

Домик в лесу или царские, может, хоромы,
Теплый залив или юрта в просторной степи.
Вспомни меня, ведь когда-то мы были знакомы,
Вспомни меня, не держи ты себя на цепи!
Ведь не случайно нас так прибывает друг к другу,
Годы проходят, и время, увы, на закат.
Мы не расходимся, нет, мы все ходим по кругу,
Чтоб неизбежно сойтись, как столетье назад.
Всё о погоде, политике, дороговизне,
Нам ли про это, когда так в груди горячо.
Помнить тебя не мешают века мне и жизни.
Вспомни меня, дай уткнуться в родное плечо.
Или опять узнавать по движенью, по звуку
(Сколько судьба нас сводила, а все не пойдем!),
Или опять все ходить и ходить нам по кругу
Вместо того, чтоб уснуть и проснуться вдвоем.
Думаешь, я не пыталась забыть тебя с кем-то.
Деток рожала и в верности даже клялась.
...Каждую ночь в небесах расцветает комета,
Разве мы можем нарушить небесную связь?
Вспомни меня, ведь когда-то...

N.

1

...Чего мне еще? Ведь у нас на двоих
На Северных детство и общая школа.
И все-таки пусть осторожный мой стих
Взорвется неистовой силой глагола.
Люблю! Через годы, а может, века.
Кто знает, какую мы жизнь проживаем!..
Пространственный ветер гудит у виска,
И кажется космос усталым трамваем.

Когда-нибудь, может, доставит он нас
Туда, где свободны мы будем с тобою.
Не страшно, что это не здесь, не сейчас.
Пока же любовь я до срока укрою
В лесу, и в реке, и в цветах, и дожде.
Нет места в душе ни тоске, ни обиде.
Любовь моя будет всегда и везде,
Но так, чтоб один ты умел ее видеть.

2

Все суета, опилки, блажь,
Когда приходит вдохновенье...
Люблю десятый твой этаж
В день позолоченный осенний
(Как, впрочем, и в любой другой)
За близость к облакам и птицам,
За то, что мир – с листвою, травой –
В твоих работах отразится.
Береза или бузина,
Сухой цветок под снегопадом –
Да это я вознесена
Твоей рукой и цепким взглядом.

Ты однажды пойдешь по следам,
По проулкам моим, тупикам,
Не спрашивая прохожих.
Открывая на те же звонки,
Те же люди коснутся руки
В тех же узких и тесных прихожих:
– Да, конечно, она здесь была!
(И тебя отразят зеркала,
Как меня отражали когда-то.)
– Но искать ее надо не здесь.

Где сейчас обитает? Бог весть!
...И поклонись ты виновато.
Из подъезда – в подъезд, и опять:
– Да, она здесь любила бывать,
Но ее мы давно не видали.
Что, скажите, вас гонит за ней?
Но, угрюмо шагнув из дверей,
И себе ты ответишь едва ли.
То под ливнем,
То в снежной пыли
Буду я то вблизи,
То вдали,
То мелькну на площадке трамвая,
И упорнее день ото дня
Ты разыскивать станешь меня.
Не любя, но уже узнавая.
Как запутаны наши следы!
Не молвы я боюсь, не беды
И не встречи неотвратимой.
Заклинаю издалека,
Чтоб меня не настиг ты, пока
Я не стала твоею любимой.

Монолог

Романса старого мотив,
И губы обжигают руку.
Давай знакомиться, забыв
Двадцатилетнюю разлуку.
Не надо перечня потерь –
Пускай горит, чтоб нам согреться.
...Покрепче чаю? Как! Теперь
Ты опасешься за сердце?
А я свое не сберегла –
И ты мне в том помог немало:

Накуролесила со зла
И до сих пор не расхлебала.
Теперь измена или ложь –
Не взорвалась бы так, как раньше.
...Нет, нет – не надо, не тревожь
Глубинных вод обид и фальши.
Давай считать, что мы едва
Знакомы – первое свиданье.
Неосторожные слова
И осторожные касанья.
Цветы, стихи, и страсть, и пыл,
Но портит все (я так и знала!)
Предначертание финала,
Который – что ж! – однажды был.

Нет дождя. Только тучи темней и темней,
Только солнцу труднее пробраться меж ними.
...Где-то в кроны деревьев и гривы коней
Вплетены серебристые тонкие нити.
Где-то скользкий обрыв над прохладной рекой,
На песчаной дороге – прогретые лывы.
И легко научиться – весь мир под рукой –
Быть счастливым.

Средь кирпичных громад не пасут лошадей.
И к машинам, и к людям подходишь с опаской.
Только утро туманно от ближних дождей,
Только сон разрисован зеленою краской.
А никто ведь тебя и не брал под арест,
Не учил недомолвкам, словесным извивам.
Но живешь и живешь недалеко от мест,
Где бы мог, но боялся остаться ...счастливым.

То в небо – то в травы: дурнушка – красавица.
Такие качели мне с юности нравятся.
А что же поделать, коль я переменчива:
То плачу взахлеб, и бледна и застенчива,
То дерзкий огонь вдруг во мне загорается.
Любимый вздохнет:

– Ты сегодня красавица.

А разве природа с жарой и метелями
Не кажется вам озорными качелями?
Я это к тому: пусть запомнит соперница,
Что тысячу раз еще все переменится.

Еще поляны в солнечных каплях,
Дожди и листопады далеки.
Люблю жару, ее горячий запах:
Смолы в бору и рыбы у реки.
Цветут на коже солнца поцелуи,
Пуускай болят – я не ударюсь в плач.
Люблю жару, короткую и злую, –
Недельки две – и снова влазить в плащ.
Все эти дни горю и не сгораю,
Гоню себя под солнечную плеть.
Люблю жару – в себя ее вбираю,
Чтоб сны твои январские согреть.

Божий подарок и царская милость!
Жизнь, ты со мною сполна расплатилась –
Летом зеленым, и блеском, и плеском,

Таволгой белой по перелескам.
Старое вспомнить – еще окривеешь.
Верю, что ливни веселые – мне лишь.
Мне лишь – любви молодой наважденье,
Сердца дрожанье и счастья рожденье.

Последние июльские деньки...
Живу – как пью, – не торопясь, отныне.
Уже горят настурций огоньки –
Еще не время полыхать рябине.
Еще легка ночных деревьев дрожь,
И сердце не печалится о Боге...
Уже немало прожито, и все ж
Еще не время подводить итоги.

Мне ли с тобой говорить о подарках.
Я не держу за любовь наши встречи.
Просто открылась небесная арка,
Просто дохнуло теплом человеческим.
После весны, затяжной и холодной,
В жаркое лето не верилось даже...
Просто в судьбе моей, трижды неладной,
Только пропажи, пропажи, пропажи.
Вот и находка, и я дорожу ей.
Но возвращаю владелице честно
И выбегаю, как в юности, пулей
Прямо под ливень, тяжелый, отвесный.
Вымучат, вылечат поздние грозы
И от любви, и от тайного гнева...
Ты подари мне не желтые розы –
Молнию – ветку небесного древа.

Жизнь моя, она – лодка в два весла,
А не крейсер.
Хорошо-то как, что судьба вела
Мимо кресел.
Что хочу – пою, где хочу – топчу
Эту землю.
Есть надежный враг – без врага-то как? –
Пусть не дремлет!
Не солги, не трусь, не сверни с прямой –
Друга зорче.
Мне сражаться с ним – как с собой самой –
Больно очень.
То хожу с сумой, то сорю деньгой,
Как придется.
Жизнь течет рекой и горит звездой
Из колодца.
Час придет – во тьму – так тому и быть –
Лодка канет.
Долгим эхом мне над землей не плыть –
Не «Титаник».

Гроздья рябины еще зелены,
Но выделяются в зелени лиственной.
Только на шаг отошли от весны –
Осень готовит горящие истины.
Чтобы который уж век, но опять
Нас поражать быстротечностью времени.
Звезды гасить, но леса зажигать,
Чтобы совсем мы не сгнули в темени.
Славно тому, кто на юге живет!
Мы же философы прямо с рождения.
Что там мелькнуло вдали – самолет
Или же времечко наше осеннее?..

Памяти друга

Жизнь отгорит полоской алой,
Степной полынью отгорчит...
Запомните меня усталой:
Ноябрь, мороз, опять бронхит.
Чуть ироничной, чуть надменной,
Не очень падкой на успех,
Порой излишне откровенной
И все ж закрытою для всех.
Запомните мою жилетку:
В нее стекло немало слез.
Мою случайную пометку
И долгий разговор всерьез.
Не безмятежной, не безгрешной,
Не знавшей сердца своего.
А кто меня запомнил нежной,
Уже не вспомнит ничего...

Зачем гадать нам: что да как –
Ушло, остыло.
Хоть глас небесный, звездный знак –
Все было, было.
И не на жизнь, себя губя,
Любила на смерть,
И задыхалась без тебя,
Как будто в астме.
Но проза жизни нас сильнее.
Ах, эта проза!
Она-то знает: от любвей
Не много прока.
Ведь есть еще работа, дом –
Тазы-иголки.

И это все вдруг кувырком?..
Да – на осколки?
Любимый, некого винить,
При чем измена?
Мы с двух сторон обрежем нить
Одновременно.
Стареть, мудреть и не сходить
С ума от боли
Сумеет... Чтобы ночью выть,
Как зверь в неволе.

Тот придурок, а тот повеса.
Этот нищий, а тот... Позволь!
Ты не Золушка, не принцесса,
Ты не Сольвейг и не Ассоль.
О свеча! О хрусталь искристый!..
Если замуж пришла пора,
Есть монтажники и таксисты,
Педагоги и доктора.
Выбирай одну из тропинок,
Чтоб как надо было потом:
Стирка-глажка, бутик и рынок,
Ателье, неплохой роддом...
Что тебе в неземной, великой:
Море, замок, охапки роз.
Ты под мачехой походи-ка,
Ты ослепни в горах от слез.
Не реви пред огнем в испуге,
Голой ручкой крапиву рви.
Звезды – после, сперва – лачуги.
Что тебе-то в такой любви!

Памяти Елены

Я эту девочку запомнила
Чуть угловатой и простой.
Она сама себя заполнила
Почти небесной чистотой.
Еще обид и бед не нажито,
Неясно, что такое ложь.
Я думала о ней: так как же ты
На этом свете проживешь?
Ее несло, но не коверкало.
Ее встречая, я потом
Подолгу не смотрела в зеркало,
В глаза, подернутые льдом.
Банально: жизнь – всего лишь веточка,
Сломить – придурку по плечу.
...Она погибла, эта девочка,
А как, и знать я не хочу.
И так черно все: роща летняя,
И облака, и небеса.
Всё. Фотография последняя.
Чуть виноватые глаза.

Они Россию убеждают
В любви до гроба.
Они с надрывом уезжают:
Здесь мрак и злоба.
Они по Невскому тоскуют,
По Малой Бронной.
Они восторженно токуют
В тоске вагонной.
Для них Россия – электричка,
Поселок дачный.

У них счастливая привычка –
Страдать удачно.
И каждый съехавший – мессия,
Вещает грозно.
Им вслед глубинная Россия
Глядит бесслезно.
Ей, давшей им перо и имя, –
Зубовный скрежет?

Живет, не понятая ими,
И зла не держит.

Как душа устроена хитро!
Радуюсь я запаху полыни
И храню жетончик на метро
В городе, где нет его в помине.
И готова полететь вослед
Моту, алкоголику, бродяге
Только потому, что он – поэт
И возводит замки на бумаге.

Маше

Тебя тащил по выставке поток
Меж каланхоэ, туй и диффенбахий,
Но ты нашла свой аленький цветок,
Чтоб, одолев все горести и страхи,
Счастливой и любимой стать смогла,
Ведь волшебство – надежнейшее средство.
Пускай теперь на краешке стола
С компьютером стоит он по соседству.
Пускай твои секреты он один

Хранит, их никому не выдавая.
Зари вечерней капелька живая...
А в общем-то, обычный бальзамин.

Он секретарь, а не волшебник –
Подскажет и забыть не даст.
Суров и точен ежедневник,
Вот на стихи он не горазд.
И не заполнена страница,
Где записать хотелось мне:
Попасть под дождь, опять влюбиться
И не проспать звезду в окне.

Как он спорит, горячится,
Доказать мне что-то тщится,
Но прикидываю я:
В сыновья мне не годится,
К сожаленью, и в мужья.
Бог с ним, что проходят годы!
Но жалею я о том,
Что толкую про свободы,
Про законы и народы
С этим славным мужиком!..

Луны ли сатанинский глаз,
Крик петуха ли на рассвете...
От одиночества, что в нас,
Нас не спасут мужья и дети.

Любви познаешь забытьё
И радость нового знакомства,
Но одиночество мое –
Проклятьё, таинство, короста –
Мне не избыть, и всякий раз
Я убеждаюсь: пусто, пусто...
Оно, должно быть, старше нас,
Космическое это чувство.

«...простить вас я никогда не могла».

И. Бунин. «Темные аллеи»

Ты меня погубил, как сказали бы где-то в десятых,
До того, как все смял и оплавил 17-й год.
Как я гибла тогда в предвесенних снегах синеватых,
Как боялась: не ты, а беда постучится вот-вот.

Так и вышло. Но я, ни о чем уже не сожалея,
Все живу с той обидой, надежно запрятанной вглубь.
Только все не кончаются темные эти аллеи,
Только все не изжить этой мартовской памяти губ.

Не встречала никогда еще
Дорогих таких гостей:
Это дождик, рассыпающий
Бисеринки из горстей, –
Как прекрасны речь его
И прозрачное крыло!
Это ветер переменчивый,
Обещающий тепло.
Это тот, кого и знаю-то

Так недолго.
Ну так что ж!
Только б сердце было занято,
Ведь с пустым не проживешь.

Последний майский дождь. Последняя любовь.
Когда уже давно все тучи над тобою.
Когда уже – свои амбиции убавь,
Не страстью дорожи, а тихой теплотою.
И можно под одним зонтом брести вдвоем.
Не много говорить, а понимать так много.
И не горит уже – рвануть за окоем,
А, глядя в небеса, глазами ищешь Бога.
Последняя любовь, свети, не уходя,
Готова и в полон, и к непосильной дани.
Хватаюсь за тебя, а ты – струя дождя,
Которую никак не удержать в ладони.

Дождь идет, распустилась верба.
Будут радуга и трава...
Значит, выпустит птиц, наверно,
Май из зелена рукава.

За окнами – безумный век,
Уставшие от гонки лица.
А в тишине библиотек
Шуршат премудрые страницы.
И понимаешь все острей,
Что не такие передраги

Прошли над Родиной моей,
Да лишь остались на бумаге.
Пройдут и эти...
Надо жить,
Ценить любви прекрасной миги,
Улыбкой друга дорожить.
Читать, но не газеты – книги.

Со мной давно так не играли!
Включусь охотно, чтоб опять
И взгляды, полные печали,
И знаки тайные читать.
И отвечать, не отвечая,
На не прямой вопрос.
И пусть
Не холодна, не горяча я,
Но не поддельны смех и грусть.
Приятно вновь пройти по краю,
Но не страдать и не сгорать.
Тебя-то я переиграю,
Себя бы не переиграть!

Что ты о любви да о любви...
Не вздыхай и вслед мне не смотри.
Так мальчишка тянется рукой
К новенькой игрушке заводной.
Но пружинка тайная внутри
Выскочит – и вся ладонь в крови.
Есть такая в сердце у меня,
Так что ты себя побереги –
Вдруг ударит – болью полоснет,

Вдруг моей пургою занесет.
Я сама-то след былой пурги.
Отпылала – не ищи огня.
Что ты: подожду да подожду,
Словно «подожду» да «подожду»!

Чем занимаюсь. Бог ты мой!
Чужие рукописи холю,
Сражаться с глупой клеветой
Саму себя – зачем? – неволю.
Хотя на бесов с их игрой
Смотреть бы надо безучастно.
...А лето – только дверь открытой –
Оно огромно и прекрасно.
Судьбы подарок! Благодать
Касается лица лучами.
Вот всю себя бы им отдать
И с обожженными плечами –
В волну, а после – на песок,
В травы ли плотное плетенье.
И тонкий птичий голосок
В лесу принять за откровенье.
Пора, мой друг, давно пора
Отдать себя любви, простору.
... Тоска по счастью так остра,
Что плакать в пору.

Легко восторженным натурам.
Я с ними, хоть не по годам.
Бор прячет солнце утром хмурым –
Оно разлито по стволам.

И первой птицы голос робкий,
И чуть сиреневый репей...
А что бутылки и коробки –
Они не видят, хоть убей!
И вызывает раздраженье –
Не жизнь, какое-то скольжение.
И всем и вся наперекор,
Не взгляд – потусторонний взор.
А, впрочем, нам-то что за дело!
Сосна за облако задела,
Ударив шишкой золотой...
Возьму-ка я ее с собой!..

На лицах отблески огня,
В костре потрескивают сучья...
И нежно смотрят на меня
Большие звезды Чернолучья.
Я возвращусь когда-нибудь.
Здесь пахнет все сосной и детством.
Я только здесь могу вздохнуть
Легко и в жизнь свою всмотреться.
Она летит в чаду, в бреду,
Как сладить с ней, скажи на милость?
Но я вернусь.
Найти звезду,
Что прямо в бор сейчас скатилась.

И что сейчас ни говори я,
Слова напрасны и мертвы.
О чем задумалась, Мария,
Среди нетронутой травы.

На свете нет дороже дара,
Чем эти тихие места.
И что читаешь ты, Варвара,
В прожилках темного листа?
Что видишь ты, Анастасия,
В текущем зеркале реки?
Три девочки, одна Россия,
Одна мольба: убереги,
Господи!..

Под горку лето – все идет к разору.
Земля все жиже, небеса – все гуще.
Горчащий запах бархатцев цветущих
Преследует меня об эту пору.
Печаль во всем – и в поредевших кленах,
И в беспросветных вечерах... Утешить
Мне сердце нечем, будто бы вся нежить
Из уголков восстала потаенных
Лукавить и нашептывать на ухо,
Что смерть прекрасна в цветовом смешенье,
В шуршанье, шелестенье и скольженье
Красавица – не древняя старуха.
Подамся я на шепоток невольно:
Исчезнуть, раствориться, затеряться...
Подумаю: уйти не так уж больно,
Больней остаться.

Смотрю на речку и на тучку
И на полыни серебро.
Пора сменить мне авторучку
На сорочиное перо.

Пока еще не август даже
И солнцу с неба жаром течь.
Пока еще лесной овражек
От ветра сможет уберечь.
Зимой сидеть у книжной полки
В предощущении хандры...
Подергать бы костра метелки,
Как мальчугана за вихры!
Скорей туда, где гомон птичий,
И мысли, и слова просты!
Еще доноем и дохнычем,
Доспоримся до хрипоты.

Росчерк дождя на плаще, на лице ли.
Счастье – идти по дороге без цели
И забредать то в лесок, то в хлеба...
Счастье – не думать: призванье, судьба,
Не проводить никаких параллелей.
Росчерк дождя на цветке, на листе ли –
Счастье!..

Пишу, как живу, а пора по-иному.
Иная дорога проложена к дому,
Иные тома на рабочем столе,
И время иное уже на земле.
Пишу, как дышу, а ведь надо – как мыслю.
Любовь и рассудочность – на коромысле.
То слева, то справа мне в сердце плеснет.
И хочется мне – до небесных высот.
Но тянет в знакомую зелень травы,
Где в «ты» переходит холодное «Вы».

Август сыплется крошкой росной
Все к ногам моим и к ногам.
Привкус жизни опасно-взрослой
По губам.
Я влюбленность в своей тетради,
Словно грех, таю от людей.
Лето кончилось так некстати –
Жди дождей.
Что там в будущем – тьма ли, свет ли?..
В город надо бы из глуши.
...Юность дальняя, хоть помедли,
Не спеши.

Ах, лето-птица! Только взмах,
И запропало где-то...
Опять не топлено в домах,
Ни денег, ни привета.
И ни письма, и ни звонка,
Зато простуда – на те!
Зато осенняя тоска
В великолепном платье.
Сравнить бы с возрастом.
Давно
Проторена дорожка:
Слеза дождя... В душе темно...
Но погожу немножко.
Пусть дождь стекает со стекла,
Светла душа моя, светла.

Царственный цвет – отраженье зари,
Ветер боится коснуться их резко.
Если боишься ослепнуть от блеска,
То на шафраны пореже смотри.
Нежные краски – они для весны
Или для лета, покуда в начале.
Кадмий и охра еще не нужны.
Осень и золото – праздник печали.
Скоро опять по дождям и снегам
Ехать, брести... черно-белые краски!..
Ну а пока – компенсация нам
И эта щедрость – цветенье по-царски.

Руку отдернуть!.. Впрочем,
И не рвалась за грань я.
Запах осенней ночи –
Страсти и умиранья.
Тянется запах дыма,
Горечь забила горло.
Знать бы тогда: любима,
Я б не ушла так гордо.
Помню: душа в осколки
После второго шага.
Лиственницы иголки,
Мягкие, как бумага.
Дождичка легкий росчерк,
Привкус золы и соли.
Запах осенней ночи:
Если не смерти – боли.

Осенью коротко дождик не льет,
Если начнется, то сыплет подолгу.
Не обижайся, что дни напролет
Я все печалюсь себе втихомолку.
Жизнь, как известно, она не проста,
Все пролетает то в гуле, то в звоне.
Жаль мне, что славного слова «мечта»
Больше не сыщешь в моем лексиконе...

Бреду, куда глаза глядят,
Уставшие от многоточий...
Зайду в полузабытый сад,
Который тихо кровоточит
Листвою яблонь и рябин...
У искореженной беседки
Гуляет грустный гражданин
Да сигареты прячут детки.
Запущенный, в конце концов
Сад заняла трава дурная.
Заглянет гражданин в лицо,
Как будто бы припоминая.
И, зябко кутаясь в пальто,
Он вспоминает чьи-то лица.
Нет, не встречались!.. Впрочем, кто
За это может поручиться.

У каждого свой путь во тьме.
Судьба толкает нас: иди же!
А что лежит в твоей суме:
Кусок на завтра, пара книжек?

Смотреть вперед – напрасный труд.
По сторонам – не стоит тоже.
Смотри вперед – там листья жгут,
И там не станем мы моложе.

Учитель, воспитай ученика...

Е. Винокуров

Учитель, воспитай ученика,
Прими в плечо все горести и боли
И за руку веди его, доколе
Не станет твердой юная рука.
Не доживи лишь до поры такой,
Когда, сверкая пестрым опереньем,
Твой ученик, не мучимый сомненьем,
Тебя отхлещет этую рукой.

Не надо говорить умильно
О тех, кто нынче «наверху».
Любая власть – она давитьня
И точно знает, кто is who.
И дребезжит, как будто зуммер,
Напоминанье о тшете:
Антисоветчик ярый умер
В привычной нынче нищете.

К вопросу о реинкарнации

Я деньги, видать, поистратила в прошлом.
В угоду желаньям, наивным и пошлым.
От сладкого губы слипались, наверно,
И новых нарядов хотелось безмерно.

А также браслетов, колец, ожерелий...
И нищие с тихим упреком смотрели.
За это теперь я наказана крепко:
На сладкое – только морковь и репка.
И влезть в долги положенье неволит,
И книжка о карме глаза мне мозолит.

Шорох, шелест, шлепанье дождя.
Бродит он, шафранов не сминая.
Шляпкою небесного гвоздя
Кажется мне звездочка ночная.
Осень – невеселая пора,
Время умираний и падений.
И горька, почти до слез остра
Радость неизбежных возвращений.
Холодком встречает светлый лес,
Больше не звеня, не хороводя.
Будто бы и мы сошли с небес,
Как снега ежеосенне сходят.

Лава стекает ли, волны ли мечутся,
Здания рушатся, лес ли горит –
Мама страдает за все человечество,
Словно в окно, в телевизор глядит.
Будто не где-то за дальними далями –
Бунт, катастрофа – в соседнем дворе.
...Тянет по кухне сердечными каплями
И сквозняком от наружных дверей.
Можно инфарктом пугать и примерами
Сыпать – в ответ лишь качнет головой.
Мамино сердце пугает размерами,
А вот свое – глухотой.

Спасибо всем обидчикам, спасибо,
Без них бы вовсе не писала, либо
Журчала бы строкою, как водой.
Спасибо всем врагам моим зловредным,
Грехам, ошибкам и полушкам медным,
Что принимала я за золотой.

Предновогодний сумрак синий,
И все на свете, как всегда.
На елке в сквере – тонкий иней,
На нашей, комнатной, – звезда.
Но он истек, наш век двадцатый.
На мир, как будто незнаком,
Не с деревенского крыльца ты,
Скорей из космоса глядишь.
И впечатляют космодромы,
И вдохновляет Интернет.
И рифма-дурочка некстати
С тобой сегодня говорит.

Но пусть на краешке прогресса
Приткнется елочкой из леса –
Поэзия.

Что-то зацепит вниманье, мелькнет
И растворится.
Как это больно, все дни – напролет,
Даты и лица.
Радостью детскою, долгой тоской,
Встречей под снегом
Вымолить день бы один.
Но такой –
Сравнивать с веком.

Памяти Т.М. Белозерова

Над полем облако стоит – вздеть бы руки –
Престол Господень, невзначай открытый взглядам.
Впервые думаю легко о старшем друге.
Пятнадцать лет, как нет его – все пусто рядом.
И если есть на небе рай, то этим полднем
Его душа должна парить над этим полем,
Поскольку в жизни не был он ни злым, ни подлым,
А в смерти медленной его так много боли.
Мой старший друг – он понимал шептанье сосен,
Прикован к городу, а сам деревней болен.
И зябко мне, хотя еще не скоро осень,
Еще не скоро спрячет снег вот это поле.
И сколько мне еще стоять, на небо глядя,
И ожидать: хотя бы знак какой-то свыше.
И ходят в небе облака – листы тетради,
И, может быть, мой старший друг на них и пишет.

Мне этот лес не для добычи,
Мне хватит пары земляничин
И одинокого груздя.
Тысячелистника, ромашки,
Жучка на старенькой рубашке
И развеселого дождя.
Пускай он мне щекочет спину,
Пускай загонит всех в машину,
Внезапно кончится, и вот:
Нет ни обиды, ни заботы.
Лишь термос с чаем, бутерброды
И в легких перьях небосвод.

Летняя колыбельная для Маши

У березового колка,
Где тропинка и стожок,
Слышишь, Маша, – перепелка,
Чуешь – сладкий запашок.
Это тянет земляникой,
Не садовою, а дикой.
В небе чисто, как в раю.
Спят распаренные грозы...
Надышись на все морозы
И под пологом березы –
Баю, девочка, баю...

Августовский романс

Зачем мне этот сон? Зачем Вам было сниться,
Когда предрешено и устоялось все.
И дни мои теплы, как пальцы в рукавицах,
И если жизнь – езда, меня в ней не трясет.
Зачем мне этот сон, где скверик предосенний,
И бархатцев огни дождю не погасить,
И где слились в одну две дерзких наши тени,
И нечего желать, и не о чем просить.
Зачем мне этот сон с его смешным финалом?
Но тайный смысл его откроется не вдруг:
От яблок не ступить, они лежат – навалом,
И августовский дух идет от Ваших рук.
Я в новый день сорвусь, все лишнее отхлынет.
Пусть август ворожит, но не обманет он.
Вот только не смогу на Вас смотреть отныне
По-прежнему легко. Зачем мне этот сон?

Маше

Закончен август. День последний
Пригубь – и об пол, как бокал,
В котором пенный ливень летний
И жар полуденный вскипал.
Ах, лето, лето! Смолк твой голос,
Хоть звал в леса еще вчера.
Как знак прощанья гладиолус
Алеет гордо из ведра.
Его сегодня купят точно,
А завтра, что ж, удел таков! –
Он будет в заросли цветочной
Дуреть от шума и звонков.
Грядущую тоску о лете,
Не осознав еще вполне,
Мы вслед ему кричим, как дети:
Прощай и помни обо мне!
Дурачимся ему вдогонку,
Забыв про норы зимних вьюг.
А лету больно, как ребенку,
Которого оставил друг.

Осень над городом кружится плавно,
К небу протянута желтая нить.
Что говорить! Воевали мы славно,
Время итоги уже подводить.
Сердце обидой и гневом горело,
Стяги, как надо, вились на ветру.
Толпы болельщиков!.. Славное дело
Жить – на миру, умирать – на миру.
Столько истоптано летних полянок –
Сердце скорбит по траве и цветам.

Что ты глядишь, как осенний подранок?
Хочешь, победу без боя отдам.
Я ни тебя, ни себя не жалела,
Меток был каждый удар и весом,
Но проиграла, когда проглядела
Горькую нежность за острым словцом.
Сколько же лет мы с тобой потеряли!
Может быть – страшно подумать – судьбу.
Осень. С деревьев слетают медали
Тешить толпу.

После лета... не хочу метафор:
Грусть и дождь, как слезы по стеклу,
Тянет, как нелепого жирафа
К солнцу, – к старой дружбе и теплу.
После лета встречу я усмешкой:
Ну кому он новость – листопад,
Инея кристальная меретка
И почти чужой остывший взгляд,
Мокрые проулочки кривые...
Разметало сказки, как листву!
После лета – снова и впервые –
Как сумею, так переживу...

О чем ты плачешь, август мой?

1

Не унывая столько дней,
В лесах бродили мы подолгу.
Но дождь, болтая без умолку,
Измучил верностью своей.

Я выйду ночью.
Влажной тьмой
Пройду на ощупь до калитки.
Спрошу я, вымокнув до нитки,
О чем ты плачешь, август мой?
Какая тайна не дает
Прожить тебе свой век безбедно?
Но мне в ладони безответно
Лишь пара капель упадет.
1978 г.

2

Как будто дунуло зимой,
Как будто память занозило...
«О чем ты плачешь, август мой?» –
Когда-то я тебя спросила.
О чем же плакал ты тогда,
Так горестно и безутешно?..

Но плыли белые суда
К какой-то пристани нездешней.
И на обрыве не одна
Я вслед махала им счастливо.
И только вечная весна,
Казалось, мне тогда светила.
А, впрочем, старые дела!
Они давно уже под толщей
Обид, которым нет числа,
И я смотрю на вещи проще.
И, кстати, мне пора домой –
Весь вечер я с тобой кукую.

...О чем ты плачешь, август мой,
Не отпуская ни в какую?
2006 г.

Потоки грязи, суета, скольжение...
Угрюмый проблеск будущего дня.
И утреннее саморазрушение
Который раз преследует меня.
Я втянута в какой-то круг порочный,
Накрыта злобной сумрачной волной.
Все для того, чтоб только в час урочный
Казенный стул чуть скрипнул подо мной.
Попрыгав, и побегав, и потопав,
Не о маршрутке Господа молить.
О Господи! Где все твои потопы,
Чтоб этот город безобразный смыть.
Пускай Земля меж двух цивилизаций
Подремлет: ветерок и волн игра...

А вечером так просто улыбаться,
Как просто невозможно по утрам.

Под снегом

...И все утонет в этой замети,
Нет ни заботы, ни долгов.
Я только вытяну из памяти
Тропинку между двух дворов.
Она была ужасно узенькой –
Не хочешь, да коснешься плеч.
Она была прекрасной музыкой
Наивных слов и первых встреч.
Потом все будет как положено:
Стихи сложу и дочь рожу,
Но никому так замороженно
Уже в глаза не погляжу.
Пусть будет много и хорошего:
Удача пусть, известность пусть.

Но не качнусь я в снежном крошеве
И от земли не оторвусь.
И если только город полночью
Накроет снега пелена,
Я буду нежностью девчоночьей
И тихой радостью полна.

Время сжигает в небесных печах
Все без остатка.
Только в стихах и осталась печаль,
В старых тетрадках.
...Зябко под снегом в шали расписной
Полночью зимней.
Пусть мы увидимся только весной –
Слышишь? – звони мне!
Маленький город. Пусты и тихи
Залы вокзала.
Странно самой мне, что эти стихи
Я написала.
Странно самой, что любовь и тоска
Были моими.
Имя хотя бы в золе отыскать,
Имя бы, имя!..

Завтра будет завтра. А сегодня
Сельская дорога, серый день.
Снег идет все гуще, все свободней,
Прячет силуэты деревень.
Все потом – сегодня перелески,
Из-под снега – желтая стерня.
Да забытый воздух деревенский,

Да сорок веселая возня.
Да автобус, «Спас нерукотворный» –
В общем-то, дешевый календарь.
Но душе легко и непритворно:
Не солги, не выдай, не ударь!..
Ни любви, ни нежности не надо,
Ни почета, никаких даров –
Только это чудо снегопада,
Чистый усмиряющий покров.

Учить, лечить, плесть кружева,
Шить, изучать зверей и травы...
Но жизнь я трачу на слова –
Оправданы ль такие траты?
Я, как последний идиот,
Сижусь, слова в столбцы сбивая.
Да, знаю: слово в бой ведет,
Нежней цветка, сильнее трамвая.
Оно погубит и поможет,
Но точит червь: и все же, все же...

А может, сердце зря корит
Себя и не находит места:
Звезда с звездой – говорит,
Душа с душой – говорит,
Не объясняется на жестах.

Какая славная стезя!..
Взращенная под звуки горна,
Я выросла такой упорной,
Что даже высказать нельзя.

Чтоб получился человек
Не абы как, а наш, советский,
Старались школа, и Артек,
И странноватый Чернышевский.
Умри, но без любви не дай
Ни поцелуя, ни копейки.
Любовь – не вздохи на скамейке,
Ты это четко понимай!
Пусть понимала не всегда,
Но это ведь не так уж страшно,
Коль не растрочен день вчерашний,
Со мной – до Страшного суда.
А может, и не страшен суд?
И те, кто так меня лелеял,
В свой срок в небесные аллеи
Меня по-дружески введут.

Дмитрию

Счастливые люди не ходят сюда,
Они где-то там, где светло и просторно.
И счастье то скрипкой звучит, то валторной.
Для них – океаны, леса, города.
Сюда ходят те, кто в четыре стены
Себя заточил, в ком надежда уснула.
Но горе приходит, черно и сутуло,
Показывать страшные вязкие сны.
Больная душа... Как ни страшно звучит,
Но есть и на это несчастье управа.
Но есть и особой породы врачи,
Их тихие речи, есть воды и травы...

Однажды покинув такой кабинет,
Где нет никаких аппаратов, таблеток,
Увидишь капель и сплетение веток
И горькому горю помашешь вослед.
И вылянет солнце, и высветит путь,
И станет здоровой душа и крылатой.
Забудешь врача и уедешь куда-то...
Забудешь врача...
Вот и славно. Забудь!..

Лучше лесным деревом быть,
Чем городским, – искалечат!
Если уж где-то решили – рубить!
Сразу сгореть – это легче.
А повезет – станешь ставней резной,
Скалкой ли, колышком острым.
А городским – каждой весной
Только обрубышем, монстром.
В парке найдут, на бульваре найдут.
Вроде бы форму тебе придадут.
Краской зеленой – на срезы,
Чтобы не капали слезы.
Лучше лесным!
Только выбора нет:
Пухом соришь, заслоняешь ли свет...
Я – городское, калека, обрубыш.
Любишь?..

Июнь

...И вижу я, как летней ранью,
С цветами, птицами, листвою,
Все рвутся из окон герани,
Чтоб прорасти в земле живой.

Природа в городе – пустырь,
Где место есть репью, крапиве.
И где собака – нет счастливей! –
Лежит, и лапы в растопыр.
Когда-то грянут холода!..
Июль – не время для печали.
А как деревья одичали,
Забыв о пилах навсегда.
Пройди квартал – там цветники,
Деревья стрижены, как пудель.
О да! Природу любят люди,
Но лишь зажатую в тиски.
Она же вырвется живой,
В который раз взойдет травой
По пустырям и свалкам.
И славно!..

В церквях стоят еще березки,
Не сметена с полов трава.
И, кажется, весь мир из воска:
Асфальт, дома и дерева.
Все плавится в жаре прекрасной,
Забыта лютая зима.
И совершенно неопасно

Сойти от радости с ума.
Не скорбный дом, а лес зеленый,
Весь мир – огромный и бездонный –
Приют тебе на много дней.
До листопадного круженья,
Шуршанья, шороха, скольженья,
До первых дней самосожженья –
До первой горести твоей.

– Мой друг, «нельзя ли для прогулок»...
– Нет, только этот переулок!
Где процветают сорняки,
Где клены от жары сомлели
И где которую неделю
Гуляют рыжие щенки.
Дворняги! Что зимою будет,
Кто их полюбит-приголубит,
Спасет от стужи роковой?!
У мамы ушки ни макушке...

Лишь здесь, где прячется церквушка
За госпитальной стеной.
Где столько лета, столько солнца!
Где голос счастьем отдается,
Когда ты говоришь: «родной...»

Июль

1

Золоченая пуля,
Ураган и обвал –
Три недели июля,
Что сразят наповал.

Три недели – единый
Миг – успеть бы украсть!
Земляничный, полынный
Мир обнять и упасть.
Под щекою иголки,
Толстый шмель у лица.
Остывать долго-долго,
Не остыть до конца.

2

Просторный мир нагретых сосен,
Шальная шишка – по плечу.
Как не хочу я рифмы «осень»,
Как не хочу!
Чем дальше в бор, тем все свободней
Душе в зеленом, голубом.
Сосредоточусь на «сегодня»,
Не на «потом».
Согрета, болью не задета,
Беспечна, радостна, легка...
В блокноте – «лето, лето, лето...» –
Одна строка.

За окном изумрудная лента плывет
Без конца и начала.
Деревенский автобус, и дремлет народ:
Укачало.
На коленях ладони, спокойствие лиц.
Суета городская
Позади. Наплывают леса, звоном птиц
Завлекаая.
Что во снах: огороды, ребячья возня
Да стожок у околка.

Ну вот и мама отошла,
Живет в себе самой и, значит,
Закрыта для добра и зла.
То грезит, то грустит, то плачет.
И этот новый поворот
Я принимаю без восторга.
У сына дел невпроворот,
И дочь волнует не пятерка.
Она в осенние двory
Летит с горящими глазами.
Лишь тополя ко мне добры:
Все льнут и льнут к оконной раме.
Дождливо, тихо на душе,
Как в поле убранном, просторно.
И одиночество уже
Совсем не образ стихотворный.
Во всем есть Божья благодать:
Безвариантно, безмятежно
Жить. И глазами не искать
Любой огонь во тьме кромешной.

Куда летела? Что хотела?
Чего так искренне ждала?
Не держат ни любовь, ни дело –
Одна зола, одна зола.
А показаться слабой – как же!
Но сердце так сожмет, что даже
Подумаешь с надеждой: всё!
Несправедливость Бог накажет,
Меня – на волнах вознесет.
И пустота, и ни звоночка,
Плевать, кто чтоб ни говорил...

Но вновь меня удержит дочка.
А вы – мол, нитроглицерин.

Твой взгляд, затравленный порой,
Порой наполнен злом и ядом.
Я ль виновата, что второй
Идешь за мною, а не рядом!
О да, тебе не прекословь:
Ответишь – рана ножевая.
Смотри, я ноги сбила в кровь,
Тропу по лесу пробивая.
Готова я попрिдержать:
Вперед, ребята!
Дальше, выше!
Но ты в затылок мне опять
Смертельной ненавистью дышишь.

Зубы сцепить, позабыть о себе,
Помнить о дочке.
Что там о нежности и о судьбе –
В пламя листочки.
В омут житейских вопросов и дел,
Слиться с ландшафтом.
Может, тогда прекратится отстрел:
Выживу как-то.

Хочется дымом печным подышать
И стеарином.
Хочется поговорить по душам
С другом старинным.
Выйти под утро: туманец окрест,
Звезды над лесом...

Да провались он, парадный подъезд,
Злобная пресса!
Коль без моей чья-то лучше строка,
Ярче, заметней,
Дай раствориться, родная страна,
В зелени летней.
Пусть не де-юре, но вновь победит
Зависть де-факто,
Дай не загнуться от черных обид
В форме инфаркта.

Глаза мои сухи, бесслезны,
Все слезы вымерзли уже.
Хожу-брожу по Тепловозным,
Ищу приют своей душе.
Вот – кладбище, вот – санаторий,
Вот – магазин, вот – интернат.
На все обиды – мораторий,
Будь ты четырежды женат!
Да пусть куда хотят качнутся
Потом небесные Весы,
Сейчас – в плечо твое уткнуться
И дотянуть бы до весны.

*Ты прощай, прощай, любезный,
Непутевый город Омск...
П. Васильев*

У могилок – зданье школы,
остановка и киоск.
До чего ж ты невеселый,
разлюбезный город Омск!

Почему же в эту зиму
показал мне уголки,
где почти невыносимо
от холодной от тоски.
Упыри ли, привиденья,
наркоманы ли окрест?..
Горожанка от рожденья,
я не знала этих мест.
Почему ты непарадной
повернулся стороной?
Может, что-нибудь неладно
и не с кем-нибудь, со мной?
Может быть, под отчим кровом
засиделась я давно?
Нам с тобою, непутевым,
разлучиться суждено?
И в печали бесполезной:
«Ты прощай, прощай, любезный», –
не заплакать, так вздохнуть...

Да смогу ли, вот в чем суть.

1

Меня заботит мать, она теперь ребенок.
Капризный, резкий, злой и путающий дни.
И каждый божий день душе – десяток ранок
Наносит так она, что вся душа саднит.
Не делятся таким, хоть эта боль знакома
Не только мне одной, но о таком – молчат.
Из стен родных тепло уходит. Стены дома
Мрачны, как каземат. А если честно – ад.

Я силюсь вспоминать заботливой и нежной,
Всезнающей ее – далеких детских дней.
Но только тонет все в безумии безбрежном.
И не спасти мне мать, и гибнуть вместе с ней.
Не одолеть свечой кошмар поры вечерней,
Не сохранить любви, хоть это грех и стыд.

Так вот какой он долг, сыновний ли, дочерний,
Так вот что под плитой могильной мирно спит?..

2

Ветер холодный, будто из детства,
Будто уже никуда мне не деться.
Рифмы расхожей не избежать:
Спичкой сгорать и былинкой дрожать.
Господи, как все старо в этом мире!
Ходит беда по знакомой квартире.
В мамином платье, ее же очках.
Жизнь – на весах и смерть – на весах.

Детство мое! Ты печальная сказка.
...Бабушка в церковь водила на Тарской.
Как я молилась – дивился народ.
Господи, пусть только мама живет!
Как я рыдала, дошкольница, птенчик.
А вот теперь-то и плакать мне нечем.
Больше уже – ни страдать, ни скорбеть...

Господи, дай ей легко... умереть.

А бабушка меня звала особо – Танюшкой.
Во мне еще течет ее живая речь:
«Ступайте-ка в избу, уже простыли шанежки...»,
«Убродно как в снегу – айда-ка на печь!»

И это не в селе, на городской окраине,
Под воробьиный шум, трамвайный перестук,
Где по весне в груди стучало так оттаянно
И новым содержанием пугало слово «друг».
На улочках под дождь еще заплачусь дочерна:
Ведь в палисаде Он срывал цветы другой.

А город все растет. И нет уже у дочери
Ни рифм таких в стихах и ни любви такой.

От любви, а не от ливня
Чуть кружилась голова.
Городской квартал – деревня:
Одичалая трава,
Палисадник наш, в котором
Васильки и ноготки,
Да соседки чуть с укором
Долгий взгляд из-под руки.
Все устои нарушаем,
Обнимаясь не тайком.

Хлещет ливень, воскрешая
Юный мир и старый дом.
Дождик-дождик! Шибче брызги
По кустам и головам!
Не унять тоску по жизни,
Звукам, краскам, по словам...

Зеркальце, записочка, брелок,
Тени, на шнурочке янтарек,
Тушь, помада, брошка и конфетка,

На удачу – с дырочкой монетка.
И еще помада, карандаш,
Чье-то фото... Вечный раскардаш
В косметичке ветреной нимфетки.
А в моей – таблетки и... таблетки.

– Извольте сказку, милый визави:
В уютном городе, вдали от трасс опасных,
Жила принцесса, пусть не из прекрасных,
Предрасположенная к чуду и любви.
Потом так скучно: появился Он,
Косая сажень: что нам испытанья!
Цветы, гитара, пылкие признанья,
Полкоролевства и, конечно, трон.
Пока принцесса что-то поняла,
Пока у мужа трон отвоевала,
И сил ушло, и лет прошло немало.
Они расстались – вот и все дела.
И в новый круг – соломенной вдове?
Да никогда! Я дурую не буду.
К любви предрасположенность и к чуду,
Как облачко, исчезло в синеве.
Печальный опыт – вот надежный страж.
Напрасно вы про сердце и про очи,
Гитару притащили – что за блажь!
А впрочем...

Начало наших отношений –
Игра теней и страх скольжений,
Ночная мысль средь бела дня:
Поллюбит... только не меня.

Да, я конечно, не Кассандра,
Но предсказание сбылось:
Ты снисходил, когда касался
Моей руки, моих волос.
А я обманывалась спешно,
Была отчаянной и нежной.
Дневная мысль в полночный час:
А это счастье не про нас...
Слезам не течь, не биться блюдцам,
Зачем нам объяснений муть.
Мы оба знаем: обмануться
Совсем не то, что обмануть.
Привычный холодок вокзала...
Я не держу на сердце зла:
Сама когда-то предсказала,
Не предсказала – поняла.

Желаю весны

Н.

1

Я не буду гоняться за невозможным
Счастьем, пускай улетает оно!
Ты мне кажешься домом, большим и надежным,
В палисадник зеленый открыто окно.
Так легко подойти и взбежать на крылечко
И строкой позвенеть, как звонком, у двери.
Но зачем рисковать не железным сердечком,
Если заперт давно этот дом изнутри.
И никак не увидеть сквозь тюль занавески
То, что делает теплыми наши дома:
На окошке цветок, мишка плюшевый в детской,
Кот на старом диване, на полке – тома.
Я люблю эти мелкие, в общем, детали,

Мне понятен язык прирученных вещей.
...Говорили мы много, да мало сказали,
Наше время стекло в переклест этажей.
Утекло между сосен, аукнуло: где ты?
Растворилось в потоке забот, новостей...
Ты мне кажешься домом, большим и прогретым,
Я рискну, позвоню: вы не ждали гостей?

2

Пусть до двери, до поворота,
до гулких лестниц.
Пусть ей отпущено всего-то
неделя, месяц.
Пусть до нее была судьба
и после будет,
лишь только бы коснулась лба
во мраке буден
любовь, возникшая сейчас
почти случайно.
Она еще поднимет нас
необычайно.
Она еще заставит петь
по древним нотам.
...Открыть до стука дверь успеть –
я знаю, кто там.

3

Живи, пожалуйста, живи!
Гори, буянь, ругайся матом.
Неверным будь и виноватым –
Живи, пожалуйста, живи.
Я так хочу тебя любить!
Не память, а живое тело,
Пусть издали, пусть неумело.
Не обрывай тугую нить.

Пускай не ангелы – врачи
Посредниками между нами.
Не допущу, чтоб гасло пламя
Зажженной за тебя свечи
В церквушке города, где ты
И не был никогда – неважно!
Мне страшно за тебя, мне страшно.
Что наши перья и листы!
Устав от страха и любви,
Дойдя до самой крайней точки,
Я все одной доверю строчке:
Живи, пожалуйста, живи!..

4

Не надо о любви,
и я не буду тоже.
Все женщины твои
красивей и моложе.
Что было в забытьи,
теперь не отогреет.
Все женщины твои
нежнее и добрее.
Пусть след мой растворит
под утро дым морозный.
Пускай заговорит
тебя, пока не поздно,
та женщина, что мне
с тобою рядом мнится.
Останусь лучше не-
дописанной страницей.
Средь неудачных строк
забудусь я до срока,
пока тебе, мой друг,
не станет одиноко.

5

Ты думал, навечно?
 Навечно, увы, не бывает.
 И пыл твой сердечный
 простые часы убивают.
 Они равнодушны,
 их нам обвинить-то и не в чем.
 А замков воздушных
 обломки не давят на плечи.
 Не надо трагедий,
 я им ни за что не поверю:
 мы просто соседи,
 по шару земному, по веку.

6

Поздравлений дежурных кашица...
 Я преснятины не люблю!
 Ах, как хочется покуражиться,
 Если счастье равно нулю.
 Между елками и березками
 Затеряться мне – дважды два.
 Чтобы дальними отголосками
 Растворилась в лесу молва.
 И когда все ошибки поняты,
 Все уроки извлечены,
 Написать на снегу нетронутым:
 «Я желаю тебе весны!»
 Не открыткою – не угодно ли? –
 Снегом, стайкою снегирей
 Поздравление новогоднее
 Получить?
 Принимай скорей:
 «Я желаю тебе весны!»

Все равно, как выглядеть, когда
Все внутри: комедии и драмы.
Лучшие на свете города,
Самые шальные телеграммы,
Ожиданий радость и тоска.
И, как наговоренную воду,
Страшно ненароком расплескать
Внутреннюю силу и свободу.
В старых джинсах счастлива вполне,
В немудреной курточке осенней.
А в глазах, как будто бы в окне:
Вспышки, чьи-то образы и тени.

И что поделаться с судьбой нескладной,
Глядит, как ворон седой с карниза,
А мне б ванильной и шоколадной,
Такой любви, как в журнале «Лиза»:
Вначале – плохо, а после – сладко,
Морей красоты и побережий...
Кому-то – лайнер, кому-то – лодка:
Пейзажи те же, долги все те же.
И что за мной ты летаешь, ворон?
Неужто в мире так мало места?
Не можешь, ворон, без «nevermore? а»,
Слабо тебе отойти от текста?

Не страдаю давно от обид и измен.
Не реву от несчастной любви среди ночи.
И в постели моей сладко спит аллерген,
И урчит, и усами мне шею щекочет.

Читаю сумасшедших – не циничных,
Открытому пороку идентичных,
Читаю о заоблачных мирах.
О заповедных кущах, птицах вещей,
Читаю о кикиморах и леших,
О двух дорогах и семи ветрах.

О чтенье! Непохожее на то, что
Когда-то высылала «Книга – почтой»
И что в билеты было включено
В ту пору, где экзамены, зачеты...
Какие там волхвы и звездочеты!
Неловко думать и сказать смешно.

А жизнь идет, она нас крутит-вертит.
И мы не верим смерти после смерти,
А жизни после жизни верим все.
За исключением циников, конечно,
Они живут постыдно и поспешно,
Предпочитая водочку росе.
С дипломами порой, но те же урки.
Для них мы вечно лохи и придурки.
Дух – хорошо, но тело – это вещь!
Ну что ж, когда мы встанем на пороге,
У каждого – на выбор – две дороги,
И всем, как знак, мерцанье звездных свеч.

От «Бури в пустыне» до «Бури столетий»
Гораздо короче, чем раньше казалось.
И монстрами станут подросшие дети,
Отринув легко сострадание и жалость.
Не смертник иракский – своя же кровинка
Отправит во тьму, не допустит до Бога.

Читала б Америка Стивена Кинга
Не так, как фантаста, а так, как пророка!..

Я не поеду в город тот,
Где кремль вознесся над горою.
Где жар в глазах, а руки – лед,
Где захочу – любви не скрою.
Я слишком помню, хоть должна
Забыть, забыть, из сердца вынуть...
Как я с тобой была нежна,
А ты... любил наполовину,
Причем не лучшую... Зачем
Вновь ворошить... Виновны оба.

Не слышишь ты моих речей:
Они бессмысленны за гробом.
А может, слышишь? Сам во снах
Меня тревожишь давним годом.
Зарей на древних куполах,
Рекой, причалом, теплоходом.
Ты окликаешь вновь меня,
Чтоб досказать, что б с нами было,
Когда б ты слезы мог унять
Мои, а я б тебя простила...

Разрушил все, как сорок Стенек,
Мол, что не вытопчу – сожгу.
В итоге – ни угла, ни денег,
Вбиваешь в столбики тоску.
Прошел восторг от публикаций,
Увяла яркая строка.
Хотел стране в любви признаться,
Да не расслышала страна.
У ней и так забот по горло:
То наводнение, то взрыв.
Глядишь ты, завистью прогорклой
Свой взгляд и душу напоив.
Буянил, нет ли, пил ли, не пил,
Спалил ли, нет случайный кров...
А мне, как Тиллю, в сердце пепел
Стучит от всех твоих костров.
Не трожь меня больными снами!
Живи во злобе и борьбе.
А дочь с твоими же глазами
Уже не помнит о тебе.

Грустное

В.

Ткет время полотно
Из праздников и буден...
Расстались мы давно,
Но все нейдет людям:
Мол, где обычный ряд
Взаимных оскорблений,
Друг друга не винят
Ни в пьянстве, ни в измене.
Нет, что-то здесь не так...
И не делили ложек!..

Но ты любил собак,
А я любила кошек.

В лесу, в больничной ли палате,
Когда в глазах померкнет свет,
Придет: живи по благодати,
Как приказанье и завет.
А в чем она? Нас научили
Не отдавать, а брать и брать.
Придет: Бог в правде, а не в силе,
Она в смиренье – благодать.
Придет – откуда? Скрипнет ветка?
Шепнет ли гость чужих земель?
Расслышишь тихий голос предков,
Когда повыветрится хмель
Любви, сражений и застолий,
И ты совсем один, как перст...
– Не сотвори обид и боли –
Как будто гул пройдет окрест.
Из-под земли, с небес ли рати:
Не сокрушать, а утешать.
Придет: живи по благодати,
И больше некуда бежать.

Не голоси, не рви рубаху,
Таща невзгоды на горбу.
Доверь не Бахусу, а Баху
Свою судьбу.
И пусть на сердце мутновато,
Ты будешь мудр, не будешь пьян,
И в каждом – над волной – пернатом

Узришь ты птицу Джонатан.
Он всем пример и всем наука,
Зовет тебя он за собой...

Но, боже мой, какая скука
В высокопарности такой!

Время – пырх! – и только видели,
Унеслось за облака.

Не соперничай с учителем,
Воспитай ученика.
Береги его, пока еще
Не обучен, робок, мал.
Все препятствия по камешку
Разбери, чтоб не упал.
Научи, чтоб не примеривал
Пьедесталов и корон.
Пусть растет высок, как дерево,
И открыт со всех сторон.
Благодарности учиться ли
У того, кто слеп от зла.
Время может быть и птицею,
Может – пулей из ствола.

И объяснений муть,
И хлопанье дверьми
Уйдут когда-нибудь
И главное – с людьми.
Поймешь, что жизнь пора
Упрятать глубже, внутрь.

Ценить не вечера –
Прохладу ясных утр.
Когда еще ни слов,
Ни стука, ни звонка.
Когда еще любовь –
Биенье у виска.
И нет нужды: ты мой, –
Твердить и чушь нести.
До глубины такой,
Седея, дорастаи...

Гуляла по улице, травкой поросшей,
У старого дома, иртышской воды.
Зимою любила на свежей пороше
Печатать ботинок резные следы.
И школа, и первая в жизни контора,
Вокзалы-причалы, «люблю – не скучай» –
Все это мой город, любила который
Почти инстинктивно, почти невзначай.
За что? Да за то, что уютен, как шубка,
Привычен, как старый объемный портфель.
За то, что не раз телефонная будка
Спасала двоих, заплутавших в метель...

Ни перед кем не виновата,
Как получалось – так жила.
Любила б всех любовью брата,
Когда б сестрою не была.
А потому, о женский норов! –
Не снисходительна ничуть,
Порою умных разговоров

Я вижу пустоту и муть.
Вот лжи уже готова завязь,
А вот интриг плетется нить.
Ни дня, чтоб не пытались за нос
Кого-нибудь да поводить.
А я не замечаю вроде...
И в этом общем хороводе
И улыбаюсь, и живу.

Любовь всеобщая! Ау!..

Мне эти виды не в новинку,
Они наивны, хоть чисты:
Щенок у дома греет спинку,
Платформа, голые кусты.
Ну что в них может быть такое,
Чтоб удивить и потрясти.
Да, я давно ищу покоя:
В затворничестве – не в пути.
Не затащить меня в беседу,
Ни исповедью не пронять.
Долги, дела – и, значит, еду.
Прошу, не трогайте меня!
Не растопить бы в сердце льдинку,
Когда девчушка ох да ах:
Щенок на солнце греет спинку,
Ручей, грачи на проводах...

Снега ли метут, или дождичек сеет,
Чужие тетрадки листает рука.
И в будущей жизни я стану сенсеєм,
Поскольку не всех обучила пока.

Мечта о кресле и журнале
Без сообщений о скандале
И вышибании зубов.
И чтоб мой номер потеряли
Все те, кто пишет про любовь.

Мечта о лете долгом-долгом,
Пусть книги выспятся по полкам,
Дела развеются, как дым...
Мечта побыть бродягой-волком,
Пусть не морским, так хоть речным.

Я птицам, как молитвам, внемлю.
И дождь, и град – я все приемлю.
А также суховой и зной.
Пока Господь так греет землю,
Как славно быть с собой, родной!

Весь год бумаги, люди, люди...
А чтоб сама с собой – ни дня.

В кувшине золотится лютик...
А если кто кого не любит,
Так разбирайтесь без меня!..

Не житие пусть, а просто житьё...
Смехом, слезами
Мы рассказали про время свое,
Мы рассказали.
Дали, просторы, скрещенье дорог,
Бури и штили...
Как нам хотелось – свободы глоток!

Яда хватили.
Кто-то не выжил – инфаркт, алкоголь...
Кто-то покрепче.
Как оказалось, серьезную боль
Время не лечит.
Не за коня – но за джип отвалить
Можно полцарства.

Хочется Родину мне отделить
От государства.
В книги зарыться, забыться в делах
Или в березках.
В дедовских храмах и новых церквях
Пахнет известкой.
В уши и сердце – то щебет, то свист,
Пепел – в ладони.
И призывает из детства горнист
К старой иконе.

«Да оказались не готовы...»

1

И затоскует сердце глухо:
За тонкой стенкою дождя
Разгром, заброшенность, поруха,
Отбиты пальцы у вождя.
Осколок гипса под сосною
Мозолит влажные глаза.
И поросли дурной травой
Места, где были корпуса.
Торчит столовой остов страшный,
И не найти в траве тропы.
Что толку помнить день вчерашний:
И свет, и смех, и шум толпы.

А рядом новая эпоха,
Мы у нее уже в горсти.
Должно же быть кому-то плохо,
Чтоб эти замки возвести.
Чтоб эта башенка светилась
Над искореженным вождем.
Чтоб только глупое томилось,
Смешное сердце под дождем.

2

Он врет и денег не берет.
Верней, берет, но не за это.
Он знает: Страшный суд грядет –
И про конец наслышан света.
Но что с того? Он сват и брат,
Он врет и лезет на плакаты.
Железной крышею горят
Его надменные палаты.
Охранник грозный у ворот,
Из-под полы – приклад угрюмый.
На это все глядит народ
С какой-то затаенной думой.
Еще покладист, но суров,
И сталь в глазах бесстрастных стынет.
Ох, время красных петухов
Россию все-таки не минет!
И заклинания – не в счет,
Они сгорят с железной крышей.

Он врет и денег не берет.
Его не только небо слышит.

3

Смотреть бы как со стороны
На продувные эти лица,

Не чувствуя своей вины
За то, что с Родиной творится.
За то, что вновь ее трясут
Полубандитские разборки
И собирает русский люд
Бутылки, денежки и корки.
И всем давно уже плевать,
Звучит с экрана лезть ли, рык ли,
На всех углах мать-перемать,
Зато да здравствовать отвыкли.
Картошку б выкопать успеть,
Найти бы на тетрадки денег!..
Смотреть нам не пересмотреть
Трагедию «Кавказский пленник».

Сужу себя, как сто судов,
Пусть грянет приговор суровый.
Легко клялись: «Всегда готов!»,
Да оказались не готовы.
1997 – 2002 гг.

Смотрю с неясной тайной грустью на небо,
Как будто бы прошусь опять домой.
Когда-нибудь,

когда-нибудь,

когда-нибудь

Я все же разберусь в себе самой.
И вот предстанет город декорацией,
Актерами – все недруги, друзья.
И я не буду, замерзая, пальцами
Вцепляться в то, что удержать нельзя.
Я все пойму, от аза и до ижицы,
Пусть с будущего не сорву замок,

Зато увижу, как легко колыхается
Побед и бед струящийся дымок...

Чем лечить мне нервы оголенные?
Только тронь – не оберешься слез.
Соберу для снов леса зеленые,
Певчих птиц и голубых стрекоз,
Мелкие цветочки без названия,
Ящерку, нырнувшую в траву,
С летней рощей тихое свидание:
Слышу, вижу, радуюсь – живу!
Напитаюсь солнышком, что, царствуя,
Согревает дни мои и сны.

Что готовлю в зиму, как лекарство, я,
Может быть, и хватит до весны.

Жизнь не злит меня и не сердит,
Не вгоняет уже в тоску.
Я живу на остатках сердца,
Как могу.
Вредно плакать, смеяться вредно,
А влюбленность – та пуля в лоб.
Загустев, застывает время,
Как сироп.
Запуржит ли пух летний город,
Заблестит ли лед, как слюда,
Радость сильная или горе –
Все беда.
А страшной заплутать надолго
В лабиринте минувших лет:

Раскалится в груди иголка –
И привет!..

...А если хочешь быть счастливым,
Ты прошлое свое не трожь,
Не суйся разбирать архивы,
А то в депрессию впадешь.
Там накопилось столько боли
И незаслуженных обид,
Что потеряешь поневоле
Спокойный сон и аппетит.
Страдать над старою газетой,
Рыдать над выцветшим письмом,
Чтоб вновь порою предрассветной
Печалью выстудило дом!..

Чтоб прошлое не заискрилось,
Не повернуло время вспять,
Прими как дар и Божью милость
Свое уменье – забывать.

Добрый вечер, моя ракушка:
Телевизор и кот-два ушка,
Кресло, книга, большая кружка –
Чай да сахар себе самой.
Снег ли, дождь ли – что мне за дело?
Что могло задеть – то задело.
Отгорело и отболело,
Отгремело над головой.

Я сама себя отлучила.
Кто там сплетник, а кто ловчила,
Кто борец, кто гордец, кто враль –
Мне-то что! Я захлопну створки.
А точнее, задерну шторы.
Книгу – в руки, на плечи – шаль.

Дремлет кот на цветной подушке...
Неужели ему, как мне,
Ночью снятся одни ракушки
На пустынном холодном дне?..

Согрей, земля, меня, согрей,
Покуда так цветет кипрей.
Покуда ветерок речной
Кольшет мостик навесной.
Тепло, что дарит мне трава,
Я сохраню до Покрова.
Когда ж все снегом занесет,
Лишь Богородица спасет...

Лето как будто бы на волоске.
Словно недавно и не было мая.
Девочка носит котенка в платке,
Нежно, как куклу, к груди прижимая.
Травы густы, и повсюду цветы.
Только у нас и такое возможно:
Завтра листва полетит, как листья
Давней поэмы о грусти дорожной.
Путь транссибирский, похожий на шрам,
Пересекает такие пространства,

Что неизбежно захочется вам
Прочного дома и постоянства.
О, неизбежность проснуться в тоске
Между сезонами и временами!
...Девочка с черным котенком в руке,
Малый разъезд, палисадник с цветами.

Ветерок блуждает в желтых ивах,
Шевелит ненужные буйки...
На меня выносит несчастливых,
Как на берег стынувшей реки.
Что могу? Выслушивать прилежно,
Ахать, уговаривать опять
Не впадать в отчаянье поспешно.
А потом снотворное глотать
И читать, испытывая жалость,
Про сердца, что кто-то занозил...

Вот такая осень мне досталась.
Не хочу? А кто меня спросил?

*А если смертью все кончается,
То нечего и начинать.
Л. Мартынов*

Может, начинать не надо было,
Потому что ясно мне вполне:
Срок придет, и все возьмет могила,
Все схоронит на холодном дне.
Пошумят ну десять лет, ну двадцать –
Встанешь в ряд забытых – и привет!
Может быть, не стоило стараться

Для тебя, грядущий краевед...
Но во мне – смешная, может, вера, –
Что стихи не прихоть, не игра:
То, что разливает ноосфера,
Кто-то все же должен собирать.

Городские подснежники

В следующей жизни
я стану учителем
вечерней школы.
Она будет стоять в старом квартале
и медленно ветшать...
Я буду учить математике
трудных подростков:
находить неизвестное, извлекать корни,
не понимая, зачем им это нужно.
Но, может быть, сама пойму,
что нужно извлекать уроки
и делать работу над ошибками.
И тогда научусь точно находить слово, друга,
решать уравнение любви,
чтобы действительно получалось равенство.
И стану счастливой.
В следующей жизни,
когда буду учителем вечерней школы,
стоящей в старом квартале.
Ветхой, но уютной...

Подснежники – нежные, вешние...
Но это где-то в березовых лесах,
за городом.
А у нас первые цветы – одуванчики.
Желтые, яркие,
не выбирающие, где цвести.
Их много!

Предвестники лета,
радующие глаза, веселящие душу
уставшего от суеты горожанина.

Одуванчики – городские подснежники.

Люблю грозу...
Но не с начала мая до конца июня.
«Громокипящий кубок с неба» –
похоже, бездонный!

Вот уж действительно –
ветреная Геба...

Московский верлибрист
читал со сцены свои стихи.
Он повышал и понижал голос,
делал логическое ударение
и многозначительные паузы.
А всё равно получались:
правила хорошего тона
и заметки юного натуралиста.

«...весна в Подмосковье восхитительна...»

Время пионов,
растрепанных и пахучих.
Их продают садоводы,
которых у нас почему-то

называют дачниками,
прямо из больших ведер:
маленькие бы не выдержали
тяжести пионов.

Время ливней,
солнечных и летучих –
прольются, и вроде не было их.
Только теплые лужи
на проселочных дорогах.

Время стихов, неправильных
и, может, лучших.
Их не рифма сцепляет,
а свобода и радость жить.

Хорошее время!..

Смородиной пахнет...
Намеренно ставлю слово первым в строке,
чтобы не было искушения
рифмовать его с «родиной».
А потом – «лето – в зелень одето»,
«облака – ласковая река»...
Но природа не боится повторений:
Пахнет смородиной,
облака стоят, как приклеенные, в синем небе.
Белая лошадь на обочине
сшибает головы лилового кипрея...
И не хочется думать о литературных штампах,
хочется вытянуться на зеленой траве и выдохнуть:
– Лето!..

На берегу таежной речки Тары –
вылепленное из песка
лицо индийского бога.
Оно легко соседствует
с лиловым кипреем и вековыми соснами
в глухом сибирском углу:
Хари Кришна!

На улицах таежного села Окунево
с бревенчатыми старыми домами
и сувенирной лавкой «Оракул»
не очень легко соседствуют
православные русские старухи
и русские девушки в сари,
идущие вдоль села приплясывая:
Хари Кришна!

На лугу, поросшем конским щавелем,
на фоне высокого синего неба
пасутся медлительные коровы,
привычно оглядываясь
на пастуха в темной кепке и сапогах.
И если я скажу:
приветствую тебя, небесный пастух!
Получится:
Хари Кришна!

На моем веку, приличном по времени,
страну швыряло от веры в доброго Ленина
до полного безверия и сатанизма.
А в потаенных деревнях хранились
иконы из разрушенных церквей
и звучало:
прости, Господи!

На долгой дороге в Окунево
нас иногда заносило не в ту сторону,
и в соседней
со ставшей знаменитой деревней
мы увидели почти достроенную
православную церковь.

...И, может быть, девушки снимут сари,
чтобы в свой час
сказать, как их бабки:
Слава тебе, Господи!..

Я выросла из твоего лона
правильным вначале деревцем.
Но после пустила корни
и стала неправильным деревом.
Особенно после того,
как из моего лона выросли
два только вначале правильных деревца.

Мама! Так на что обижаться?
Мы не такие, как нас задумали пастыри.
Мы такие, как нас задумал Бог.

К старости люди глохнут и слепнут.
Наверное, Бог или тот,
кто отвечает за наши души,
запирает человека изнутри,
чтобы он, не отвлекаясь,
послушал и увидел самого себя
и понял, наконец, жизнь,
которую прожил.

Моя дочь с детства крещена
и приучена к молитвам.
Моя дочь с детства
ставит молочко домовому
и не умеет смиряться.

Девочка моя славянская!
Вечно ей жить в православии:
христианстве и язычестве.

– Зонт ограничивает пространство,
и я вообще люблю дождь...

И что мне ответить тебе,
когда ты приходишь домой
мокрая, как мышь.
Счастливая мышь...
Девочка дождя
и девочка большого города,
который полон опасностями
и ночными страхами.
Для меня,
когда ты приходишь домой поздно,
и для тебя,
когда ты станешь мамой.

*«Я, что, с дуба рухнула?»
(Из разговора с дочерью)*

Нет, Маша, ты не с дуба рухнула.
Ты просто не могла этого сделать.

Потому, что там, где мы родились, –
я раньше, а ты значительно позже, –
нет дубов.

Я бы сама хотела посмотреть
на эти самые дубравы,
воспетые русскими поэтами.
Может, они действительно лучше
сибирских березовых околков.

Нет, Маша, ты не с дуба рухнула.
Ты просто не могла этого сделать.
Потому, что ты – умненькая девочка
и не сделала ни одного
опрометчивого шага.
Пока.

...А может, с березы падать-то больнее:
вон какая она высокая!

Изе, моему коту

Да здравствует цивилизация кошек!
Белых и черных,
трехцветных и дымчатых,
позволяющих думать
этим глупым великанам,
что это они выбирают кошек.
В подъездах, подвалах,
на рынках (за пяточок!).

Да здравствует цивилизация кошек!
Умных и своенравных,
хитрых и нежных, позволяющих хранить
этим глупым великанам

в холодильнике свое пиво.
Хотя ясно, как день, —
там должны лежать молоко и сосиски.

Да здравствует цивилизация кошек,
позволяющих нам занимать
(исключительно из человеколюбия)
уютные кресла и диваны.

Да здравствует!

Изя, я люблю твою усатую
независимую морду.
И долгий взгляд
из параллельного мира.

Дождь не злит. Еще земля прогрета.
Травы — в пояс, будто бы случаен
желтый лист.
И только сердце
раньше всех примет подскажет:
осень...

Нет, не осень! Это — после лета.
После лета — продолженье жизни.
Пусть и скрытно, медленно и все же:
в норках и берлогах и в сугробах,
в старых письмах, новых ожиданиях
и надеждах — жизнь.
Пускай иная, но моя,
и значит, незачем бояться —
после лета.

На Кулае

*Участникам экспедиции
в места ссылки раскулаченных
в 30-е годы прошлого столетия*

1

Эх, Россия! До крика, до боли, до слез!
Ты порою бываешь, как мачеха, злая.
Поминальные свечи октябрьских берез
Все горят, не сгорая, на землях Кулая.
Сколько деток твоих в этой топкой земле,
Виноватых лишь в том, что работали много,
Были дети в тепле, был и хлеб на столе,
Потому что не жили без Бога.
Все быльем поросло... Здесь никто не живет.
Но как сильно сердца занозило!
Закипает слеза... Нас несет вертолет
Над огромною братской могилой.

2

Здесь осеннею порой
Дождик льется не водой,
А слезами по-над хлебом,
Что замешен был с корой.

Между елок и берез
Здесь не бродит Дед Мороз:
На Кулае бродят души
Тех, кто здесь в снегах замерз.

Где кустарник и осот,
Не весна-красна идет,
Лишь скользят несчастных тени,
Что не вышли из болот.

Лето-лето! Травы – в рост!
За погостом рос погост...
И сегодня на Кулае
Мудрый Сталин выше звезд.

3

Между елями и березами
Вел конвой по сугробам, лют...
И тащился в тайгу обозами
Православный, безвинный люд.
С малышами, легко одетыми,
Шли... гремел револьверный лай.

...И лежат они неотпетыми
На таежной реке Кулай.
В шуме ветра услышь стенание,
Боль почувствуй, взглянув окрест.

Запоздалое покаяние –
Православный поклонный крест.

4

*С Лениным в башке...
В. Маяковский*

Не бунтари, не конокрады.
Перед странною виноваты
В том, что дождю бывали рады
Над полем вешнею порой.
Изба, конечно, не палаты,
Но были верою богаты.

Да, был в стране и до блокады
Тот хлеб – с травой и корой.
Его пекли в краю болотном
На гибель сырым и голодным,
Не людям, а теньям бесплотным.

У тех, кто их сорвал с земли
Родимой – стариков, младенцев,
В башке был Ленин, злоба – в сердце.
Была б любовь, так, может, немцы
До Ленинграда не дошли.

5

Мы идем сквозь револьверный лай...

В. Маяковский

Они сулили рай.
Но есть ли рай без Бога?
...Хранит таежный край
Трагедию до срока.
Скрыл под дурной травой
Барака страшный остов,
Не выдал ни тропой
Забытого погоста.
Но чтоб явить в свой час
Свидетельства и знаки,
Чтоб заболели в нас
Погосты и бараки.

За что ты полегла,
Крестьянская Россия?

Горчит идей зола,
И проклят их мессия.
Горячие умы
Господь остудит строго.
И убедимся мы,
Что рая нет без Бога.

Лишь только ветер пролетит,
Да вертолет протарахтит,
И – тишина окрест.
Здесь ни тропинки, ни жилья,
Лишь только топкая земля...
Тоска пустынных мест
И страх, он здесь густой такой,
Что можно ощутить рукой.
Ударит ветер злей...
Да, здесь полвека не живут,
Но словно избавленья ждут
Лежащие в земле.

Конечно, лучше просто жить,
Не окликать, не ворошить,
Но средь болот, скорбя,
Когда от боли – не вздохнуть,
На память, как на крестный путь,
Сам обречешь себя.

Кулай – Тара
10–11 октября 2007 г.

Весеннее

1

Под последним мартовским дождем,
Что идет, последний снег съедая,
Мысль о том, как трудно мы живем,
Станет легче: пусть немолода я,
Радоваться все еще легко
Книге и цветку, улыбке детской.
И глаза все ищут за рекой
Голые пока что перелески.

2

Серое небо, серые лица...
Красный трамвайчик здесь пригодится!
Мимо базара, мимо конторы –
Очень веселый, хоть и нескорый.
Красный трамвайчик – по рельсам, по рельсам.
Он приглашает: погрейся, погрейся!
Зонтик закрой, подыши на ладони,
Дождик стряхни с капюшона в салоне.
Я соглашаюсь: надежней удачи
В мороси этой красный трамвайчик.

3

Мелкий дождичек сеет, высевает листву,
И последний сугроб оседает все ниже.
Безнадежный вопрос: для чего я живу?
Трансформирован в новый: услышу? увижу?
И сирень, и кипение яблонь, и то,
Как цветет земляника по краешку леса.
Так скорее под дождик! В весеннем пальто!
Мой старинный приятель, пижон и повеса!
И не надо твердить мне, что годы не те,
Я скажу – и ведь тайну тебе не открою, –

Что живут человеки на зыбкой черте
Между вечной зимой и короткой весной.

Наглотаться хамства, а потом
Все глотать какие-то таблетки.
И смотреть, как ветер за окном
Тополям заламывает ветки.
И себя неммыслимо ругать
За избыток мягкости и такта.
...Утекла из сердца благодать,
И открылось сердце для инфаркта.

Детство

...Заткала палисадник у дома трава.
Собирается дождь: в окна ломаются ветки.
Красной нитью проходит по детству трамвай
И звенит, как в ладошке звенели монетки.
Как распахнуто сердце, способное сметь
Все на свете! А жизнь представляется длинной...
Только повод, и память нахлынет, как смерчь,
Захлестнет и накроет горячей лавиной.

P.S. Я не верю, что мы умираем совсем,
А иначе и детству, что в нас, раствориться.

Лишь любовь впереди по избытости тем,
Но банально тогда и на свет появиться.

Сны о детстве

1

На Красный Путь – за керосином,
В прохладу лавки, полумрак...
Ни облачка на небе синем.
Июль. Жара. Эскорт дворняг.
Держусь за мамину ладошку.
Звенит трамвай, гремит бидон...
За лавкой – пыльная дорожка:
Зеленый Остров и затон.
Там заводь теплая, и лодки,
И волчьих ягод синий цвет...

И ни одной еще высоты,
И ни одной печали нет.

2

Подарком память детства мне дана,
Заросшая сиренью, бузиною...
На Кемеровской – частные дома
И тишина, два метра глубиною.
Я в ней тону... Но хорошо на дне!
Здесь ноги травы донные щекочут,
Кот на заборе и герань в окне...
А где-то рядом магистраль грохочет.
И корпуса растут день ото дня
В индустриальном грохоте и гуле.

Спасибо, город, что растил меня
Во глубине своих зеленых улиц.

3

Среди цветов, травы примятой,
Где возле кленов кинозал,

Еще в конце шестидесятых
Вождь твердокаменный стоял.
Но ни почтения, ни транса
Не вызывал он у людей,
Что в ожидании сеанса
Гуляли мирно вдоль аллей.
Они как будто бы прощали
Нужду, бараки, лагерь...
А он все всматривался в дали,
Где для него цвела заря.
Где для него слагались гимны,
Туда он руку простирал...
Но как-то незаметно сгинул.
Торчал нелепо пьедестал.
Потом и он исчез однажды,
Другое время, век другой.
Брожу в лесу многоэтажек...
– Сад Сталина? А был такой?

Тихотворение мое...

И. Бродский

1

Сменю я быт на бытие,
На мир заброшенного сада,
Здесь искорежена ограда,
В сугробах летняя эстрада,
Деревья в снежной кисее.
Здесь нет ни шума, ни огней,
Зато звезда в ветвях застряла.
Я ничего не потеряла,
Но отыщу среди ветвей.
Не торопясь, не на бегу,
Упрямо напрягая зренье.

И вот – оно – тихотворенье –
Меж двух скамеек, на снегу.

2

Лихотворение – злоба и зависть;
Смехотворение – клоун приехал!
Вехотворение – это усталость
Долгой дороги, и новая вежа.
Тихотворение – снег над рекою,
Дом одинокий, что полон тоскою.
Стихотворение – миротворение:
Строчку услышу – и сердце открою.

Череда романов быстротечных...
Длинная, признаюсь, череда.
Сколько было встречных-поперечных,
Тех, что забывались без труда!
На кострищах серебрится иней,
Лишь одна отметина свежа...
Тот, кто не забылся и поныне,
Никогда мне не принадлежал.

*Памяти бабушки
Марии Алексеевны*

Научили бабушки
крест класть,
говорили бабушки:
грех красть.
Поучали бабушки:
лгать – грех.
Как любили бабушки
нас всех!..

Баюшки да ладушки,
шанежки-оладушки...
Говорили бабушки:
дай срок,
что снесли – отстроится,
над Россией Троица,
Свят-Бог!

...Из небесных бабушки
не придут мест.
Научили бабушки
класть крест...

Баллада о четырех ветрах

Я выйду на берег сибирской реки:
О Северный ветер, развей ветерки!
Холодный, могучий, возвращенный во льдах
И след оставляющий на волосах,
Последней надежды моей не гаси,
От давнего друга мне весть принеси.

Потом повернусь я к другой стороне:
О Южный мой ветер, лети же ко мне!
Вращенный за морем, в цветущих садах,
Ты пылью степною скрипишь на зубах,
Последней надежды моей не гаси,
От давней подруги мне весть принеси.

Я вытяну руки туда, где восход,
Где ветер Восточный угрюмый живет.
Болота и сопки – безвестная даль,
И шрамом по телу ее – магистраль.
В бессилии я упаду на траву:
О ветер Восточный, подругу зову!

А Западный ветер? О нет, никогда!
Оттуда ко мне заявила беда.
Предательством, ложью, такой чернотой!
Заставила выйти на берег крутой,
Заламывать руки, друзей созывать:
Одной не под силу сейчас горевать,
Сыта я по горло тоскою своей.
Придите все трое, четвертый – не смей!..

Как хорошо, что не со мной
Любви весенней лихорадка:
То больно, видишь ли, то сладко,
То песню пой, то волком вой!
Не мой компьютер, тьфу-тьфу-тьфу,
Бессмертит за строфой строфу:
Свиданья, ахи-охи
И под луною вздохи...
Друзья, прекрасен ваш союз,
Но быть свидетелем устала.
Я ночью сплю, с утра сажусь
Работать, преуспев немало.
Любви в мой дом заказан путь:
Явилась – я бы не впустила.
Хотя... пускай бы погостила,
Пусть пожила бы.
Хоть чуть-чуть...

Всю ночь сверкало и гремело,
Всю ночь вода в листе кипела,
И город засыпал с трудом.
А утром было тихо, чисто,

И убеждались оптимисты,
Что «всё путем».

И мне бы тоже в это племя,
Но давит возраст мой на темя.
И знаю я давным-давно:
Не все проходят грозы-сшибки,
Не все прощаются ошибки,
Не всё забыть нам суждено.

Какая тяжесть – этот опыт!
Он – колеса тяжелый обод,
Что не дает легко кружить.
Что не дает беспечно ехать,
Летать во сне, рыдать от смеха.
И как-то надо с этим жить...

Но если жить – тогда в июле!
Все холода в траве уснули,
По дому – земляничный дух.
И старый друг принарядился,
И как-то опыт подзабылся –
Нотаций не читает вслух.

Л.

Последняя любовь... Она горька, как хина.
Но мне тебя не жаль, уж ты не обессудь.
Выпрашиваешь взгляд, как пьянь у магазина
Стаканчик. Только в нем лишь ржавчина и муть.
Ты путаешь слова: гордыня – не богиня,
Коварство – не любовь. И фальшь, мой друг, и фальшь...
Уютно ли тебе в тягучей паутине?
Последний грош отдашь и душу ты отдашь.

Напрасные слова! От хины гложут люди.
Глаза твои полны не жаждою утех,
А жаждою любви, рапсодий и прелюдий,
За них и принял ты визгливый бабий смех.

Коровы бродят по стерне,
Но скоро их загонят в стайки.
Еще не свищут о весне
Синичек ветреные стайки.
Еще у каждого двора
Дрова навалены горою.
Но под ударом топора
Капуста никнет головою.

Омского севера неуют...
Небо лежит на березах.
И обсуждают обратный маршрут
Гуси на травах белесых.
Берег турецкий!
Готовься встречать
Птиц – запоздалых туристов...
Нам провожать их и долго молчать,
Сердцем до холода выстыв.
Скоро снега на полгода падут.
Есть же другие пределы!..
Но за избыток бунтарства и смут
Обречены оставаться мы тут.
Белым излечимся, белым –
Снегом, простором и чистым листом,
Звезд серебром...

1

В эту осень истончилось сердце,
И приходят в тишине ночной
Близкие, друзья, единовѣрцы,
Смертью разлученные со мной.
Из каких долин, каких предгорий,
От каких раздумий затяжных?
Неужели им земное горе
И земные радости нужны?
Я во сне встречаю-привечаю,
Суечусь, как в праздник, у стола.
Будто бы за что-то отвечаю...
Не за то ль, что их пережила?

Сердце-сердце! Чуткая мембрана!

Не корите, милые, меня.
Соберемся поздно или рано
Вместе у небесного огня...

2

Осень, осень, ты меня не рань
Голых веток стуком костяным.
Тяжелеет небо, тоньше грань
Между мертвым миром и живым.
С умершими встречаюсь я во сне,
Захлестнет тоска волной слепой.
Утром, осень, я прошусь с тобой:
Будет снег!..

Нынче весна объявилась до срока:
Лужи, ручьи и сосульки с карниза.
Как же, наверно, сейчас одиноко
Русской твоей половине, Лариса.
Ты уезжала – обид не исчислишь,
Ты говорила громко и резко.
...Ведро качаются на коромысле,
В каждом – по крупной звезде деревенской –
Там, где росла ты непросто и больно,
В ситцевом платье и с горсткой ирисок.
Как же ты – бюргершей самодовольной?
Не представляю, прости, Лариса.
Да, ты выросла – ты умна и красива.
Там – всё тип-топ, здесь же – посвист метельный.
Но где-то слева, все бьется Россия,
Мамин – по-русски – напев колыбельный.
Платья меняй ли, автомобили –
Не получается счастья, покоя...

Так вот родили, как разрубили,
Как обручили навечно с тоскою.

Пустая квартира: ни кошки, ни мышки.
Здесь только компьютер и умные книжки.
Здесь всё аскетически, всё по порядку,
Не бросит никто ни юлу, ни тетрадку.
Здесь всё по науке: уборка и ужин.
Хозяйка умна и красива к тому же.
Подвластно ей всё, но не сны.
И всю ночь
В халатике старом баюкает дочь...

Старушка просится домой
Из опостылевшей больницы.
В платочке беленьком, седой,
Ей часто мать родная снится.
Она и видит-то едва,
Ходить не может без подмоги.
Давно не гладила трава
Худые старческие ноги.
Не узнает своих родных,
Не чувствует дочерней боли.
Но часто повторяет стих,
Заученный когда-то в школе.
Она глядит из дальних дней,
Всё ждет сестер своих и брата.

Я виновата перед ней,
Хотя ни в чем не виновата.
А взгляд прозрачно-голубой,
В нем нет тоски, обиды, злости.
...Всё мама просится домой,
К тем, кто давно уж на погосте.

Я больше не посмею, не рискну
Втянуться в романтические игры.
Еще б изжить осеннюю тоску,
Чувствительно остры которой иглы.
Что холод одиночества! Пустяк,
Его рассеют книги и прогулки.
Но этот дождь в холодном переулке!
Но этот весь продрогший березняк!..
Осядет все же чувств нежнейших муть.
Я перейду тоску по желтым листьям.

Прощай, любовь!
Ты норовишь по-лисьи,
Но вновь тебе меня не обмануть.

Мои глаза полны тайгою:
Листвой, иголками, травую,
Цветами, что цветут без счета,
И в небе синим вертолетом.

Мои глаза полны тайгою:
Зеленой, красной, золотою –
Любою краской, но не серой.
Сейчас глаза наполнят сердце.

И станет сердце – не иначе –
Простым, доверчивым и зрячим.

Ольге

Тихий, спокойный, на славу не падох,
В городе этом так много загадок.
В городе этом так много преданий,
Много рябин и сиреней, гераней.
Здесь старина с каждым шагом заметней,
А каждый дом не похож на соседний.
Гостеприимный, и все же при этом
Город похож на шкатулку с секретом.
Днями кружу, и на сердце тревожно:
Ключик потерян уже безнадежно?
Или отыщется в старом подвале,
На чердаке ли, автовокзале,
Может быть, в речке, в прибрежных ли ивах,
Или в карманах девчонок смешливых...

Наталье

В каждом доме по кошке, герани и примуле...
Вот спасибо, родные, что так меня приняли.
Как же славно сидеть и неспешно беседовать.
Я в своем далеке тосковала без этого.
Понимаем друг друга, хотя и не родичи.

...За окошком и сумрак, и осень, и дождичек.
За рекою – тайга, за тайгою – бог знает.
Время тоже не спит, наши судьбы листает.
Я не знаю, что будет, но знаю, что было.
Как сказали до нас: что пройдет – будет мило.
Этот мир, этот век, этот город старинный,
Этот дом и глядящие в окна рябины...

Мне нравится жить в этой осени мокрой,
Где тополь сорит невесомую охрой.
Где в каждом окне то герань, то фиалки,
Где ходят дорожками важные галки.
Мне нравится жить в этом городе старом,
Он тайны свои не откроет задаром.
Привыкни сперва к одиноким прогулкам,
Пойди-поброди по старинным проулкам.
Пойди-подыши-ка архивною пылью,
И станут предания явью и былью.
Во времени этом, глухом и протяжном,
Мне нравится думать о вечном и важном.
О древних старухах, глядящих по-детски,
О том, что не нужен мне берег турецкий.
Зачем мне галопом – по призрачным странам,
Когда пахнет дождик тайгой и шафраном.

Содержание

Н. Ягодинцева «Всё душа твоя запомнит...»	3
---	---

I

1972–1981

«Светлей и чище серебра...»	10
«Вот и проводили наше лето...»	10
«И снова мокрые деревья...»	11
«Не наступайте на лягушек...»	12
«Заночевала осень в сенцах...»	12
«...Тот человек дарил цветы...»	13
«Какая мягкая зима...»	14
«Попутчики играют в карты...»	14
«– Ты не бойся!..»	15
«Мне говорят: мосты сожги...»	16
«Кому это радость – такие прогулки...»	16
«О, как же ты хочешь любовь уберечь...»	16
Рисунок	17
«А Кате ночью вновь не спится...»	18
«...А все мы, в общем-то, крестьяне...»	19
«Ты помнишь наш старинный парк...»	19
«Он сказал: Ты стала осторожной...»	20
Разрыв	21
«Хотела сердцу волю дать...»	21
«О, как блаженно все вначале!..»	22
«Вы думали так, что пропала и сгнула...»	22
«Давай начнем с тобой роман!..»	23
Мелодия	24
«Как это трудно – все упрямей...»	24
«Платформа, дом, и от порога...»	24
«Живая женская душа...»	25
«Смирись, что к осени покорней...»	26

Страда	26
Этюд	27
Олень	28
«Светка по полу дробила...»	28
«Кочевала гитара...»	29
Окраина	
1. «В шумном городе, на задворках...»	30
2. «Окраина моя, окраина...»	30
«Сквозь снегопад, как через марлю...»	31
«А мне еще упасть...»	31
«У сына увлечение: жечь костры...»	32
В автобусе	32
«Живу, как и прежде жила я...»	33
Весна	34
«О, как легко ты улетаешь...»	34
Ложь	35
«Цветы намokли под дождем...»	36
«Любовь почтовая скучна...»	36
«Полночь не тронута...»	37
«Лето кончается...»	38
«Ты спросишь, чем я занимаюсь?...»	39
Октябрь	39
Воспоминание о Переславле	40
«– Взгляну и руку протяну...»	40
«– Рано, душа моя, ты погоди!..»	41
«...Мне просто жалко этих дней...»	41
«– Не надо сантиментов, бога ради...»	42
«Мороз под сорок...»	43
«Ветер такой – не спасает и шуба...»	44
«Читать газету, платье мерить...»	44
«– Вы свободны?...»	44
«Когда за окнами зима...»	45
«Этот праздный снежок над землей – благодать...»	46

«Наверно, мало для чудес...»	46
«Пришла пора забыть о елках...»	47
Январь	48
«Я ночь твою приму, в которой нет меня...»	48
Снежные крылья	
1. «– Не надо, не благодари...»	49
2. «Ночное соседство звезды и собаки...»	49
3. «Серебряная ночь к исходу января...»	50
«Нам, видно, не дожидаться выюг...»	50
«Как шумный город мой огромен...»	51
«За боль угрюмых воскресений...»	52
«Я иду тишиною гулкою...»	52
В дождь	53
«Когда над городом грачи...»	53
«Этот мир постигаю заново...»	54
«Я приходит люблю домой...»	55
«Все в конце концов решилось мудро...»	55
«Купаем черного кота...»	55
«Я все-таки счастливый человек...»	56
Тополя	57
«Дыханье утра на моем окне...»	57
Ветер	58
«Казалось, жизнь – тропа прямая...»	58
Я была средь вас	
1. «Мне ль бояться тоски, ведь знакома я с ней...»	59
2. «Вы были молоды... Вы были...»	59
3. «Мы сидели втроем на высоком обрыве...»	60
4. «Собаки воют на безлюдной улице...»	61
5. «Мороз новогодьем, как будто любовью...»	61
Предрассветное	62
«Жаль упустить такой денек!...»	63
«Мне по сердцу в сумерках скрип под ногою...»	63
Трое	64

«Сердце не рвать бы, не тратить слова...»	64
Уроки стиха	
1. «Терпеливо пытаюсь урок затвердить...»	65
2. «Меж заботой дневной и заботой вечерней...»	65
3. «Стихи, апрель, вечерний свет...»	66
4. «Мне дано стихами говорить...»	66
5. «Немота моя, немота...»	67
6. «Кидалась то в писанье дневника...»	67
7. «Теперь я знаю, как мне дальше жить...»	68
«Неосторожно в день студеный...»	68
«Не слышу грохота трамвая...»	69
«Останься жить в моих стихах...»	69
«Восемь раз снега сошли...»	70
«Вот и прошли затяжные дожди...»	70
«Какая осень выдалась, смотри!..»	71
«Эти дни октября непонятно легки...»	71
Река моя. Лирическая поэма	72

II

1982–1991

«От синь-незабудок и небо синей...»	80
Утро	80
Та осень	81
«Из Москвы, наверное, виднее...»	82
Ночная гроза	82
«Щенята спят в холщовых сумках...»	83
Июнь	84
Радость	84
Полынь	85
«А осень нынче медлит...»	85
«– Кому это надо – бродяжить...»	86
Оттепель	86
«Зима и полночь на дворе...»	86

Голубое окно	87
За поворот	
1. «На улочках слепых среди снегов и кленов...»	88
2. «Ничего для детей не жалея...»	88
На вокзале	88
Старый дом	89
Гостья	89
«Нет, не идут занятия впрок...»	90
«Хватило и сил, и прилежности...»	91
«Качаются скверы и улицы...»	92
«Я хочу, чтоб ты знал меня маленькой девочкой...»	92
Песенка	93
«Правда редко бывает красивой...»	93
«Искусство – жить вдвоем...»	94
«– Чего ты хочешь – ссоры, лада ли...»	94
«Зима со мной – подругой верной...»	95
«Среди людей, как будто бы в пустыне...»	95
«Как будто бы выход нашла – веселюсь!...»	96
«Крылья выросли – разве плохо?...»	96
Сквозь годы	97
«Ты счастлив с другою...»	97
«Узнать о предательстве давнем...»	98
Встреча	98
«Нет! Все, что было с нами, живо...»	99
Сказка	99
На переговорном	100
Три сирени	101
«Я останусь одна...»	101
«Я никому не уступлю...»	102
«Зависть – это зависть, что ни делай...»	103
«То сонный дождь меж елей бродит...»	103
«Снег выпал и опять пропал...»	104

Поселок Октябрьский

1. «С верной собакой – по светлым лесам...»	104
2. «С новой зимою вас, добрые люди...»	105
Седьмое января	105
Зимние цветы	106
«Не терема, не теремки...»	106
«По этим Северным, по этим...»	106
Ночной снегопад	107
«Банальна ситуация, банальна...»	108
«Позже ты об этом пожалеешь...»	108
«Как будто «улю-лю»...»	109
«Нежность твоя не приносит отрады...»	109
«В ладонях стебли тербя...»	110
«...Я не ревную...»	110
«От грусти до бессильной ярости...»	111
«О, как мне хочется убрать...»	111
«Я неудачу – переплачу...»	112
«Ты не любил меня... Прощай!...»	112
«...Не стоит разговора – печки-лавочки...»	113
«Спасибо, любимый, за нежность и жалость...»	113
«Откуда бы музыке знать обо мне...»	114
«Я счастлива тем, что имею...»	114
«До каникул только две недели...»	115
Юность	116
«Как страшно за этот простор голубой...»	116
Отец	
1. «...Уходил мой отец...»	117
2. «Мой отец не придет обратно...»	117
3. «День Победы – это мамин праздник...»	118
4. «Апрельский дождик шлепал по крыльцу...»	118
«Почему я смеюсь? – Просто лето в разгаре...»	119
«Я стану мудрой, как сова...»	120
«Очи долу, и стихи до полночи...»	120
«Ты ли прав, я ли права...»	121

В этом доме	122
«Откуда такое давнее...»	122
«Гулка моя округа...»	123
«Выбиваюсь из последних сил...»	123
«Костер горел на берегу...»	124
«Можно ждать из далекой страны...»	124
«А если даже и не любит...»	125
«Как к тебе я приду...»	125
«Как наивны люди эти...»	126
«О как туманно впереди...»	126
«Без сострадания и жалости...»	127
«Этот взгляд пристрастный – взгляд судьбы...»	127
Письмо	128
«Я б не хотела ни за что...»	128
«Смертельны не обидные слова...»	129
«Пришла печаль, так не гони ее...»	130
«Старик меня по лугу вел вначале...»	130
«В холодном осеннем дворе...»	131
«Я знаю, как она красива...»	132
«Россия... Сосны и летящий снег...»	132
«До горизонта – белые леса...»	133
Мария	134
Март	135
Апрель	135
Сирень	136
«Мокрое лето, мокрей не бывает...»	137
«Иду я, вольная, как птица...»	137
За деревьями и снегами...	
1. «Смотрю: на третьем этаже...»	138
2. «Она сказала: Я люблю герань...»	138
3. «К женщине, когда-то им любимой...»	139
4. «Две женщины завидуют друг другу...»	139
5. «В этой женщине бродит тяжелое зло...»	140

6. «Ходит женщина осторожно...»	140
«Что-то вдруг не получилось...»	141
«Ко мне пришла счастливая пора...»	142
«В Останкино холодный пруд...»	142
«Не верю я ни снам, ни ворожке...»	143
Монолог женщины	144
«...Дорожу не весельем – друзьями, что снова...»	144
«Смотрю с затаенной улыбкой...»	145
«В дверях друзья шумели весело...»	145
«Его сжигает тайный жар...»	146
«Он вставил в окно, словно камень в оправу...»	146
Наш район	147
«Первый снег пролетит в сентябре...»	147
«Был край обжит и плугом и свинцом...»	148
«Стога. Через реченьку узкую мост...»	149
«Я опять у вспаханного поля...»	149
«...Дождь прошел стороною...»	150
«...Ты все никак понять не можешь...»	150
В электричке	151
«Все больше золота на пальцах...»	151
«Пролетело и выцвело лето...»	152
«Всю ночь стучался дождь уныло...»	152
«Сколько шумов предельных вокруг!..»	153
Пока за шторой вьюге пляшется...	
1. «Не горло, а душа застужена...»	153
2. «Я, доктор, вас благодарю...»	154
«Никогда не поверю я в то, что умру...»	155
«Щенок и ребенок...»	155
Стужа	156
«Любовь не ждет реанимаций...»	156
«А то, что ты знаешь, а то, что я знаю...»	157
«Мне ночью холодной не спится...»	157
Диалог	158

«Покой, удачливость – все тени...»	159
Лето	159
«Далеко еще до конечной...»	161
Зеркало	162
«...Я жду – отнюдь не телеграммы...»	162
«Мир законный шкатулкой лаковой...»	163
«Век такой – то слезы, то бравада...»	164

III

1992–2001

«Вечерняя не гаснет полоса...»	166
«Все беды России по другу прошли...»	166
«Ей жизнь протянула венец золотой...»	167
Памяти Леонида Мартынова	168
«Не трогайте мальчика! Пусть он живет...»	168
«Она меня еще вспомнит...»	169
«Новый год – натужное веселье...»	170
«Апрельский дождь – такой задира...»	170
«И даже если тяжела...»	171
«Не тонирую слова...»	172
Дочь	172
«Засветилась тихая свеча...»	173
«Он все гарцует, этот мальчик...»	173
«Усталость, словно ворон, на плече...»	174
«На пороге беды и гражданской войны...»	174
«Вчерашние боги развеяны в дым...»	175
«Я ночному небу жадно внемлю...»	176
«Что за страсть проходиться пилой...»	177
«По всеобщему рынку брожу...»	177
Язычница	178
«У нас с тобой не все потеряно...»	178
«Гор златых не обещай!...»	179
«...А главное, не ханжа...»	180

«Ну, уходи подобру-поздорову...»	180
«Небесный гул и небесный вокзал...»	181
«Привыкну жить одна...»	182
«Такая боль – до позвонков...»	182
«– Ну что же ты все в душу метишь!...»	183
«Давай поговорим...»	183
«Нежданные каникулы, ура!...»	184
«Сумасшедшая ночь на поляне, где юрты и кони...»	185
«Прошу тебя, не торопись, июль...»	185
«Я верю в нежность снегопада...»	186
«Одно и то же: слухи, страсти...»	187
«Ничего у нас не получится...»	187
«Я тебе, конечно, привирала...»	188
Зеркало	189
«Кругом кипят такие страсти!...»	189
«Луж промороженных белые блюдца...»	190
1993-й	
1. «По ночам повадились дожди...»	191
2. «Черной ниткой гусей...»	191
3. «...И на Россию пала благодать...»	193
4. «И, как ни тяжело, стою на том...»	194
5. «Я некогда жила в другой стране...»	194
6. «До чего крутые времена!...»	195
7. «Не ждали? Пришла она, страшная весть...»	195
8. «Этот огрызок Россией назвать...»	195
9. «Слава доблестному провизору...»	196
10. «Сыпь, веселый снежок...»	196
«Клуб “Кому за 60” называйте, как хотите...»	197
«Тоска поликлиник вечерней порой...»	198
«Сквозит во всех тоска, усталость...»	199
Основание Омска	199
Старая улица	200
«Счастлиное лицо в обшарпанной маршрутке...»	201

Стихи об Омске

1. «Ты чуда в этот день не проворонь...»	201
2. «В тряском трамвае вперед и вперед...»	202
3. «Зажигает окна синий вечер...»	203
«Уже дороги вымочил февраль...»	204
«Откровенность – за откровенность...»	204
«Все было в эту зиму: грипп, простуда...»	205
«Остановка “Рабочий поселок”...»	206
«Короткое время – березы цветенье...»	206
«Время принцев прошло. Мой король все воюет столицу...»	207
«Я с годами как все устаю, устаю...»	207
«Что приключилось с лицедеем?...»	208
«Вечереет, значит, холодает...»	209
Портрет	209
«Такая засуха, что росы...»	209
«Цветет по Северным космья...»	210
«Вот и выключен фонтан...»	210
Романс для осенней гитары.	211
«...И это отныне навеки мое...»	211
«Полунамеки и нелепости...»	212
«Февраль – не время для романа...»	212
«Всё в городе, грусть затая...»	213
«По Северным под снегом! Боже мой!..»	214
«Все справедливо и правильно в мире...»	214
«Хорошо побродить среди вечернего тихого люда...»	215
«Фантазий бесконечных череда...»	215
«За рекой, за кромкой краснотала...»	216
«Счастье – ты синяя птица для юных...»	216
«“Родиться в России – уже испытанье”...»	217
«Еще не стрельба и не драка...»	217
«Первый снег, как водится, погиб...»	218
«Какие ужасные выросли дети...»	219
Ностальгия	219

«Учитель в детстве больше, чем учитель...»	220
«Ах, годы – ряд крутых ступенек...»	220
«И в этом усложненном мире...»	221
«Мне тепла своего не жалко...»	221
«Самое страшное время в больницах...»	222
«Уроков, значит, было мало...»	223
«Весна в понедельник, а нынче – среда...»	223
«Опять я весну пропустила...»	224
«Я забываю древние слова...»	225
«Время яблонь и сиреней...»	225
«Только б на улицу, через порог...»	226
«Как я сладко вспоминаю не награды...»	226
«Мы жили в маленьком поселке...»	227
«Страданье по утерянному снимку...»	227
«Забыта в старый дом дорожка...»	228
«– В другом столетье, граде неком...»	228
«Прощай, мой милый, мой хороший!»	229
«Не став известной и великой...»	230
«Чего я хочу? Ничего не хочу...»	231
«Да, что имеем – не храним...»	231
«Ливень, летящий с заоблачной кручи...»	232
«Не поминай Экзюпери...»	232
«Сойти бы с колеи привычной...»	233
«“Расплаты час настигнет вас...”...»	233
«Съедены крупы, забыта сгущенка...»	234
«И в рядах китайских я вполне...»	234
«Под желтым шелком сентября...»	234
«Давай поговорим о жизни...»	235
Июль. Триолеты.	
1. «С утра на Северных жара...»	236
2. «На старый дом и огород»	236
3. «Так лето ворожит опять...»	236
1. «На Бульварной дикая трава...»	237

2. «Жизнь была ударной ли, угарной...»	237
«На Тарской наложение времен...»	238
«То, что ночью болело, под утро растает...»	238
«Где ты бродил, где скитался в космической темени...»	239
«Мартовский снег и тоска по любви...»	239
«Домик в лесу или царские, может, хоромы...»	240
1. «... Чего мне еще? Ведь у нас на двоих...»	240
2. «Все суета, опилки, блажь...»	241
«Ты однажды пойдешь по следам...»	241
Монолог	242
«Нет дождя. Только тучи темней и темней...»	243
«То в небо – то в травы: дурнушка – красавица...»	244
«Еще поляны в солнечныхakraпах...»	244
«Божий подарок и царская милость!»	244
«Последние июльские деньки...»	245
«Мне ли с тобой говорить о подарках...»	245
«Жизнь моя, она – лодка в два весла...»	246
«Гроздь рябины еще зелены...»	246
«Жизнь отгорит полоской алой...»	247
«Зачем гадать нам: что да как...»	247
«Тот придурок, а тот повеса...»	248
«Я эту девочку запомнила...»	249
«Они Россию убеждают...»	249
«Как душа устроена хитро!»	250
«Тебя тащил по выставке поток...»	250
«Он секретарь, а не волшебник...»	250
«Как он спорит, горячится...»	251
«Луны ли сатанинский глаз...»	251
«Ты меня погубил, как сказали бы где-то в десятых...»	252
«Не встречала никогда еще...»	252
«Последний майский дождь. Последняя любовь...»	253
«Дождь идет, распустилась верба...»	253
«За окнами – безумный век...»	253

«Со мной давно так не играли!..»	254
«Что ты о любви да о любви...»	254
«Чем занимаюсь. Бог ты мой!..»	255
«Легко восторженным натурам...»	255
«На лицах отблески огня...»	256
«И что сейчас ни говори я...»	256
«Под горку лето – все идет к разору...»	257
«Смотрю на речку и на тучку...»	257
«Росчерк дождя на плаще, на лице ли...»	258
«Пишу, как живу, а пора по-иному...»	258
«Август сыплется крошкой росной...»	259
«Ах, лето-птица! Только взмах...»	259
«Царственный цвет – отражение зари...»	260
«Руку отдернуть!.. Впрочем...»	260
«Осенью коротко дождик не льет...»	261
«Бреду куда глаза глядят...»	261
«У каждого свой путь во тьме...»	261
«Учитель, воспитай ученика...»	262
«Не надо говорить умильно...»	262
К вопросу о реинкарнации	262
«Шорох, шелест, шлепанье дождя...»	263
«Лава стекает ли, волны ли мечутся...»	263
«Спасибо всем обидчикам, спасибо...»	264
«Предновогодний сумрак синий...»	264
«Что-то зацепит вниманье, мелькнет...»	264

IV

2002–2009

«Над полем облако стоит – вздеть бы руки...»	266
«Мне этот лес не для добычи...»	266
Летняя колыбельная для Маши	267
Августовский романс	267
«Закончен август. День последний...»	268

«Осень над городом кружится плавно...»	268
«После лета... не хочу метафор...»	269
1. «Не унывая столько дней...»	269
2. «Как будто дунуло зимой...»	270
«Потоки грязи, суета, скольжение...»	271
Под снегом	271
«Время сжигает в небесных печах...»	272
«Завтра будет завтра. А сегодня...»	272
«Учить, лечить, плесть кружева...»	273
«Какая славная стезя!..»	273
«Счастливые люди не ходят сюда...»	274
«Лучше лесным деревом быть...»	275
Июнь	276
«Природа в городе – пустырь...»	276
«В церквях стоят еще березки...»	276
«– Мой друг, “нельзя ли для прогулок”...»	277
Июль	
1. «Золоченая пуля...»	277
2. «Просторный мир нагретых сосен...»	278
«За окном изумрудная лента плывет...»	278
«Мой голос для тебя...»	279
Экологическое	279
«Ну вот и мама отошла...»	280
«Куда летела? Что хотела?»	280
«Твой взгляд, затравленный порой...»	281
«Зубы сцепить, позабыть о себе...»	281
«Глаза мои сухи, бесслезны...»	282
«У могилок – зданье школы...»	282
1. «Меня заботит мать, она теперь ребенок...»	283
2. «Ветер холодный, будто из детства...»	284
«А бабушка меня звала особо – Танюшкой...»	284
«От любви, а не от ливня...»	285
«Зеркальце, записочка, брелок...»	285

«– Извольте сказку, милый визави...»	286
«Начало наших отношений...»	286
Желаю весны	
1. «Я не буду гоняться за невозможным...»	287
2. «Пусть до двери, до поворота...»	288
3. «Живи, пожалуйста, живи!»	288
4. «Не надо о любви...»	289
5. «Ты думал, навечно?»	290
6. «Поздравлений дежурных кашлица...»	290
«Все равно, как выглядеть, когда...»	291
«И что поделатъ с судьбой нескладной...»	291
«Не страдаю давно от обид и измен...»	292
«Читаю сумасшедших – не циничных...»	292
«От “Бури в пустыне” до “Бури столетий”...»	293
«Я не поеду в город тот...»	293
«Разрушил все, как сорок Стенек...»	294
Грустное	294
«В лесу, в больничной ли палате...»	295
«Не голоси, не рви рубаху...»	295
«Время – пырх! – и только видели...»	296
«И объяснений муть...»	296
«Гуляла по улице, травкой поросшей...»	297
«Ни перед кем не виновата...»	297
«Мне эти виды не в новинку...»	298
«Снега ли метут, или дождичек сеет...»	298
«Мечта о кресле и журнале...»	299
«Не житие пусть, а просто житьё...»	299
«Да оказались не готовы...»	
1. «И затоскует сердце глухо...»	300
2. «Он врет и денег не берет...»	301
3. «Смотреть бы как со стороны...»	301
«Смотрю с неясной тайной грустью на небо...»	302
«Чем лечить мне нервы оголенные?...»	303

«Жизнь не злит меня и не сердит...»	303
«...А если хочешь быть счастливым...»	304
«Добрый вечер, моя ракушка...»	304
«Согрей, земля меня, согрей...»	305
«Лето как будто бы на волоске...»	305
«Ветерок блуждает в желтых ивах...»	306
«Может, начинать не надо было...»	306

Городские подснежники

«В следующей жизни...»	308
«Подснежники – нежные, вешние...»	308
«Люблю грозу...»	309
«Московский верлибрист...»	309
«Время пионов...»	309
«Смородиной пахнет...»	310
«На берегу таежной речки Тары...»	311
«Я выросла из твоего лона...»	312
«К старости люди глухнут и слепнут...»	313
«Моя дочь с детства крещена...»	313
«– Зонт ограничивает пространство...»	313
«Нет, Маша, ты не с дуба рухнула...»	313
«Да здравствует цивилизация кошек!...»	314
«Дождь не злит. Еще земля прогрета...»	315

На Кулае

1. «Эх, Россия! До крика, до боли, до слез!...»	316
2. «Здесь осеннюю порой...»	316
3. «Между елями и березами...»	317
4. «Не бунтари, не конокрады...»	317
5. «Они сулили рай...»	318
6. «Лишь только ветер пролетит...»	319

Весеннее

1. «Под последним мартовским дождем...»	320
2. «Серое небо, серые лица...»	320
3. «Мелкий дождичек сеет, высеивает листву...»	320

«Наглотаться хамства, а потом...»	321
Детство	321
Сны о детстве	
1. «На Красный Путь – за керосином...»	322
2. «Подарком память детства мне дана...»	322
3. «Среди цветов, травы примятой...»	322
1. «Сменю я быт на бытие...»	323
2. «Лихотворение – злоба и зависть...»	324
«Черeda романов быстротечных...»	324
«Научили бабушки...»	324
Баллада о четырех ветрах	325
«Как хорошо, что не со мной...»	326
«Всю ночь сверкало и гремело...»	326
«Последняя любовь... Она горька, как хина...»	327
«Коровы бродят по стерне...»	328
«Омского севера уют...»	328
1. «В эту осень истончилось сердце...»	329
2. «Осень, осень, ты меня не рань...»	329
«Нынче весна объявилась до срока...»	330
«Пустая квартира: ни кошки, ни мышки...»	330
«Старушка просится домой...»	331
«Я больше не посмею, не рискну...»	331
«Мои глаза полны тайгою...»	332
«Тихий, спокойный, на славу не падок...»	332
«В каждом доме по кошке, герани и примуле...»	333
«Мне нравится жить в этой осени мокрой...»	333

Литературно-художественное издание

Татьяна Георгиевна Четверикова
СОБИРАЯ ВРЕМЯ
Стихи

Редактор О. Г. Даниленко
Корректор Н.Ф. Шестова
Дизайн-верстка Е. А. Пичугиной

Подписано в печать ??????.
Формат 84x108/ 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 14,8.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в
????

